

**Бурятский государственный
университет имени
Доржи Банзарова**

Восточный институт

**Научно-исследовательский центр
«Институт Конфуция»**

**Представительство
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
в г. Улан-Удэ**

**Международная Ассоциация
синологических и литературных
исследований (КНР)**

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY

**CHINESE STUDIES
IN THE 21ST CENTURY**

PROCEEDINGS
OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

(Ulan-Ude, October 12, 2021)

Volume 1

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

СИНОЛОГИЯ В XXI в.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.)

Выпуск 1

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 94:008(510)
ББК 63.3:71(5Кит)
С 386

Научные редакторы

Л. Л. Ветлужская, кандидат исторических наук, доцент
М. Б.-О. Хайдапова, кандидат филологических наук, доцент
О. Д. Тугулова, кандидат филологических наук, доцент

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

С 386 **Синология в XXI в.:** материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.) / науч. ред. Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. — Вып. 1. — 200 с. ISBN 978-5-9793-1678-9

Статьи сборника представлены в трех тематических разделах: «Китай: история и современность», «Китайский язык и методика преподавания», «Актуальные проблемы китайской филологии». Проблематика синологических исследований охватила широкий спектр теоретических и практических вопросов, связанных с изучением китайского языка, литературы, истории, культуры, философии, социологии, политики и экономики Китая.

Издание адресовано широкому кругу специалистов-гуманитариев в области востоковедения.

Chinese Studies in the 21st Century: proceedings of International scientific conference (Ulan-Ude, October 12, 2021) / sci. ed. L. L. Vetluzhskaya, M. B.-O. Khaidapova, O. D. Tugulova. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. — Vol. 1. — 200 p.

This collected volume presents papers in three thematic sections: “China: history and modernity”, “Chinese language and teaching methods”, “Current issues of Chinese philology”. Sinological research has covered a wide range of theoretical and practical issues related to the study of the Chinese language, literature, history, culture, philosophy, sociology, politics and economics of China.

The publication is addressed to a wide circle of specialists-humanists in the area of Oriental Studies.

УДК 94:008(510)
ББК 63.3:71(5Кит)

ISBN 978-5-9793-1678-9

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Родионов В. А.</i> Монголо-китайские отношения в начале XXI века: текущее состояние и проблемы.....	7
<i>Alikberov E. Sh., Alikberova A. R.</i> The analysis of relations in the China–India–USA strategic triangle.....	14
<i>Курас Л. В., Цыбенов Б. Д.</i> Китайский фактор в Монгольской революции 1921 г. (на материалах отчета уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека).....	20
<i>Базаров А. А.</i> О развитии буддизма на Северо-Западе Китая в XIV в.	27
<i>Оганесян А. Л.</i> Эволюция внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе.....	37
<i>Башкеев В. В.</i> Об опыте перевода официальных историй — по следам публикации первого тома русского перевода Хань Шу.....	46
<i>Цыбенов Б. Д.</i> Китайские источники по духовной культуре дауров....	49
<i>Чебунин А. В.</i> Развитие идеологической стратегии КПК.....	56
<i>Пляскина Е. А.</i> Трансцендентное и имманентное в языке (на примере китайского языкового знака 龍 lóng).....	66
<i>Ван Юй.</i> История становления и развития торговли чаем в Китае.....	70
<i>Лепнева М. Л.</i> Всеобщие истории китайского буддизма в современном Китае и Японии.....	79
<i>Ветлужская Л. Л.</i> Основные характеристики буддизма ваджраяны в Китае в период династии Тан.....	87
<i>Хандархаева В. В.</i> Теория причинности в китайской философии.....	92

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

<i>Гурулева Т. Л.</i> Инновации КНР в области международного обучения китайскому языку.....	99
<i>Жигульская Д. А.</i> Развитие навыков и умений аудирования у студентов-старшекурсников, изучающих китайский язык.....	108
<i>Курдюмов В. А.</i> Диалектный процесс и региональные варианты китайского языка в учебном процессе.....	115
<i>Чистякова А. Н.</i> Разгадывание иероглифических загадок как метод стимулирования изучения китайских иероглифов.....	121
<i>Литвинцев О. С.</i> Языковая репрезентация некоторых особенностей когнитивного стиля китайцев.....	126
<i>Шахаева А. А.</i> Когнитивные основания полисемии китайского глагола 上.....	134
<i>Пруцких Т. А., Балакина М. Е.</i> Особенности молодежного китайского интернет-сленга.....	138

<i>Смолова М. А.</i> Обучение реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза: современные вызовы.....	145
<i>Хайдапова М. Б.-О.</i> Адаптация японских заимствований в китайском языке.....	152

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Дондоков Д. Д.</i> Способы языковой объективации речевого акта поздравления в китайском интернет-дискурсе.....	158
<i>Митькина Е. И.</i> Журнал «Мир детектива» — важное звено в развитии детективного жанра в Китае.....	165
<i>Пороль П. В.</i> Об одном стихотворении из поэтического цикла «Ланьтинцзы».....	173
<i>Моргун В. Г.</i> Метафорический образ ученого в китайском медиадискурсе.....	179
<i>Мутасова А. П.</i> Современный китайский медиадискурс: единство мнений или конфликт дискурсов?.....	184
<i>Пигалева М. В.</i> Прецедентные имена, называющие произведения искусства, в языковом сознании китайской молодежи.....	190
<i>Дышенов А. В.</i> Поэзия как поиск смысла жизни в романе «Стекло» современного христианского писателя Бэй Цуня.....	194

КИТАЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

CHINA: HISTORY AND MODERNITY

УДК 004.925.84

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-7-14

МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

© **Родионов Владимир Александрович**

доктор политических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

vladimir_198025@mail.ru

Аннотация. В центре исследовательского внимания современные отношения Монголии и Китая. В статье анализируется вопрос о том, как в монгольском обществе интерпретируются текущие проблемы, возникающие в двусторонних отношениях. Одним из популярных объяснений противоречий является противопоставление монгольской и китайской цивилизаций как враждебных друг другу исторических общностей. Подобная интерпретация зачастую препятствует конструктивному решению существующих проблем в экономической и социальной сферах двусторонних отношений.

Ключевые слова: Монголия, Китай, стратегическое партнерство, цивилизация, политика.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и МинОН Монголии в рамках научно-исследовательского проекта «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства», № 19-511-44012 Монг_т

Для цитирования

Родионов В. А. Монголо-китайские отношения в начале XXI века: текущее состояние и проблемы // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 7–14.

Монголо-китайские отношения за три последних десятилетия прошли стремительный путь от конфронтационного противостояния до всестороннего стратегического партнерства. Это стало возможно благодаря сочетанию ряда факторов.

Начало нормализации отношений Улан-Батора и Пекина, долгие годы рассматривавших друг друга в качестве противников, было положено во второй половине 1980-х гг. Именно в этот период происходит улучшение советско-китайских отношений, инициированное М. С. Горбачевым в рамках политики «нового мышления». Советские шаги на встречу КНР, помимо прочего, включали в себя намерение вывести военные части с территории МНР. Данные планы

Москвы на первых порах вызвали настороженность у монгольского руководства, опасавшегося потерять военную защиту от потенциальной агрессии со стороны КНР [9, р. 183–203]. Однако, поняв неизбежность вывода советских войск, Улан-Батор, также предпринимает ряд мер по улучшению отношений с южным соседом.

В апреле 1989 г. состоялся первый за многие годы официальный визит в КНР главы МИД МНР Ц. Гомбосурэна. В следующем году председатель Велико-го народного хурала МНР П. Очирбат нанес официальный визит в КНР. В феврале 1991 г. председатель КНР Ян Шанькун посетил Монголию с официальным визитом. Окончательную черту в деле нормализации отношений Улан-Батор и Пекин подвели в 1994 г., когда во время официального визита главы госсовета КНР Ли Пэна был подписан «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве», ставший базовым документом для двустороннего сотрудничества. В первую очередь, данный договор включил в себя обязательства сторон взаимно уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга [4, с. 341–343].

Укрепление дипломатических отношений на высшем уровне продолжилось в рамках официальных визитов руководителей Монголии и КНР. В 1998 г. президент Монголии Н. Багабанди совершил 6-дневный визит в Китай. Через год с ответным визитом Монголию посетил председатель КНР Цзян Цзэминь. Свидетельством особой значимости Монголии для китайского руководства стал тот факт, что председатель КНР Ху Цзиньтао после своего избрания на этот пост в 2003 г. включил Монголию в свое первое заграничное турне [1, с. 51]. В дальнейшем монгольские президенты и премьер-министры неоднократно наносили визиты в Поднебесную, в ходе которых подписывались различные межгосударственные документы, направленные на углубление отношений между двумя странами. По итогам официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Монголию в августе 2014 г. было подтверждено стремление сторон к развитию стратегического партнерства, которое было расширено до уровня всестороннего стратегического партнерства¹.

Важной чертой китайской дипломатии в отношении Монголии является подчеркнутое дистанцирование Пекина от какого-либо вмешательства во внутренние дела страны. Китайская сторона не ставит двустороннее сотрудничество в зависимость от политической расстановки сил в Монголии, избегая каких-либо комментариев по поводу парламентских и президентских выборов, других значимых событий политической жизни Монголии. Во время рабочего визита в Монголию в октябре 2016 г. член Политбюро ЦК КПК Лю Юаньшань подчеркнул, что «Китай уважает выбор монгольским народом своего пути развития... КПК будет выступать за развитие отношений со всеми политическими партиями Монголии»².

¹ БНХАУ-ын дарга Си Зиньпиний Монгол улсад хийж буй төрийн айлчлалын үеэр гарын үсэг зурсан баримт бичгүүд. URL: <http://www.president.mn/content/4110> (дата обращения: 01.09.2021).

² Монгол Улсын Ерөнхийлөгчид БНХАУ-ын ХКН-ын Төв хорооны УТТ-ны Байнгын хорооны гишүүн Лю Юньшань бараалхав. URL: <http://www.president.mn/content/12272> (дата обращения: 01.09.2021).

Улучшение дипломатического фона отношений стало предпосылкой для развития торгово-экономического сотрудничества между странами. Еще в 1991 г. доля КНР во внешнеторговых связях с Монголией не превышала 3% [3, с. 389]. По итогам 2020 г. Китай уверенно лидирует среди всех зарубежных торговых партнеров Монголии — 57,5% от всего внешнеторгового оборота страны [5, с. 289]. Львиная доля экспортных монгольских товаров (преимущественно продукции горнорудной отрасли) приходится на Китай — 72,5% [5, с. 290]. Китайские компании составляют порядка 50% от всех иностранных инвесторов, ведущих свою хозяйственную деятельность в Монголии [8, р. 12]. Китай является одним из главных кредиторов монгольской экономики. В частности, в 2015 г. было принято решение о выделении Монголии кредита на общую сумму 1 млрд. долл.¹, что стало одним из самых крупных внешних займов для Улан-Батора.

Наряду с экономическим сотрудничеством активно развивается сфера гуманитарных отношений между странами. Китайская сторона на регулярной основе предоставляет места для монгольских студентов, желающих получить образование в КНР. Министр образования, культуры и науки Л. Гантимур и Посол Китая в Монголии Ван Сяолун 22 апреля 2015 г. подписали меморандум о приёме на учёбу в КНР в последующие 5 лет 1000 монгольских юношей и девушек за счет китайской стороны². Начиная с 2007 г. в Улан-Баторе действует институт Конфуция³, чья деятельность прежде всего направлена на популяризацию китайского языка и культуры среди местного населения и, как следствие, улучшение образа Китая в Монголии. Китайская сторона установила облегченный визовый режим для монгольских граждан, желающих въехать на территорию КНР.

Помимо двустороннего формата отношения Монголии и КНР в последние годы активно развиваются в рамках российско-монголо-китайского трехстороннего сотрудничества. Центральной частью данного сотрудничества следует признать проекты, направленные на создание экономических коридоров, проходящих через территорию трех стран. Данные проекты, инициированные президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем на полях саммитов ШОС в Душанбе в 2014 г., предполагают использование монгольской территории в качестве транзитного пути для интенсификации торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем⁴, что еще более увеличит значимость для Монголии ее соседей.

В целом, можно резюмировать, что на данный момент роль КНР во внешней политике и экономике современной Монголии сложно переоценить. Южный сосед по праву называется одним из самых важных партнеров страны в начале XXI в., качественный прогресс в различных сферах двусторонних отношений подкреплён приверженностью руководства стран к развитию всестороннего стратегического партнерства.

---

¹ Предоставление Монголии кредита на 1 млрд долларов. URL: http://news.mongolnow.com/04_11_005.html (дата обращения: 01.09.2021).

² Меморандум о приеме на учебу в КНР. URL: http://news.mongolnow.com/23_04_03.html (дата обращения: 01.09.2021).

³ В Улан-Баторе будет институт Конфуция. URL: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=28821> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴ Переговоры лидеров Монголии, Китая и России. URL: <http://news.mongolnow.com/?p=4030> (дата обращения: 01.09.2021).

Между тем, на фоне позитивной динамики развития сотрудничества Монголии и КНР оставляет желать лучшего отношение к Китаю и китайцам со стороны рядовых монголов. Более того, в современной Монголии широко распространен устойчиво негативный образ южного соседа. Данные опроса общественного мнения, ежегодно проводимые самым известным и авторитетным в Монголии фондом «Сант Марал», свидетельствуют о крайне низком уровне позитивного восприятия КНР среди монгольского населения.

Таблица 1
Какая из стран является лучшим партнером для Монголии? (%)¹

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
КНР	0,7	1,2	1,3	1,6	0,6	0,8	2,4	5,8

Помимо результатов монгольского опроса не менее показательными являются данные международных социологических исследований. Так, согласно результатам опроса, проведенного в течение 2013–2014 гг. организацией «Asian barometer survey», наиболее низкий процент позитивного восприятия китайского влияния среди его азиатских соседей оказался в Монголии (28% и 29% соответственно), Японии (23% в 2013 г.) и Мьянме (31% в 2014 г.)². Данные другого социологического опроса, представленные компанией «Gallup International» в сотрудничестве с российской компанией «РОМИР», также свидетельствуют о преимущественно негативном восприятии Китая населением Монголии: 76% монгольских респондентов негативно оценили сотрудничество с КНР в экономической сфере³.

Представленные данные во многом являются отражением существующего в монгольском обществе опасения по поводу рисков, вызовов и угроз национальной безопасности, исходящих со стороны Китая. Стоит признать, что оснований для опасений по поводу национальной безопасности у монголов предостаточно. Среди наиболее важных причин можно выделить следующие.

Наиболее часто упоминаемой и обсуждаемой проблемой в современных монголо-китайских отношениях является растущая глубокая зависимость монгольских экспортеров полезных ископаемых (угля, меди, железной руды и др.) от китайского рынка сбыта, что приводит к ценовому диктату со стороны южного соседа⁴. Кроме того, значительная часть китайских инвестиций также направлена в ключевую для монгольской экономики горнорудную отрасль. При этом китайские компании, работающие в сфере добычи полезных ископаемых Монголии, всю добываемую продукцию предпочитают вывозить в качестве сырья для дальнейшей переработки в КНР. Известными примерами такой практики является деятельность китайских компаний «Petro China», занимающейся добычей нефти

¹ Таблица составлена по данным: Sant Maral foundation. URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата обращения: 01.09.2021).

² How do Asians view a rising China? URL: <http://www.asianbarometer.org/survey/survey-results> (дата обращения: 01.09.2021).

³ Китай любят в России и не любят в Иране. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3312694> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴ Жаргалсайхан Д. Монголын нүүрсэнд Хятад монополь үнэ тогтоох аюул нүүрлэж байна. URL: <http://www.assa.mn/a/2490> (дата обращения: 01.09.2021).

в местности Тамцаг и «CNNC», владеющей лицензией на разработку урановых месторождений Гурван Булаг. В результате подобной практики Монголия превращается в сырьевой придаток китайской экономики. Экспорт полезных ископаемых из Монголии в Китай в сыром виде в корне противоречит принятой в 2011 г. Концепции внешней политики Монголии, в которой поставлена задача добиться полной переработки горнорудного и сельскохозяйственного сырья, выпуска конечной продукции с добавленной стоимостью, производства импортозамещающей продукции¹.

Помимо экономической сферы актуальными проблемами монголо-китайских отношений являются демографическое давление со стороны Китая и, связанный с этим рост безработицы. Согласно официальным данным, на начало 2021 г. 53,6% иностранцев, работающих по трудовому договору, являлись гражданами КНР². По некоторым неофициальным данным, в Монголии постоянно находятся до 100 тыс. китайцев [2, с. 173–182], при том, что все население страны составляет чуть более 3 млн. человек. Основная масса китайских граждан в Монголии, как правило, приезжают с целью временного трудоустройства. Учитывая высокий уровень бедности и безработицы в Монголии, негативное отношение к китайским гастарбайтерам обуславливается в том числе и социальными причинами.

Общественные дискуссии по поводу вышеописанных проблем зачастую сопровождаются субъективными, иногда крайне спекулятивными оценками сущности китайской политики в отношении Монголии. Например, из опасений быть ассимилированными китайцами, в монгольском обществе существует негативное отношение к бракам с китайскими гражданами. При этом широко распространено мнение о том, что вступление в брачные отношения китайцев с монголками всячески поощряется китайскими властями, заинтересованными в китаизации соседней страны. Другой пример мифотворчества представлен способом объяснения низкого качества китайских товаров, поступающих в Монголию. Массовые слухи включают в себя информацию о целенаправленной китайской политике по нанесению вреда здоровью монгольской нации.

Для существующих в Монголии националистических организаций именно китайцы являются главными объектами для нападений [7, р. 127–142]. В современном монгольском бытовом и общественно-политическом лексиконе нередким является употребление оскорбительных для китайцев слов («хужаа», «луухаан», «эрлийз»). Китаефобия имеет довольно широкое хождение в массовой культуре Монголии. Антикитайская тема присутствует в творчестве некоторых рэп-исполнителей³, на улицах Улан-Батора можно увидеть экстремистские надписи, призывающие убивать или изгонять китайцев из Монголии.

Многие монгольские историки, политологи, публицисты и политики, говоря о различных негативных страницах монголо-китайских отношений, склонны про-

¹ Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Официальный сайт правительства Монголии. URL: <http://www.pmis.gov.mn> (дата обращения: 01.09.2021).

² Число работающих в Монголии иностранцев выросло на 2,7 процента. URL: <https://montsame.mn/ru/read/260589> (дата обращения: 01.09.2021).

³ Gee — hujaa original f**k China URL: https://www.youtube.com/watch?v=MKWfED_mMUw (дата посещения 01.09.2021); 4 zvg "Bvv dawar hujaa nar aa!!!" URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1422dDYbPc8> (дата обращения: 01.09.2021).

дить не вполне корректные параллели с современной ситуацией. Депутат парламента Монголии Г. Баярсайхан, комментируя информацию о намерении крупной китайской компании инвестировать в горнорудную отрасль страны, сравнил эту ситуацию с маньчжурским периодом монгольской истории: «И тогда все решения за монголов принимались в Пекине, и сейчас судьба монгольской добывающей сферы определяется Пекином»¹. Исследователь О. Чулуунбилэг в одном из своих интервью заявил, что стремление Китая и России включить Монголию в ШОС на правах постоянного члена является политикой Пекина и Москвы по ликвидации монгольской независимости по аналогии с 1915 г., когда по условиям Кяхтинского трехстороннего договора страна получила статус автономии в составе Китая².

Корни подобных умонастроений, на наш взгляд, лежат в формируемой монгольскими интеллектуальными элитами парадигме отношений с южным соседом. Речь идет о якобы имманентной враждебности китайской цивилизации и китайцев как носителей ее ценностей по отношению к монголам. Так, монгольский политолог Р. Батсайхан, взяв за основу концепцию С. Хантингтона о будущем глобальном конфликте на почве цивилизационных различий, сделал вывод о сущностном характере противостояния между кочевой цивилизацией Монголии и оседлой китайской цивилизацией. Более того, экономическое влияние Китая в Монголии он склонен рассматривать в качестве инструмента наступления китайской цивилизации: «Китайская цивилизация будет расширяться. И Китай осуществляет это расширение постепенно, почти незаметно, путем экономического развития»³.

Акцент на китайской цивилизационной специфике как главном источнике угроз для Монголии уводит от серьезного обсуждения реальных причин уязвимости монгольской экономики и системы управления перед внешними вызовами — высокого уровня коррупции, несовершенства национального законодательства, низкой эффективности в работе органов государственной власти и др. Известный в Монголии публицист и политик Б. Батбаяр (псевдоним Баабар), рассуждая в одной из своих статей о природе коррупции в Монголии, обвинил китайцев в насаждении в Монголии культуры взяток и подношений⁴.

Приведенное выше описание Китая в категориях цивилизации граничит с этническим национализмом и расизмом. Практика объявления отдельных политиков и общественных деятелей потомками китайцев тесно связана с обвинениями в их адрес в симпатиях к Китаю и антимонгольской деятельностью. Обвинение на своего политического оппонента в симпатиях к Китаю и/или наличии у него китайских корней является одним из наиболее действенных и часто применяемых приемов в период предвыборных кампаний в Монголии. Попытки разыграть «китайскую карту» в преддверии выборов начались с самого начала 1990-х гг. В период предвыборной кампании 1992 г. оппозиционные Монгольской народно-революционной партии силы подвергли ее руководство критике за поддержа-

¹ Interview with G. Bayarsaikhan. URL: <http://ubpost.mongolnews.mn/index.php/2011-07-24-01-42-01/88888930-politicstop/7081-cirtics-blast-southgobi-sale-to-chalco-> (дата обращения: 01.00.2021).

² Чулуунбилэг О. Монгол улс ШХАБ-д элсвэл хариуцлагыг нь эрх баригчид хүлээх ёстой. URL: <http://undesten.mn/50097.html> (дата обращения: 01.09.2021).

³ Батсайхан Р. Хантингтон ингэж хэлсэн юм. URL: <https://news.mn/r/666510/> (дата обращения: 01.09.2021).

⁴ Баабар. Рио Тинтог Монголоос шахаж гаргая. URL: <http://baabar.mn/article/rio-tintog-mongoloos-shakhaj-gargaya> (дата обращения: 01.09.2021).

ние тесных связей с КПК. В частности, критиковался факт получения от китайских коллег 500 тонн бумаги, а также планы по подготовке своих членов в партийных школах КПК [6, р. 62]. В ходе президентских кампаний 1993, 1997, 2005, 2009 и 2017 гг. в отношении некоторых кандидатов распространялись слухи о наличии у них китайских корней¹.

В целом, можно констатировать, что современная монгольская идентичность во многом базируется на противопоставлении Китаю и китаизации, поэтому массовое распространение китайской культуры в политическом дискурсе Монголии рассматривается как цивилизационная угроза или попытка ассимиляции.

Оценивая состояние современных монголо-китайских отношений, стоит признать наличие несомненных рисков для экономической безопасности Монголии, связанных с односторонней ориентацией на китайский рынок и зависимостью от экспорта китайских товаров массового потребления. Действия монгольской стороны, направленные на исправление данной ситуации, безусловно, понятны и правомерны. Однако, систематическая демонизация Китая и китайцев на основе исторических сюжетов, а также наделение южного соседа исключительно негативными свойствами, связанными с его цивилизационными и этнокультурными характеристиками, приводят лишь к дискредитации политики Монголии по укреплению собственной безопасности и во многом обесценивают усилия по диверсификации внешнеэкономических связей страны.

Литература

1. Алтанцэцэг Н. Монголо-китайские отношения в эпоху глобализации // Олон улсын харилцаа. 2003. № 2. С. 46–58.
2. Галиймаа Н. Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодики // Диаспоры. 2011. № 1. С. 173–182.
3. История Монголии. XX век / ответственный редактор Г. С. Яскина. Москва: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.
4. Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. Москва: Институт востоковедения РАН, 2002. 370 с.
5. Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2020. Улаанбаатар, 2021. 417 с.
6. Batbayar Ts. Mongolia in 1992: back to one-party rule // Asian Survey. 1993. Vol. 33. № 1. Pp. 61–66.
7. Delaplace G. Chinese ghosts in Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12. Pp. 127–142.
8. Jargalsaikhan M. Lingering anti-Sinic sentiments in post-communist Mongolia: Why dislike the Chinese? // Voices from Central Asia. 2015. № 19. January. Pp. 1–15.
9. Radchenko S. Soviet withdrawal from Mongolia, 1986–92: A reassessment // The Journal of Slavic Military Studies. 2012. № 25. April. Pp. 183–203.

---

¹ Кульминацией этих историй стало выступление за несколько дней до выборов в 2009 г. по национальному телевидению Ц. Элбэгдоржа, где он со слезами на глазах попросил свою мать подтвердить то, что его отец не был китайцем [Jargalsaikhan, 2015: 2].

MONGOLIA — CHINA RELATIONSHIP
IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY:
CURRENT STATUS AND CHALLENGES

Vladimir A. Rodionov

Dr. Sci. (Political Studies), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
vladimir_198025@mail.ru

Abstract. The article is about the contemporary Mongolia — China relationship. The main focus is on how the existing problems in bilateral relations are interpreted in Mongolian society. There is an emphasis on the civilizational features of China as a source of threats to Mongolia's security. Thus it interrupts the objective solution of crucial problems in the economic and social spheres of relations.

Keywords: Mongolia, China, strategic partnership, civilization, politics.

УДК 327

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-14-20

**THE ANALYSIS OF RELATIONS
IN THE CHINA-INDIA-USA STRATEGIC TRIANGLE**

© **Alikberov Eduard Shabanovich**

The Lecture of the Institute of International Relations,
Kazan Federal University
1/55 Pushkina St., Kazan 420008, Russia
eduard_alikberov@mail.ru

© **Alikberova Alfiya Rafisovna**

A/Prof. of the Institute of International Relations,
The Head of the Institute of Confucius,
Kazan Federal University
1/55 Pushkina St., Kazan 420008, Russia
alfiakasimova@gmail.com

Abstract. The presented work is devoted to the study of the influence of such a form of relationship as a triangle on the behavior of states and their interaction within the framework of a tripartite format. The relevance of this topic is due to the dominant position of the United States in the world, as well as the growing role in the system of international relations of two Asian giants, China and India, capable in the 21st century to confront Western countries in the international arena. The role of the China–India–USA strategic triangle — key players in the world political arena — will increase in the near future. Using the example of the interaction of the three states of the People's Republic of China, the Republic of India and the United States of America, the study examines and analyzes the main principles of the successful coordination of the three sides in the triangle: balance of power, refraining, and security. The main conclusion of the presented study is the importance of maintaining a balance in the strategic triangle "China-India-USA", since the aforementioned countries occupy important positions in the main areas of international relations: economy and security, the world order in the Asia-Pacific region depends on them.

The methodological basis of the work is the general humanitarian research method-system analysis, which allowed us to analyze the principles of construction and functioning of the triangle as a system as a whole, and also to study the features of all components of this system, their interdependence and internal patterns of development. The materials of this article can be used in the future by international experts, orientalists and economists studying the Indo-Pacific and Asia-Pacific regions, as well as when reading a course of lectures and writing textbooks.

Keywords: strategic triangle, international relations, balance of power, People's Republic of China, regional security, India, United States of America.

Для цитирования

Alikberov E. Sh., Alikberova A. R. The analysis of relations in the China–India–USA strategic triangle // *Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 14–20.*

Strategic triangles represent an important element in international relations. A triangle is a system in which the interrelationships of all existing actors are observed, and a change in one side of the triangle generates impulsive waves, under the influence of which the transformation of opposite sides occurs. The further process of wave transmission forms a control tool — feedback. Consequently, changes in one part of the triangle in one way or another affect other participants in the international process, as well as the strategic plans of states depend on the plans of other states.

The existing relationship and foreign policy between any couple in the strategic triangle affects the relationship between each participant. In cases of a change in the nature of relations between parties A and B, the relations of parties B and C change in parallel, often there is a situation in which actor A is forced to build her relationship with actor B, taking into account the possible impact on relations with a third state or union C.

Interaction in a triangle is based on three key principles:

1. Balance of power;
2. Refraining;
3. Security.

Balance of power is a state policy aimed at balancing other states. Comparing its potential with opponents in order to protect its national interests, the state achieves the desired balance in the international arena in two ways:

1. By building up its own power in the military, economic sphere and pursuing a reasonable foreign policy;
2. Entering into various alliances with potential allies to combine common efforts.

German politician Otto von Bismarck at a meeting with Russian ambassador P. A. Saburov pronounced his famous rule: “All politics can be reduced to a formula — try to be among the three in a world ruled by a fragile balance of five powers. This is the only true defense against the formation of hostile coalitions” [1].

Balance of power. The central idea of the balance of power is that the balance of power is necessary to maintain peace, while the imbalance creates the prerequisites for the growth of tensions. If balance is prioritized correctly, military aggression is mini-

mized in such a situation. The dynamics of the balance of power is of great importance in the key region of the world — Asia.

The balance of power in the China–India–USA strategic triangle is highly variable. Newly elected US President Joe Biden can look forward to further deepening cooperation in New Delhi to build a global partnership. Throughout the history of bilateral relations, relations between the United States and India have not always looked cloudless. However, in the last decade, Washington and New Delhi have undergone a reassessment of relations, and steps are being taken to deepen diplomatic and military ties, and cooperation in the trade and economic sphere is actively expanding [2].

During the reign of Donald Trump, India and the United States signed a number of important agreements in the military sphere, the exchange of intelligence, on intellectual property rights [3], all of these agreements make it possible with a high degree of probability to talk about the possible signing of a bilateral trade agreement in the near future.

However, despite many diplomatic initiatives and existing agreements aimed at increasing trade, disputes remain over the terms of trade duties and barriers, intellectual property rights and migration policy [4]. This indicates that strategic partnerships do not need to be immediately accompanied by improved economic ties, or vice versa; although there is an opportunity for higher levels of development of trade and economic relations and attracting investment.

Both states are united in an effort to limit the spread of China's influence within its own borders, for India in Southeast Asia, and for the United States as a whole, as the main competitor in the struggle for global leadership.

Claiming to be the leader in the Asian region, India is anxiously watching its own economic lag behind China. This fact pushes India to seek opportunities to form an alliance to counter the rise of China.

New dynamics in bilateral relations became apparent with the arrival of Barack Obama in the White House. In 2010, US President Barack Obama, speaking in front of the Indian Parliament during a visit to New Delhi, supported India's application to become a permanent member of the UN Security Council. As a result of the meeting, a number of agreements were signed in the trade and economic sphere [5]. The total amount of the agreements amounted to a record amount of more than \$ 15 billion. The contract for the supply of 10 military transport aircraft C-17 Globemaster III in the amount of \$ 4.1 billion [6] stands out in particular. This contract is the largest in the history of military-technical cooperation between New Delhi and Washington.

Despite the development of the military-technical sphere, India is trying to pursue a diversified policy in the field of arms procurement, thereby avoiding dependence on one supplier. By diversifying the pool of suppliers, which includes the United States, Russia and the EU, India seeks to create a tough competitive environment and achieve concessions in pricing policy, as well as gain access to technology.

In June 2010, Indian Foreign Minister Somanahalli Krishna and US Secretary of State Hillary Clinton held a four-day series of meetings as part of the first Indian-American strategic dialogue at such a high level.

Experts in Washington shared the troubling expectations of Indian analysts about the rapidly growing Chinese power. In this situation, the Obama administration began the process of shifting the focus of attention from the problems of the fight against ter-

rorism to the inclusion of the struggle for leadership in the Asia-Pacific region. The US aspiration to become a leading player in the Asia-Pacific region was demonstrated in the speech of US Secretary of State H. Clinton at the 2011 APEC summit, when she stated that "the 21st century will become America's Pacific century" [7].

The economic component is also important in trilateral relations. China has become India's leading trading partner. According to Indian trade statistics, India's bilateral trade with China was \$ 77.5 billion in 2020, up from \$ 85.5 billion in 2019 [8]. India's trade deficit with China narrowed from \$ 56.5 billion in 2019 to \$ 45.9 billion in 2020 as Chinese imports fell by 10.8% to \$ 58.7 billion from \$ 74.9 billion in the previous year. Despite this, India remains dependent on Chinese supplies of heavy engineering products, telecommunications equipment and household electrical appliances. India is still far more dependent on trade with China than China is on India.

There is an increase in trade turnover between China and the United States at the end of 2020 up to \$ 586.72 billion. At the same time, the export of Chinese products to the United States increased by 8% and amounted to \$ 451.81 billion. Imports of American products increased by 9.8% to \$ 134.91 billion. China's surplus in 2020 amounted to \$ 316.9 billion, an increase of 7.1% in annual terms compared to 2019 [9]. Analyzing the trade turnover within the strategic triangle, one can notice a positive balance of China in trade, both with India and the United States. In Sino-Indian trade relations, there is a great dependence of India on the supply of Chinese products, while in Sino-American trade relations, on the contrary, there is China's dependence on the United States as the main market for its products.

India's reliance on Chinese imports narrows India's ability to leverage an alliance with the United States to prevent China from strengthening. The interdependence in trade and economic relations is forcing China to build relations with India to the extent that its relations with the United States are. Chinese companies are already facing trade restrictions from the US and other countries, resulting in overcapacity, making it difficult for China to ignore a market as large as India.

Refraining. The United States, trying to combine its potential with that of India, is counting on achieving refraining of the PRC. Despite the fact that the United States reacted negatively to the fact of nuclear tests in India, imposing sanctions, the blockade period lasted no more than 30 years. In 2005, an agreement was signed between the countries under which India extended the IAEA guarantees to civilian nuclear facilities. The United States supports India's ambition to develop rocket technology to contain China. In the case of increased regional and global rivalry between India and China, Indian refraining forces will play a key role in the India-US coalition to counter Chinese influence. The formation of such a full-fledged coalition seems unlikely in the short term. In external affairs, the Indian government is trying to maintain strategic autonomy in decision-making.

India's nuclear doctrine is aimed at creating a deterrent, using its nuclear potential only as an opportunity for an adequate retaliatory strike. However, the development of bilateral Sino-Pakistani relations is forcing India to increase and modernize its nuclear shield. In August 2016, Indian Prime Minister N. Modi announced the commissioning of the first nuclear submarine "Arihant", allowing India to become the owner of a full-fledged nuclear triad.

Despite this, their limited capacity and the existing doctrine of using nuclear forces only as a retaliatory measure allows China to avoid considering India's nuclear forces as a potential threat. On the contrary, the focus of China's attention is on the US nuclear forces, having significantly increased their potential under the presidency of Donald Trump and accelerating the arms race.

Security and arms race. The arms race in the China-USA-India strategic triangle is a complex process, since it is necessary to take into account the interrelationships of all three parties. If actor A increases its military power in response to the increase in the military potential of country B, then country C is also forced to take its own steps on security issues, which creates a problem within the triangle, increasing security issues.

So, in response to the military strengthening of China, the modernization of the Indian army began, but Pakistan perceived India's actions as a threat and in response also began to build up its military forces.

The United States as a major player in the global arms market, supplying weapons to Pakistan, faced strong opposition from India. In the same way, when supplying arms to India, Pakistan showed concern and diversified supplies, buying arms from China and Russia, thus the problem of the arms race within the triangle became complex [10, 11].

One of the reasons for the buildup of the arms race is China's implementation of the String of Pearls program. The goal of this initiative is to create a chain of "anchor points" stretching from Hainan Island along the northern Indian Ocean coast to the coast of East Africa. Along the so-called necklace, the PRC proposes to deploy large-scale construction of strongholds of military-strategic importance for the permanent presence of the PRC in the Indian Ocean in order to ensure the security of its sea trade communications.

The transfer of the port of Gwadar to Beijing for 43 years served as a signal for New Delhi to intensify its policy in the Indian Ocean. India-China rivalry for regional influence has now taken on a new arena of rivalry.

India, which historically considers the Indian Ocean region a zone of its own influence, perceives the modernization of the Gwadar infrastructure as a potential threat to its national security. In addition to using it as a major logistics trade hub, China can also deploy naval forces there, capable of controlling sea routes from Europe, Africa to the Asia-Pacific region.

The nature of relations in the strategic triangle is becoming complex due to the impact of the globalization process and, as a consequence, the strengthening of trade and economic interdependence and mutual influence in other areas. To solve a number of problems of an international nature, it is necessary to create coalitions between countries. Thus, the numerous challenges that arise in the world arena lead to the formation of various forms of relations, including in the form of triangles. A balanced foreign policy is becoming more and more in demand and allows avoiding an unnecessary and dangerous arms race, maintaining a balance of power acceptable to all participants and a failed containment policy, directing its energy to the development of mutually beneficial cooperation.

Bibliography

1. Levyash I. Global Peace and Geopolitics: Cultural and Civilizational Dimension: in 2 vols. Minsk, 2012. Book 2. 409 p.

2. Barack Obama's trip to India: Five things to know about his visit. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/barack-obama-s-trip-india-five-things-know-about-his-visit-10000458.html> (access date: 03/15/2021).
3. Hacker J. S. The Great Risk Shift. Expanded & Fully Revised Second Edition. Oxford University Press, 2019. 10 p.
4. Jain B. M. India-US Relations in the Age of Uncertainty: An Uneasy Courtship. New York: Routledge, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=UCAFDAAAQBAJ&pg=PA182&dq=chary+india+us+relations&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=chary%20india%20us%20relations&f=false (date of access: 05.09.2016).
5. Obama supports India on UN Security Council bid. URL: <https://www.indiatoday.in/obama-visit/latest-updates/story/obama-supports-india-on-un-security-council-bid-85229-2010-11-08> (date of access: 19.03.2021).
6. Boeing will invest 30 percent of the value of the contract for the supply of military transport aircraft C-17 in the Indian aircraft industry. URL: <https://tass.ru/politika/611750> (date of access: 19.03.2021).
7. Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy magazine. 2011. November (Issue 189). Feature: 11 October, 2011. Mode of access: URL: <http://www.foreignpolicy> (date of access: 19.03.2021).
8. Official website of the Ministry of Industry and Commerce of India: Export Import Data Bank (Annual), Government of India, Ministry of Commerce & Industry, Department of commerce. URL: <http://commerce-ap.p.gov.in/eidb/default.asp> (date of access: 19.03.2021).
9. The volume of trade between the PRC and the United States in 2020 increased by 8.3%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10455569> (date of access: 18.03.2021).
10. Pakistan: beyond stereotypes / T. I. Borisov, S. A. Denisentsev, V. B. Kashin, A. V. Lavrov, Yu. Yu. Lyamin, R. Sh. Mamedov, E. A. Pakhomov, A. M. Ramm, P. V. Topychkanov, M. Yu. Shepovalenko; ed. T. I. Borisova, K. V. Makienko. M.: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2019. 208 p.
11. Ilikova L. E., Glushkova S. Y. Conflictual potential of soviet borders. Probabilidadesconflictivas de las fronterassoviéticas. Opcion, 2019, 35 (Special Issue 23). Pp. 259–274.

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ КИТАЙ–ИНДИЯ–США

Аликберов Эдуард Шабанович
преподаватель Института международных отношений,
Казанский федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина 1/55
eduard_alikberov@mail.ru

Аликберова Альфия Рафисовна
доцент Института международных отношений,
директор Института Конфуция,
Казанский федеральный университет
Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина 1/55
alfiakasimova@gmail.com

Аннотация. Представленная работа посвящена исследованию влияния такой формы отношений, как треугольник, на поведение состояний и их взаимодействия в рамках трехстороннего формата. Актуальность данной темы обусловлена доминирующим положением США в мире, а также возрастающей ролью в системе международных отношений двух азиатских гигантов, Китая и Индии, способных в XXI веке противостоять странам Запада в России. В ближайшем будущем роль стратегического треугольника Китай–Индия–США — ключевых игроков на мировой политической арене — возрастет. На примере взаимодействия трех государств — Китайской Народной Республики, Республики Индии и Соединенных Штатов Америки — ис-

следуются и анализируются основные принципы успешного согласования трех сторон треугольника: баланс власть, сдержанность и безопасность. Главный вывод представленного исследования — важность поддержания баланса в стратегическом треугольнике «Китай–Индия–США», поскольку указанные страны занимают важные позиции в основных сферах международных отношений: экономика и безопасность, мировой порядок в мире. От них зависит Азиатско-Тихоокеанский регион. Методологической основой работы является общегуманитарный метод исследования — системный анализ, который позволил проанализировать принципы построения и функционирования треугольника как системы в целом, а также изучить особенности всех компонентов этой системы. их взаимозависимость и внутренние модели развития. Материалы статьи могут быть использованы в будущем международными экспертами, востоковедами и экономистами, изучающими Индо-Тихоокеанский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, а также при чтении курса лекций и написании учебников.

Ключевые слова: стратегический треугольник, международные отношения, баланс сил, Китайская Народная Республика, региональная безопасность, Индия, Соединенные Штаты Америки.

УДК 94(47)+94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-20-27

**КИТАЙСКИЙ ФАКТОР
В МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 г.
(на материалах отчета уполномоченного НКВД РСФСР
в Монголии О. И. Макстенека)**

© Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,

главный научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

kuraslv@yandex.ru

© Цыбенков Базар Догсонович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

bazar75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию китайской приграничной администрации г. Маймачен и китайских наместников в Урге с уполномоченным НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенеком в декабре 1920 — марте 1921 гг. В частности, проанализированы мотивы деятельности переводчика-секретаря Маймаченского сановника Нью Винбина, официальные заявления китайских наместников в Урге Чэнь И и Ли Юаня. Особое внимание уделено согласию китайских властей на ввод советских войск во Внешнюю Монголию в марте 1921 г.

Ключевые слова: О. И. Макстенеков, дипломатическая деятельность, Маймачен, китайские власти, переговоры.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МинОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004

Для цитирования

Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Китайский фактор в Монгольской революции 1921 г. (на материалах отчета уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека) // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 20–27.

Под китайским фактором в Монгольской революции 1921 г. исследователи обычно понимают предысторию революционных событий в Монголии, связанную с захватом страны войсками китайских милитаристов во главе с Сюй Шучжэном в 1919 г. и их последующим изгнанием Азиатской дивизией барона Ф. Р. Унгерна. В нашей работе рассматривается иной аспект проблемы, освещающий деятельность китайских официальных властей в декабре 1920 — марте 1921 гг. в монгольско-российском приграничье на участке Маймачен — Троицкосавск. Находясь в сложной обстановке, они были вынуждены вступить в отношения с уполномоченным Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенеком. Его ключевая роль в налаживании контактов в конце 1920 — начале 1921 гг. с китайскими властями Маймачена долгое время оставалась малоизученной. Начиная с 2019 г. личность О. И. Макстенека, как одного из организаторов Монгольской революции 1921 г., находится под пристальным вниманием научно-исследовательского коллектива, работающего в рамках проекта РФФИ-МинОКН (Монголия) «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)». Исследователями опубликован ряд статей, в которых дана оценка деятельности О. И. Макстенека как дипломата и агента Коминтерна, оказавшего всестороннюю помощь монгольским революционерам [6; 8, 9, 10; 11; 18; 21]. Настоящая работа основана на архивном источнике, находящемся на хранении в архиве Министерства иностранных дел Монголии, под названием «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О. И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.». В одном из разделов этого отчета, носящего название «Дипломатическая работа», описаны взаимоотношения О. И. Макстенека с китайскими официальными властями. Следует заметить, что двусторонние отношения с самого начала складывались не в пользу советского дипломата. Китайские власти отказались пропустить его к месту его назначения — г. Урга как представителя не признанного Пекином государства [6, с. 175], в результате чего Отто Иванович остался в приграничном городке Троицкосавске и открыл здесь консульский отдел Советской России [7, с. 870]. По свидетельству О. И. Макстенека, сначала перспективы на изменение отношения китайских властей никак не проглядывались. Однако в течение восьми месяцев произошли разительные перемены, увенчавшиеся многократными обращениями китайских властей в лице

наместника Чэнь И и других чиновников, которые можно трактовать как признание Советской России китайскими властями де-факто [18, с. 312]. Непосредственное деловое взаимодействие уполномоченного Наркоминдела с китайскими властями в Монголии началось в сентябре 1920 г. В этот период он направил китайским властям четыре протеста против насилия, грабежей и убийств китайскими солдатами служащих Центросоюза. Следует подчеркнуть, что бесчинства китайских солдат начались еще в феврале 1920 г. с расстрела мирной демонстрации жителей Троицкосавска [5, с. 24], а в последующем в противоправные действия в отношении служащих российских организаций. О. И. Макстенок также направил протесты против покровительства китайских властей, оказываемого белогвардейским отрядам и контрреволюционерам в Монголии. Как отмечает японский исследователь М. Тачибана, вакуум власти, возникший в Монголии после вызова в Пекин китайского генерала Сюй Шучжэна, заполнил барон Унгерн [15, с. 132]. В этой ситуации китайские пограничные чиновники не только не отреагировали на протесты Макстенка, но и первоначально пытались осуществлять взаимодействие с белогвардейцами. Однако уже тогда начались первые столкновения китайцев с отрядами Унгерна, и они стали осознавать шаткость своего положения в Монголии. По сведениям У. Брумфилда, войска Унгерна, занявшие большую часть Монголии, создали угрозу захвата приграничных территорий в районе Троицкосавска — Кяхты [3, с. 24]. Ситуация в приграничье, как и в целом во Внешней Монголии, стремительно ухудшалась. И китайские власти стали разрабатывать план наступления на войска барона Унгерна [20, с. 120].

Китайские приграничные власти вышли на контакт с Макстеноком 3 декабря 1920 г. К нему прибыл чиновник Нью Винбин и заявил об устном протесте вышестоящего маймаченского чиновника Лу Пантао в связи с вводом войск Советской России в Джидинский район. Через 10 дней, 13 декабря 1920 г., последовал письменный протест маймаченских властей [18, с. 312]. Таким образом китайская региональная администрация предпринимала меры для обеспечения безопасности Маймачена от усилившихся с появлением Азиатской дивизии Унгерна белогвардейских отрядов в Монголии. Можно предположить, что китайцы рассчитывали на уход Унгерна из Монголии после первой неудачной попытки захвата Урги в ноябре 1920 г. Один из наиболее вероятных путей белогвардейцев в Россию лежал через Джидинский район. В то время этот район входил в состав РСФСР, а граница ДВР с Советской Россией проходила по р. Селенге [2, с. 164]. Населенный казаками и имеющий удобное положение, этот район представлял собой важный плацдарм как для продвижения белогвардейских отрядов в северо-западном направлении, так и для наступления советских войск на территорию Монголии. Что касается Нью Винбина, то по сведениям сотрудника Дальневосточного секретариата ИККИ Цэдэн-Иш (Гочитского), он работал в должности переводчика-секретаря при Маймаченском сановнике, состоял в дружеских отношениях с бывшим пограничным комиссаром Хитрово, помог ему спрятаться в Монголии, на р. Иро, на заимке Швецова «Карнаковке» [14, с. 134]. Заметим, что некоторые китайские чиновники Маймачена состояли в дружеских отношениях с россиянами, помогали им в сложных ситуациях. Например, маймаченский дзар-

гучей, чиновник 4-го класса На Даньчжу в декабре 1911 г. помог при пожаре в Кяхте, отправив 100 китайцев-водовозов с бочками [13, с. 12–13].

Маймаченские чиновники, пытались действовать сообразно меняющейся обстановке в Монголии, и были вынуждены сами обращаться к уполномоченному Наркоминдела. 15 декабря 1920 г. от них поступило официальное сообщение о том, что «чех Вебс является самозванцем и не уполномочен Китайским Правительством как его представитель» [18, с. 312]. Известно лишь, что некий О. Вебс, по сведениям на начало апреля 1920 г., являлся сотрудником Сибмиссии по иностранным делам [4, с. 36].

С момента своего появления в Троицкосавске О. И. Макстенок ясно осознавал, что китайские власти опасались вступать в контакт с ним как с представителем Советской России, непризнанной как Антантой, так и Пекином. В то же время он объективно оценивал нелегальное положение Монгольской народной партии, представителем которой оказал большую помощь летом 1920 г. Так, при встрече с монгольскими революционерами О. И. Макстенок отметил, что прямые контакты с ними могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии [8, с. 201]. Особо следует отметить позицию Китайской Республики в отношениях с СССР на протяжении всей первой половины XX в. Официальный Пекин неизменно подчеркивал, что Внешняя Монголия является провинцией Китая [1, с. 42–43].

Большие перемены во взаимоотношениях китайских властей Маймачена и Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии произошли в начале 1921 г., когда китайским чиновникам стало очевидно, что теперь путь на их родину в Китай будет пролегать только через Троицкосавск. Поэтому они стали выступать в роли просителей, обращаясь за помощью к О. И. Макстенку. Тем самым, они, сами того не желая, признавали легальность существования РСФСР. Поводом для обращения послужил захват Урги войсками Унгерна в феврале 1921 г. и бегство китайцев (солдат, чиновников и купцов) из Урги в Маймачен. Большинство китайцев, за исключением солдат, стали обращаться к уполномоченному Наркоминдела за транзитными визами. Как отмечал О. И. Макстенок, за сравнительно короткий период он завизировал несколько тысяч китайских паспортов. Кроме того, поступило около 40 обращений от китайских фирм и государственных учреждений к уполномоченному Наркоминдела как представителю Советской России с просьбой взять их под свое покровительство. В самом Маймачене (Южной Кяхте) по данным 1918 г. насчитывалось около 4 тыс. китайцев [19, с. 90], в феврале 1921 г. к ним прибавились беженцы из Урги. Для передвижения китайцев в Верхнеудинск существовала только одна водная дорога, по р. Селенге. Среди прочего, заслуга О. И. Макстенека заключается и в том, что с помощью пограничных войск ДВР, он перекрыл все возможные пути нелегального перехода границы ДВР.

Среди заявлений китайских властей уполномоченному Наркоминдела следует выделить два обращения китайского наместника в Урге, Улясутае, Кобдо и Урянхае с официальной просьбой снабдить их оружием, патронами и снарядами. А в одном из обращений содержалась просьба о выдаче китайцам шести пушек [18, с. 313]. Из текста отчета О. И. Макстенека следует, что эти заявления поступили позже многочисленных обращений китайцев по вопросам получения виз.

Очевидно, уполномоченный Наркоминдела не мог или не захотел выполнить просьбы китайских властей. В это время он активно занимался вопросами вооружения и военного обучения монгольских революционеров [10, с. 88].

15 февраля 1921 г. уполномоченному Наркоминдела поступило официальное заявление от наместника Чэнь И о выдаче ему визы для проезда в Пекин. Чэнь И был известен своей нейтральной политикой в китайско-монгольских взаимоотношениях [12, с. 133], поэтому китайские генералы Чжан Циньхуй, Го Сунлин и Ма, находившиеся в Монголии, не воспринимали его как наместника. Российский дипломат решил воспользоваться удобным случаем и предложил Чэнь И выяснить некоторые вопросы, связанные с грабежами населения как китайскими войсками и белогвардейскими отрядами. По результатам встречи Чэнь И и О. И. Макстенека китайские власти выразили желание «предоставить Советской России[возможность] ввести свои войска в 25-верстную зону для ликвидации разбойничьих банд» [18, с. 313]. Позже это согласие было получено и в письменной форме. 22 февраля 1920 г. Чэнь И передал свои полномочия новому наместнику Ли Юаню, который 3 марта того же года обратился с официальным заявлением к Советской России в лице уполномоченного Наркоминдела РСФСР в Монголии О. И. Макстенека. В заявлении Ли Юаня Советской России было предоставлено право ввода вооруженных сил на территорию Внешней Монголии для ликвидации войск Унгерна. Таким образом, ограничение 25-верстной приграничной зоной, имевший место в документе Чэнь И, больше не оговаривалось. В то же время в заявлении Ли Юаня был пункт, по которому «Россия, будучи дружественной к Китаю страной», должна была вывести свои войска по окончании военных действий. Тем не менее, эти заявления китайских властей были продиктованы сложившейся обстановкой, но в то же время, безусловно, свидетельствуют об особой роли уполномоченного Наркоминдела, в руках которого был единственный безопасный выход китайских чиновников из Маймачена. О. И. Макстенок согласовывал свои действия с руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске и уполномоченным НКВД на Дальнем Востоке Б. З. Шумяцким, находясь в постоянной связи с ним и своевременно информируя его о положении дел [16, с. 17]. В целом, вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии рассматривался еще в октябре 1920 г. на заседании президиума Секции восточных народов Сиббюро РКП(б) и Монголо-тибетского отдела [12, с. 49–52]. В ответ на просьбу Пекина о помощи в борьбе против барона Унгерна, нарком НКВД РСФСР Г. В. Чичерин 10 и 27 ноября 1920 г. направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев [17, с. 204], на которые ответа не последовало.

В феврале-марте 1920 г. в Маймачене сложилась непростая ситуация, связанная с прибытием китайских гражданских беженцев и солдат. Пospешный зимний переход из Урги в Маймачен для китайских солдат выдался тяжелым: им пришлось испытать голод и холод. По сведениям Макстенека, они выражали желание расправиться с властелинами Монголии (имеются в виду китайские чиновники — *авт.*) как главными виновниками Ургинской катастрофы. Видя витающие в солдатской массе настроения, китайские чиновники стали опасаться собственной армии, усилилось их стремление к скорейшему отъезду в Китай. В этой ситуации уполномоченный Наркоминдела занял выжидающую позицию,

намеренно затягивая вопрос с получением китайцами виз. Основным вопросом, который подлежал выяснению, был вопрос предстоящей борьбе с белогвардейскими отрядами на территории Монголии. Если китайские власти не в состоянии правиться с ними, то кто займется их ликвидацией? Ответ, конечно же, был на поверхности, но для юридического оформления этой дилеммы необходимо было согласие китайских приграничных властей, которые в свою очередь, ожидали инструкций от правительства Китайской Республики.

Таким образом, материалы отчета первого Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека проливают свет на неофициальные и официальные взаимоотношения региональной администрации Китайской Республики с советскими официальными властями. Обстоятельства складывались не в пользу маймаченских чиновников и китайских наместников в Урге, но они, тем не менее, пытались урегулировать ситуацию. В этой ситуации проявились дипломатические качества О. И. Макстенека, сумевшего грамотно урегулировать вопросы, связанные с визированием перехода китайцев на территорию ДВР с последующим их выездом в Китай по маршруту «Верхнеудинск — Чита — Маньчжурия». К заслугам Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии следует отнести официальные заявления китайских наместников в Урге в феврале и марте 1921 г. о предоставлении Советской России права ввода вооруженных сил в 25-верстную приграничную зону, а затем и на всю Внешнюю Монголию.

Литература

1. Базаров Б. В. К проблеме суверенитета Монголии после революции 1921 года / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева // Историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 41–50.
2. Батуева И. Б. Борьба бурят-селенгинцев за создание административных автономий ДВР и РСФСР (1919–1922 гг.) / И. Б. Батуева // Сибирь в годы Великой Российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 162–166.
3. Брумфилд У. Кяхта / У. Брумфилд // Родина. 2011. № 12. С. 20–24.
4. Дацышен В. Г. Проблемы завершения «Сибирской экспедиции» в Забайкалье. Новые документы по истории японской интервенции в Сибири / В. Г. Дацышен // Японские исследования. 2017. № 2. С. 29–45.
5. Красовская А. А. Очерки повседневной жизни Троицкосавска в 1917–1923 гг. / А. А. Красовская // Сперанские чтения. Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в современных условиях. Петрозаводск, 2020. С. 22–26.
6. Курас Л. В. Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Современное историческое сибиреведение XVIII — начала XX в.: сборник научных трудов / под редакцией Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. Санкт-Петербург: Медианапир, 2020. С. 171–184.
7. Курас Л. В. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (к 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 866–875.
8. Курас Л. В. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.
9. Курас Л. В. Кяхта на заре Монгольской революции 1921 года (о деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021. С. 15–17.
10. Курас Л. В. Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. 2020. Т. 32. С. 83–90.

11. Курас Л. В. Троицкосавск как «конспиративная квартира» Монгольской революции 1921 г. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенов // Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. Новосибирск, 2021. С. 216–218.
12. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929) / научный редактор Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.
13. Петров А. И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) / А. И. Петров // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 1(143). С. 3–14.
14. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов / ответственные редакторы В. П. Козлов, С. Чулуун. Ч. I. Москва: Граница, 2019. 360 с.
15. Тачибана М. Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем / М. Тачибана // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 25. С. 121–142.
16. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой российской революции: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14–23.
17. Хишигт Н. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенов // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208.
18. Хишигт Н. Отто Иванович Макстенок: у истоков монгольской революции 1921 года / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.
19. Хэрээд Ж. У. Деятельность монгольского министра Кяхты (1911–1921 гг.) / Ж. У. Хэрээд // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 87–92.
20. Цветков В. Ж. Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник. 2015. № 4(46). С. 102–128.
21. Цыбенов Б. Д. «Как-то странно звучит слово «дипломатия» в устах коммуниста...»: о дипломатической деятельности Уполномоченного НКВД РСФСР в Монголии О. И. Макстенека / Б. Д. Цыбенов, Л. В. Курас // Россия — Монголия: 100 лет вместе: материалы международной научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 63–69.

THE CHINESE FACTOR
IN THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921
(on the materials of the report of the authorized NKID of the RSFSR
in Mongolia O. I. Makstenek)

Leonid V. Kuras
Dr. Sci. (History), Prof.,
Chief Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
bazar75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the interaction of the Chinese border administration of the city of Maymachen with the authorized People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O. I. Makstenek. The authors analyzed the motives of the activities of the translator-secretary of the Maimachan dignitary Niu Vinbin, the official statements of the Chinese governors in Urga Chen Yi and Li Yuan. The article concludes that during this period the Republic of China forced to enter into unofficial and official relations with Soviet Russia.

Keywords: O. I. Makstenek, diplomatic activity, Maymachen, Chinese authorities, negotiation.

УДК 94:24(510)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-27-37

О РАЗВИТИИ БУДДИЗМА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ В XIV в.

© **Базаров Андрей Александрович**

доктор философских наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

bazarow_andr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития тибетского буддизма на территории Северо-Западного Китая в XIV в. Материалом для исследования послужил трактат выдающегося монгольского ученого Чахар-геше [тиб. cha har dge bshes blo bzang tshul khrims, 1740–1810] «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом» [тиб. rje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas]. Данная работа является примером буддийской исторической мысли XVIII–XIX вв. и обладает ярко выраженной спецификой изложения, определяемой как личностью автора, так и историко-культурными обстоятельствами. Исследуемый фрагмент данного сочинения, связанный с историей взаимоотношений реформатора тибетского буддизма с его учителем Дондуб Ринченем, является фундаментальным историческим свидетельством о важнейших религиозных и культурных процессах, имевших место на обширных территориях Северо-Западного Китая в период XIV в. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного изучения биографических данных в контексте исторических событий. Специфика развития Северо-Западного Китая в исследуемом произведении рассматривается в качестве сложного этно-социального и религиозного процесса, имевшего место в XVI в. Авторы пришли к выводу, что формирование новых социальных объединений тибетцев и монгол в имперских условиях династии Юань, во многом, определялось буддийским фактором в качестве фундамента происходящих изменений. В биографии Чже Цонкапы данная социально-историческая обстановка излагается на основе взаимоотношений учителя и ученика. Масштаб достижений ученого и реформатора тибето-монгольского буддизма Чже Цонкапы отражен в некоторых фрагментах первоначального периода его жизненного пути.

Ключевые слова: буддизм, Тибет, Северо-Западный Китай, XIV век, жизнеописание Чже Цонкапа, Дондуб Ринчен.

Для цитирования

Базаров А. А. О развитии буддизма на Северо-Западе Китая в XIV в. // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 27–37.

Введение. Несмотря на значимость в истории Тибета личности выдающегося реформатора Чже Цонкапы [*тиб.* Rje Tsong kha pa blo bzang grags pa, 1357–1419], в современной науке до сих пор немного исследований, посвященных подробному изучению его биографии [1, 2]. Жизнь Чже Цонкапы можно разделить на несколько периодов, одним из наиболее интересных является этап его биографии, условно называемый «ранний» или «амдоский». В это время на судьбу будущего великого реформатора и мыслителя оказали влияние несколько человек. Из них наибольший научный интерес вызывает известный буддийский монах Дондуб Ринчен [*тиб.* chos rje don grub rin chen, 1309–1385]. Низкая степень разработанности в современной науке оригинальных тибетских источников, рассматривающих развитие буддизма в Северо-Западном Китае в XIV в., не позволяет не только по достоинству оценить роль этого человека в судьбе великого реформатора, но и понять те глобальные изменения в религиозной жизни, происходившие в регионе в данный период. Один из актуальных замыслов исследования состоит в том, чтобы ввести в научный оборот ряд неизвестных фактов из истории тибетского буддизма в XIV в. на основе обращения к сочинению «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы, изложенное легким для понимания образом» [*тиб.* rje thams cad mkhyen pa'i tsonkha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas] известного монгольского ученого Чахар-геше [*тиб.* cha har dge bshes blo bzang tshul khriims, 1740–1810], представляющее классическое тибетское литературное направление — исторические биографии (намтар)¹.

Основной целью представленной работы является рассмотрение специфики развития тибетского буддизма в Северо-Западном Китае в XIV в. на базе анализа конкретного примера — взаимоотношений Чже Цонкапы с его учителем Дондуб Ринченем.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на методологии типологического научно-исторического анализа, разработанного классиками отечественной источниковедческой школы в области буддологии — Ф. И. Щербатским и О. О. Розенбергом. Данный подход соотносится с соответствующими положениями Программы трансрегионального изучения буддизма, разработанного В. И. Рудым при участии Е. П. Островской и Е. Д. Торчинова. Обращение к определенному разделу оригинального тибетского сочинения продиктовано прежде всего той исторической ролью, которую сыграл Дондуб Ринчен в судьбе великого реформатора. Монгольский ученый XVIII в. Чахар-геше в своем жизнеописании Чже Цонкапы не мог оставить без исследовательского внимания столь важный историко-биографический факт. Для сравнительно-исторического анализа привлечены методы конкретного изучения биографиче-

¹ О жанре исторических биографий (намтар) в тибето-монгольской буддийской культуре [3, 4, 5, 6].

ских данных в контексте исторических преобразований, происходивших на северо-западе Китая в XIV в. В исследовании учитывается методология изучения т.н. микроистории (биографии), с ее антропологическими и социологическими аспектами [7].

Результаты исследования. Впервые имя Дондуб Ринчена упоминается в сочинении, когда излагается эпизод, связанный с рождением Чже Цонкапы¹. В год рождения будущего реформатора (1357) Дондуб Ринчен был 48-летним настоятелем монастыря Джакхьюнг текчен йонтен даргье линг [*тиб.* bya khyung theg chen yon tan dar rgyas gling], находящемся недалеко от места события². Большое значение для нашего исследования имеет историческая география событий. Дондуб Ринчен был родом из местности Шадранг [*тиб.* sha sbrang] округа Ребконг [*тиб.* reb gong] тибетской провинции Амдо [*тиб.* A mdo]³. Необходимо обратить внимание на тот факт, что оба буддийских деятеля происходят из одной провинции, находящейся на северо-востоке Тибета (северо-западе Китая). Если географическое происхождение у них практически одинаковое, то родоклановое, что очень важно в тибетском обществе того времени, разное. Дондуб Ринчен был младшим из трех детей своего отца Се Торньин Дондуб Гьелцен [*тиб.* bse tor nyin don grub rgyal mtshan] и матери Шадранг За Ринчен Цо [*тиб.* sha sbrang bza 'rin chen mtsho]. Предки по отцу происходили из знатного рода Се [*тиб.* bse], который в свою очередь был частью рода Ду [*тиб.* 'bgu] из провинции Нгари [*тиб.* mga' ris] (северо-запад Тибета), имевших родственные связи с королевской семьей в Ладаке. Другая часть его предков принадлежала царскому роду Кхон [*тиб.* 'khon] из центрального Тибета. Необходимо отметить, что происхождение Дондуб Ринчена было связано с процессом освоения тибетской элитой из централь-

¹ «Живший в той местности один монах, искусный в учении сутр и тантр, обладающий большими достоинствами, обретший сиддхи Ямантаки, по имени Соржо Дондуб Ринчен, обращаясь к отцу и матери (Цонкапы) прежде всего, наставлял: «Поскольку у вас родится хороший мальчик, усердствуйте в строгой чистоте», также дал и другие указания. Тем ранним утром, когда родился Чже, ради установления благоприятного знака «взаимозависимости» в будущем, он передал через одного своего близкого ученика, обладавшего чистой нравственностью, письмо (родителям) с наказом о необходимости содержать маленького ребенка в чистоте, (а также) сделал подарок. Для защиты маленького ребенка от загрязнений (он) отправил пилюли, смешанные с амритой. Для того, чтобы ум был ясным, а мудрость запредельной (он отправляет) пилюли Манджушри. Для защиты от вредоносного воздействия злых духов и других (плохих существ, он отправляет) веревочку с благоговящей мантрой. Для того, чтобы в будущем не было препятствий в деяниях и скитаниях во благо Учения (он отправляет) изображение Ямантаки. Тот лама ведал о тех (будущих событиях) благодаря ясновидению» [8, 6v].

² На данном месте сейчас находится монастырь Гумбум [*тиб.* sku 'bum byams pa gling]. Это место стало объектом поклонения в виде ступы еще при жизни великого реформатора буддизма в Тибете, монастырь образовался позднее. Традиционно говорится, что в 1576 году туметский Алтан-хан (1507–1583) пригласил буддийского монаха Соднома Жамсо (*тиб.* bsod nams rgya mtsho, 1543–1588 гг.) — будущего третьего Далай-ламу, для распространения буддизма в Монголию. Когда миссия только начиналась, на пути в Монголию, монах остановился у озера Цинхай (около дерева, отмечающего место рождения Чже Цонкапы) для медитации. После успешного завершения миссии Алтан-хан становится инициатором строительства на этом месте крупного монастырского строительства. Монастырь был полностью построен в 1583 году и получает название «Гумбум», что означает «100 000 просветляющих тел Будды». Он назван в честь 100 000 изображений, проявляющихся на листьях дерева. Согласно легенде, это дерево произросло из капель родовой крови Чже Цонкапы.

³ Провинции Цинхай и Ганьсу современного Китая.

ных и западных районов Тибета южной части провинции Амдо в XII–XIV вв. Что касается Чже Цонкапы, то упоминаний о его клане Мал [*тиб.* mal] практически нет. Существует всего лишь краткая заметка о том, что данный род был создан на основе буддийского учения [10, 309], т. е. члены клана были объединены не на основе кровнородственных отношений, а исключительно на фундаменте религиозно-конфессиональных представлений. В условиях тотальных монгольских войн в XIII в. на северо-западе Китая, массовом переселении монголов в этот регион, и одновременном усилении буддийского идеологического влияния, данное историческое явление могло иметь место. Несмотря на разницу в родовом происхождении исследуемых лиц, факт особого отношения одного из них к рождению другого демонстрирует не только высокий статус в сословном обществе отца Цонкапы (вероятно, монгола по происхождению и руководителя округа и клана), но и о формировании новой элиты в регионе, объединяемой в основном за счет буддизма и новых властных структур. Необходимо обратить внимание на наставление Дондуб Ринчена родителям Чже Цонкапы «содержать маленького ребенка в чистоте». Речь скорее всего идет не только о физической, но и о духовной, религиозной чистоте. Исходя из этого, можно предположить, что территория региона была еще плохо освоена буддийской идеологией [11, 12, 13].

Следующий эпизод связан с вступлением Чже Цонкапы в буддийскую общину¹. Середина XIV века сложный и важный период в развитии буддизма во Внутренней Азии. Тибетский буддизм является де-факто центральной религией в империи во время правления монгольской династии Юань (1271–1368) и благодаря поддержке императорской власти получает возможность для своего широкого распространения по всей стране. Тем не менее, основное направление его развития — это Северо-Западный Китай, территория «фронта» тибетской и монгольской культур. В этих социально-политических условиях дети местной элиты очень рано приобщаются к буддизму, вступая в буддийские монашеские общины. Согласно источнику, Чже Цонкапа был отдан в ученики Дондуб Ринчену в возрасте четырех лет. Чтобы ответить на вопрос, чему учился Чже Цонкапа у Дондуб Ринчена, необходимо рассмотреть проблему буддийского образования в регионе в XIV в. Необходимо подчеркнуть, что процесс формирования буддийской образовательной системы в провинции Амдо к этому времени не был завершен. Это можно проследить на примере самого Дондуб Ринчена. Он по достижении определенного возраста уехал учиться в центральный район Тибета Уйцзан [*тиб.* dbus tsang]. Его учеба проходила в крупнейших образовательных центрах того времени: монастыре Дэвачен [*тиб.* bde ba can], позже названном Рато [*тиб.* rwa stod], монастыре Жалу [*тиб.* zhwa lu dgon], монастыре Нартанг [*тиб.* snar thang dgon]. Помимо знаний в «пяти книгах» Дондуб Ринчен также получил обширные посвящения, передачи и наставления по наивысшей тантре, включая Ямантаку, Гухьясамаджу, Чакрасамвару и др. Вероятно, он был выдающимся схоластом своего времени, поскольку получил почетное прозвище «Воин

¹ «в том году, когда отец Чже пригласил Соржо Дондуб Ринчена домой, Соржо лама, подарив отцу и матери лошадей, коров, овец и других домашних животных, шелка и другие ценные вещи... бесчисленное множество различных даров, попросил: «Поднесите этого ребенка мне». Поскольку отец и мать обладали верой, основанной на уважении Учителей и большом желании совершать благодеяния, они с радостью и вдохновением отдали сына в ученики» [8, 11v].

рассуждений» [тиб. rigs pa'i dra 'bo]. После завершения обучения он возвращается в провинцию Амдо для преподавательской деятельности в монастыре Пакпа шингкун десар [тиб. 'phags pa shing kun sde gsar], позже известном как Шингкун ганден чопел линг [тиб. shing kun dga' ldan chos 'phel gling]. В его биографии есть интересный эпизод, когда он был неожиданно приглашен руководить монастырем Дэвачен в Центральном Тибете. В результате чего он покинул Амдо с большим грузом провизии для обеспечения вышеуказанного монастыря. Однако назначение настоятелем так и не состоялось. Возможно, действующий настоятель не оставил свой пост или новый настоятель был назначен до его прибытия. В результате, он окончательно возвращается в Амдо. В сочинении Чахар геше это решение рассматривается в качестве следования предсказанию Чим Лобсан Дакпа [тиб. chims blo bzang grags pa, 1299–1375], который был учителем Дондуб Ринчена и двенадцатым настоятелем Нартанга, о его будущей встречи со своим знаменитым учеником¹. В этом предсказании было наставление и о создании двух новых монастырей в районе озера Кукунор. После своего второго возвращения на родину Дондуб Ринчен основал два монастыря: Шадранг пунчок чолинг [тиб. sha sbrang phun tshogs chos gling] в 1346 г., Джакхьюнг текчен йонтен даргье линг [тиб. bya khyung theg chen yon tan dar rgyas gling] в 1349 г. Первоначально он пытался преподавать курсы по Праджняпарамите, Прамане, Хеваджрантре и Бодхичарьяаватара. Неудовлетворенный результатом своей преподавательской деятельности, он оставляет монастырь Шадранг Пунчок Чолинг и переезжает в монастырь Джакхьюнг, который впоследствии стал его основной резиденцией. Именно в монастырь Джакхьюнг в 1363 г. в возрасте 6 лет² приходит молодой ученик Кунга Ньинпо [тиб. kun dga' snying po], который впоследствии стал известен как Чже Цонкапа Лобсан Дакпа. В тибетской культуре, как свидетельствует Б. Барадийн, существовало два основных типа монастырей. Первый имел по своему назначению образовательно-школьный характер. Второй тип являл собой место уединения и предназначался для совершенствования в созерцательной практике [14]. Джакхьюнг относился ко второму типу монастырей. Хотя Северо-Запад Китая был давно знаком с буддизмом, тем не менее, ряд фактов из отношений Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы указывает на то, что в XIV в. здесь в основном развивается система монастырей отшельнического типа, которые предназначались как для одиночной, так и для групповой монашеской жизни. Дондуб Ринчен создал высшую монастырскую школу с преподаванием классического цикла буддийских образовательных дисциплин. Однако данное направление деятельности по развитию монастырской системы было ограничено реалиями региональной культуры. В этот период в местном буддизме преобладают ритуалы и созерцательные практики, что откладывает определенный отпечаток на тип синхронной монастырской организации. Особенности же этносоциального ландшафта в развитии буддизма в регионе определилось в первую

¹ «Место твоей помощи живым существам и Учению это область Амдо. Ты отправляйся туда и в двух местностях Джакхьюнг и Шадранг построй монастыри... В это время у тебя появится много хороших учеников (в качестве) мудрецов и сиддхов. Но один из них будет наиболее выдающимся, ни с кем несравнимый, когда он станет послушником, дай ему мое имя — Лобсан Дакпа» [8, 15v].

² В сочинении Чахар геше указывается возраст 4 лет, однако другие источники указывают на возраст 7 лет (6 и один год внутриутробный).

очередь тем, что местные монастыри складывались в русле уже существующих социальных отношений, точнее, в структуре имперских и родо-клановых взаимодействий. Незрелость монастырской образовательной системы указывает на ранний период развития буддизма в регионе в XIV в [13].

Следующие записи в источнике касаются обучения Чже Цонкапой в монастыре. В молодом ученике рано проявились способности к образованию¹. В ходе десятилетней учебы Дондуб Ринчен дает ему посвящения в учения Чакрасамвары, Хеваджры, Ваджрапани и других божеств по системе линии Дильвупы. Ученик изучает монашеские обеты и обязательства, обучается ритуалам². Он становится монахом. Ему преподаются тантры нижних и высших классов³. В результате он строит шалаш и занимается там отшельнической созерцательной практикой⁴. Несмотря на успешную религиозную практику, в его учебных курсах отсутствуют базовые схоластические предметы тибетского буддизма: прамана, праджняпарамита, мадхьямака, абхидхарма и виная [15]. В источнике говорится о том, каким образом он принимает решение о переезде в Уйцзан для продолжения учебы, Цонкапа часто размышлял об этом⁵.

Чахар-геше далее пишет: «После этого, когда Чже ринпоче отправился в школу на коне, Соржо лама (Дондуб Ринчен) вышел на улицу и долго смотрел ему вслед, однако Чже Цонкапа уехал, не оглянувшись назад. Тогда Соржо лама

¹ «Как только он там оказался, лишь немного понаблюдав за тем, как многие ученики читают слова сутр, познав в подробностях печатные и скорописные буквы, он стал способен беспрепятственно читать, поэтому специально обучать его азбуке нужды не возникло» [8, 11v].

² «Соржо лама, введя его в мандалы, дает посвящения Чакрасамвары, Хеваджры, Ваджрапани и многих других идамов по системе линии Дильвупы, также дает тайное имя Амогхаваджра. После этого, выслушав в совершенной полноте все обеты и обязательства мантры, храня их в чистоте как зеницу ока, (он) сохраняет в уме ритуалы мандал Чакрасамвары, Хеваджры, Вайрочаны, Ямантаки и многих других идамов» [8, 12r].

³ Именно Соржо лама (Дондуб Ринчен) преподавал ему тантры нижних трех классов множества божеств, таких как: владыка Ваджрадхату, Цемо, Пэлчо, владыка речи Ваджрадхату, Цуггу, Акшобхья, Панчаракша; (также) коренные сутры, сочиненные индийскими учителями, и множество других ритуалов и наставлений относительно посвящений в мандалу (различных) божеств, которые Чже поместил в (свое) сердце. Чже выслушал от Соржо ламы (Дондуб Ринчен) множество видов разделов учения наивысшей тантры — три раздела Ямантаки: Черный Ямантака, Красный Ямантака, Ваджрабхайрава; три цикла Чакрасамвары, идущие по линии трех учителей: Луипы, Нагпопы и Дильвупы; Махачакра Ваджрапани и другие; должным образом постигнув весь их смысл [8, 12v].

⁴ Также Чже Цонкапа для совершения ретрита (уединения) по сближению с божеством построил некий сплетенный из травы шалаш и, сидя в нем, много практиковал сближение и достижение [8, 18r]. Постоянно усердствовал в созерцании божеств идамов, начитывании мантр и т. п. В один такой период, в течение долгого времени, каждую ночь во сне он стал видеть двурукого гневного Ваджрапани, в особенности (часто) возникали знаки непрерывного благословения Великого Джово Палдэн Атиши приходившего во снах каждую ночь [8, 12r].

⁵ «Как желающие найти Драгоценность, исполняющую желания, могут найти ее в океане, где пребывает обладающий огромными заслугами Царь нагов, а в мелких лужах ее не найти; желающие стать мудрыми в святой Дхарме, смогут обучаться лишь с опорой на великие собрания монастырей, где пребывает много святых Гуру, а в местах, где нет Учителей и школ, достоинства не обрести. В Тибете первой землей, где была зажжена свеча драгоценного Учения, был Уйцзан и сегодня поток Учения сохраняется в этом превосходном районе, поэтому, я пойду учиться в Уйцзан! — такое особое намерение постоянно рождалось у Чже. Затем, когда наступила тень шестнадцати лет, Соржо лама сказал Цонкапе, что пора отправляться в школу. Чже и сам, поскольку ждал этого, с большой радостью это воспринял и Соржо лама подготовил все необходимое для обучения и провиант в дорогу» [9, 2r].

сказал, приняв гневный вид словно обеспокоившись (разрывом): «То, что Лобсан Дакпа уехал, не посмотрев назад, означает, что он не помнит мою доброту. Раз он не помнит доброту своего старого учителя, сбросьте его шалаш в пропасть горы» [8, 18г]. Это событие произошло в 1372–1373 гг., когда в возрасте 15–16 лет Чже Цонкапа покидает Амдо и переезжает в Центральный Тибет для продолжения учебы. В исторической литературе Тибета взаимоотношение учителя и ученика, Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы, рассматриваются в качестве идеальных. В подтверждении этой точки зрения рассматриваются факты из жизни реформатора. Чже Цонкапа в своей блестящей и политически сложной жизни всегда хранил в памяти образ своего учителя. Общась со своими многочисленными учениками, он очень часто приводил пример своего учителя. Дондуб Ринчен оставался основным духовным наставником для Чже Цонкапы на всех этапах его жизни. Его знаменитое руководство, написанное в стихах перед отъездом ученика, содержит хорошо продуманную программу религиозного образования и практики. Хотя Чже Цонкапа потерял листок с этими наставлениями по прибытию в Уйцзан, многие из стихов он помнил наизусть. В последние годы своей жизни, он передал его содержание своему ученику и биографу Кедруб Чже Гелек Палзанг [тиб. mkhas grub gje dge legs dpal bzang, 1385–1438]. Чахар геше воспроизводит данное руководство в своем произведении¹.

Еще одно подтверждение приверженности Чже Цонкапы своему учителю связано с его ориентирами в формировании религиозной практики, созданной им школы гелук – самой крупной школы тибето-монгольского буддизма. Как адепт, практикующий Ваджрабхайраву, Дондуб Ринчен посоветовал юному Чже Цонкапе принять Ваджрабхайраву и Махакалу в качестве своих главных божеств. Впоследствии, Чже Цонкапа объявляет Ваджрабхайраву одним из тантрических божеств школы гелук, двумя другими были Гухьясамаджа и Чакрасамвара, и принимает Махакалу в качестве божества-хранителя данной школьной традиции.

Обсуждение результатов исследования. Рассмотрение развития буддизма в Северо-Западном Китае (провинции Цинхай и Ганьсу) через историю отношений между Чже Цонкапой и его учителем Дондуб Ринченом, изложенной в трактате Чахар-геше «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого

¹ «Мой юный Лобсан Дакпа, силой заслуг, обретенных тобой в прошлых перерождениях, ты поистине был наделен способностью поглощать нектар Благого Учения! Сначала ты должен с усердием изучить «Абхисамаяаламкару», которая названа украшением «Трех матерей» (Большой, средней и малой «Праджняпарамиты»). Если ты будешь хорошо знать этот текст, ты сможешь овладеть и всеми другими книгами. Всегда помни этот совет. Затем, ради понимания подробностей, следует хорошо изучать «Махаяна-сутра-аламкару», раскрывающую Путь и Деяния Бодхисаттв, шастру «Дхармадхармата-вибханга», в которой проповедуется «Срединный путь», не имеющий начала и конца, и книгу «Махаяна-уттаратантра», в которой объясняется, что «Чистая природа ума» присутствует во всех существах, и эта природа называется Татхагатагарбха. Ты должен сделать эти пять текстов Майтрейи своими Доспехами Знаний. Потом ты должен изучить три шастры, подобные телу — большую шастру «Праманавадарттику», среднюю шастру «Праманавинишчая» и малую шастру «Ньяябинду», а также, трактаты, называемыми конечностями тела — «Хетубинду», «Самбандхапарикша-пракарана», «Сантанантарасиддхи-нама-пракарана», «Ваданья-нама-пракарана». Эти семь текстов по логике Дхармакирти — свет Учения Будды в Джамбудвипе, и они прославлены как солнце и луна. Этому обучайся» — так сказал мой Гуру и некоторые последующие строфы я забыл. Следующее из того, что помню: «Мой сын, обладающий благим умом, ты должен особо почитать теорию отсутствия крайностей. Ты должен изучать Шесть трактатов мадхьямака, написанные Арья Нагарджуной, и тексты, основанные на них» [9, 3в].

всеведущего Чже Цонкапы», обнажает специфику историко-биографического исследования знаменитого монгольского автора. Для научного анализа данного произведения необходимо прежде всего считаться со спецификой периода (в развитии тибетоязычной литературы), внутри которого осуществилось написание исследуемой работы. В этот период (рубеж XVIII–XIX вв.) тибето-монгольская историческая мысль пыталась переосмыслить результаты важнейших этапов собственного изучения буддийской истории. Исходя из этого, становится понятным компилятивный характер данного произведения. В ходе изучения заинтересовавшего нас фрагмента был выявлен факт того, что упор в работе делался не на расширение исторического знания, а на его специфическую подачу в традициях тибето-буддийской схоластики, что проявилось прежде всего в особенностях авторского структурирования текста.

Анализ содержания произведения показал, что развитие тибетского буддизма во многих областях Северо-Запада Китая в XIV в. находится на начальном этапе. Здесь, несмотря на императорскую поддержку буддийская монастырская система находится в процессе формирования. Тем не менее, крупные миграционные процессы, создание новых властных структур, динамичное полиэтничное (тибето-монгольское) население формируют благоприятные условия для развития буддизма в данном регионе и его дальнейшего продвижения в Монголию [16].

Чтобы оценить роль региональных процессов в формировании мировоззрения будущего великого реформатора, необходимо еще раз обратиться к сути его реформ. Исторически тибетский буддизм в своей магистральной тенденции принимает форму государственной религиозной доктрины, опирающейся на отчетливо иерархизированную, широкоразветвленную сеть буддийских монастырей. Типологическая особенность генезиса тибетской теократии заключалась в постепенном сращивании государственного и религиозно-монастырского системных факторов. В этом процессе монастырские структуры подменяли собой институты светские (родоклановые) в области государственного строительства и определяли через буддийские стратагемы ход социального развития тибетского, а затем и монгольского общества. Наиболее важный момент данного процесса связан с реформами Чже Цонкапы. Суть реформы Цонкапы нашла свою адекватную реализацию в стремлении универсализировать буддийскую государственно-монастырскую и религиозно-философскую системы. Доктрина Чже Цонкапы резко возвышала роль монашества: монашеский статус объявляется самой важной ступенью на пути религиозного преобразования личности адепта. Индивидуальная созерцательная практика — пратьекабуддство — рассматривается всего лишь как один из аспектов всеобъемлющей монашеской жизни. Поэтому тантрические практики, статус которых всегда считался высшим, ставятся в определенную зависимость от процесса осуществления монашеской дисциплины и необходимости постижения схоластического знания. С реформой Чже Цонкапы также связан процесс универсализации всего тибетобуддийского школьного пространства. Этот же исторический момент знаменуется созданием единой иерархической государственно-монастырской структуры для всего Тибета. Основным ядром этой структуры становятся великие тибетские монастыри-университеты, созданные после реформы Чже Цонкапы. Именно они и становятся стержнем

всего буддизма Внутренней Азии, их значение в тибетской и монгольской культуре до сих пор не утрачено. Фрагменты жизнеописания, связанные с историей отношений Чже Цонкапы и Дондуб Ринчена, показывают, что реалии развития буддизма на Северо-Западе Китая в XIV в. не только формируют основные интенции великого реформатора, но и определяют его будущие реформы.

Хочется также подчеркнуть, что в ходе исследования был выявлен интересный исторический факт, что крупнейший ученый схоласт Внутренней Азии (в его собрание сочинений входит около 160 произведений по всем областям буддийских дисциплин [17]) до 15–16 лет практически не получал буддийского схоластического образования. В следствии этого теоретико-философские достижения Чже Цонкапы выглядят еще более впечатляющими и свидетельствуют о его незаурядных личных качествах.

Выводы. В результате, необходимо подчеркнуть, что фрагмент истории взаимоотношений учителя и ученика, Дондуб Ринчена и Чже Цонкапы, в работе выдающегося монгольского ученого Чахар-геше «Источник всего благого и счастья: жизнеописание великого всеведущего Чже Цонкапы» является фундаментальным историческим свидетельством о важнейших религиозных и культурных процессах, имевших место на обширных территориях Северо-Западного Китая в период XIV в. и повлиявших на развитие буддизма всей Внутренней Азии.

Специфика развития Северо-Западного Китая в исследуемом произведении рассматривается в качестве сложного этно-социального процесса, имевшего место в XVI в. Формирование новых социальных объединений тибетцев и монголов в имперских условиях династии Юань во многом, определялось буддийским фактором в качестве фундамента происходящих изменений. В биографии Чже Цонкапы данная социально-историческая обстановка излагается на основе взаимоотношений учителя и ученика.

Масштаб достижений выдающегося ученого и реформатора тибето-монгольского буддизма Чже Цонкапы в определенной степени отражается в первоначальном периоде его жизненного пути.

Источниковедческий анализ исследуемого тибетоязычного произведения даст толчок к дальнейшим исследованиям специфики своеобразных интерпретаций исторических событий в среде тибето-монгольских авторов. Перевод на русский язык малоизученной биографии Чже Цонкапы и её ввод в научный оборот создаст фундаментальный материал для современных тибетологов и буддологов, заинтересованных в изучении истории буддизма в Северо-Западном Китае в XVI в.

Литература

1. Краткое жизнеописание Чже Цонкапы // Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Т. 1. Перевод с тибетского А. Кугявичуса. Санкт-Петербург: Изд. Нартанг, 1994. 446 с.
2. Thurman R. Life and Teachings of Tsong Khapa. Boston: Wisdom Publications, 2018. 289 p.
3. Ванчикова Ц.П. Жизнь и деятельность второго перерожденца Нейджи-тойна: источниковедческий анализ намтара // Oriental Studies. 2020. № 13(1). С. 173–182.
4. Востриков А.М. Тибетская историческая литература. Москва: Изд-во Восточной литературы, 1962. 425 с.
5. Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / введение, перевод, комментарии Н. В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с.

6. Tibetan Literature: Studies in Genre. Ed. by Jose Ignacio Cabezon and Roger R. Jackson. Ithaca, New York: Snow Lion, 1996. 551 p.
7. Орлов И. Б. Образ Крупской в контексте исторического времени: рецензия на книгу В. Э. Багдасаряна "Крупская и педагогическая эпоха". Москва: МГОУ, 2019. 180 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019, № 2. С. 237–241.
8. Cha har dge bshes blo bzang tshul khriims. Tsong kha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khriims, Sku 'bum byams pa gling, Vol. 2 (Kha pa), Part 2 (Cha pa). Ff. 1r-66v. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН.
9. Cha har dge bshes blo bzang tshul khriims. Tsong kha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas. Gsung 'bum, Blo bzang tshul khriims, Vol. 2 (Kha pa). Part 3 (Ja pa). Ff. 1r-41r. Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН.
10. Samuels Jonathan. Are We Legend? Reconsidering Clan in Tibet// Revue d'Etudes Tibétaines. 2016. No. 37. Pp. 293–314.
11. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. Перевод с тибетского Ю. Н. Рериха Перевод с английского О. В. Альбедилы и Б. Ю. Харьковой. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. 768 с.
12. Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тибет. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 264 с.
13. Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / пер. с тибетского, введение и примечание Б. Д. Дандарона. Москва: Наука, 1972. 166 с.
14. Барадийн Б. Б. Буддийские монастыри. Краткий очерк // Альманах «Orient». Санкт-Петербург, 1992. Вып. 1. С. 61–116.
15. Dreyfus G. The sound of two hands clapping: the education of a Tibetan Buddhist monk. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. 460 p.
16. Барадин Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.) / подг. к публ., предисл. и коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 256 с.
17. A Catalogue of the Tohoku University Collection of Tibetan Works on Buddhism. Edited by Yensho Kanakura, Ryujo Yamada, Tokan Tada, Hakuyu Hadano. Sendai: The Seminary of Indology, Tohoku University, 1953. 531 p.

THE DEVELOPMENT OF BUDDHISM IN NORTHWEST CHINA (14TH CENTURY)

Andrey A. Bazarov

Dr. Sci. (Philosophy Studies), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
bazarow_andr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of Buddhism in Northwest China (14th century). This process was described in the treatise of the Mongol scholar Chahar Geshe [Tib. cha har dge bshes blo bzang tshul khriims, 1740–1810] "The source of goodness and happiness: the biography of the Great Omniscient Rje Tsong kha pa, presented in an easy-to-understand manner" [Tib. rje thams cad mkhyen pa'i tsong kha pa chen po'i rnam thar go sla bar brjod pa bde legs kun gyi 'byung gnas]. This work is an example of Buddhist historical thought, which was developed in the traditional culture of the Tibetans and Mongols in the 18th–19th centuries. The authors of the article claim that the "The biography of the Great Omniscient Rje Tsong kha pa" has a specificity of presentation, determined by the author's personality, historical and cultural circumstances. This specificity is related to the post-classical period of the history of Tibetan scholasticism, within which the work was written. Chahar Geshe tried to understand the results of the

most important stages of the Buddhist history in the vast region based on the works of previous generations. The treatise can be described as a scholastic work and Chahar Geshe as an outstanding scholar and theorist of his time. The fragment of the relationship of the great reformer of Tibetan Buddhism with his teacher Dondub Rinchen from the work is fundamental historical evidence of the most important religious and cultural processes that took place in the vast territories of Northwestern China during the 14th century.

Keywords: Buddhism, Tibet, Northwest China, 14th century, biography of Je Tsongkhapa, Dondub Rinchen.

УДК 327

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-37-45

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© **Оганесян Арусяк Легоновна**

ассистент кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
oganesyan-al@rudn.ru
arusyakhovhannisyan@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается эволюция стратегии внешней политики Китая и дискуссия китайских ученых о возможности перехода с традиционной стратегии «сдержанности» («таогуан янхуэй») к новой стратегии «стремления к достижениям» («фэньфа ю вэй»), основываясь на материалах статей китайских ученых по данной проблематике. Приводятся основные характеристики новой внешнеполитической стратегии и ее особенности для Китая как возвышающейся державы. Основная цель статьи — проследить развитие китайской внешнеполитической стратегии на современном этапе. В статье определяются ее истоки и возможное развитие в будущем, в том числе через призму дискуссий в Китае о необходимости перехода со ставшей традиционной для КНР стратегии «таогуан янхуэй» к новой стратегии. Уделяется внимание также рискам, к которым может привести новая, более проактивная политика, особенно в регионе Восточной Азии.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, стратегия, «стремление к достижениям».

Для цитирования

Оганесян А. Л. Эволюция внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 37–45.

В последние годы в российской и мировой науке возрос интерес к изучению роли Китая в мировой политике. Возвышение Китая, которое приобрело не только экономическое, но и политическое значение, стало одним из важнейших факторов, влияющих на формирование нового мирового порядка. В данном контексте исследовательский интерес возрос к китайской внешней политике — как отдельным китайским концепциям с внешнеполитическими элементами, таким

как концепции «Китайской мечты» [см. 4; 10], «Сообщества единой судьбы человечества» [см. 9; 23; 26; 27], дипломатии великой державы [см. 7; 24; 25] и т. п., так и трансформации внешнеполитического курса Китая в целом [1; 2; 3; 5; 6; 17].

Особенное значение представляют работы китайских авторов, посвященные эволюции внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе [14; 15; 16; 19; 20; 22; 29]. Среди китайских исследователей международных отношений возникла дискуссия о необходимости пересмотра внешнеполитической стратегии КНР для адаптации к новым реалиям, связанным с возвышением Китая и ее новой ролью в мировой политике.

В рамках данной статьи мы рассмотрим эволюцию стратегии внешней политики КНР, которая стала особенно заметна после XIX съезда КПК в 2017 году, основываясь на материалах китайских ученых по данной проблематике. Основная цель статьи — проследить развитие китайской внешнеполитической стратегии на современном этапе. Перед исследованием были поставлены задачи определить истоки и возможное развитие китайской внешнеполитической стратегии в будущем, в том числе через призму дискуссий в Китае о необходимости перехода со ставшей традиционной для КНР стратегии «таогуан янхуэй» к стратегии «стремления к достижениям». Также в статье рассмотрены риски новой стратегии, в частности, в одном из наиболее значимых для китайской внешней политики как традиционно, так и на современном этапе регионе — в Восточной Азии.

«Новая эпоха» китайской внешней политики

Одной из основных тенденций развития международных отношений на современном этапе стал рост политического влияния Китая. Сегодня Китайская Народная Республика влияет на многие международные процессы, уходящие далеко за рамки традиционных интересов китайской внешней политики, что превращает изучение внешнеполитической деятельности КНР в одну из важнейших задач исследователей в сфере международной политики.

В связи с возрастающей экономической и политической ролью Китая на мировой арене, структура китайской внешней политики становится все более сложной. На XIX съезде Коммунистической партии Китая председатель КНР Си Цзиньпин заявил об успехах «дипломатии великой державы с китайской спецификой» и «многовекторной, многоуровневой и многомерной» китайской дипломатии [8] и представил очертание будущей китайской внешнеполитической стратегии. Съезд ознаменовал вступление Китая в «новую эпоху» как более активного и влиятельного игрока на мировой арене не только в экономическом, но и в политическом и военном плане. Многие элементы новой внешнеполитической роли КНР были очевидны в последние годы, однако именно XIX съезд КПК стал авторитетным подтверждением начала открытых усилий Китая на пути к возвышению к рангу великих держав [17].

В целом XIX съезд КПК ознаменовал консолидацию и усиление власти Си Цзиньпина, что позволит ему осуществить свой политический курс без значительной внутривластной оппозиции, если не в условиях полного ее отсутствия. Также результаты съезда дали повод экспертам заговорить о возможности сохранения власти Си Цзиньпина после завершения его второго срока на посту главы КПК и КНР [11].

Повышение роли КНР в мировой политике привело к возникновению одновременно новых вызовов и новых возможностей для китайской внешней политики. Важной задачей стало развитие внешнеполитической стратегии для соответствия требованиям новой роли КНР в мире. Необходимость новой стратегии признают и власти КНР, которые говорят о «новой эпохе» китайской внешней политики, и китайское академическое сообщество, часть которого выступает с критикой нынешней стратегии внешней политики КНР на основе принципа «таогуан янхуэй».

Стратегия «сдержанности» или «таогуан янхуэй» (韬光养晦; в англоязычной литературе — «keeping a low profile»), являлась важной частью внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина и на протяжении десятилетий определяла основной дипломатический стиль и направление внешней политики Китая. Дословно название стратегии можно перевести как «скрывать свои возможности, таиться в тени» или «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Однако сегодня, когда КНР стремительно наращивает влияние на международной политической арене, такая стратегия, по мнению некоторых авторов, не служит достижению поставленных перед современной китайской внешней политикой задач. В китайском академическом сообществе сформировался консенсус по поводу необходимости новой великой стратегии, однако содержание этой стратегии стало предметом споров между учеными [13]. Одной из наиболее распространённых альтернатив для китайской внешней политики стала стратегия «стремления к достижениям» или «фэньфа ю вэй» (奋发有为; в англоязычной литературе — *striving for achievement*).

Переход от старой стратегии «таогуан янхуэй» к стратегии «стремления к достижениям» не произошел за последние несколько лет и начался еще задолго до XIX съезда КПК и даже до прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 году. Китайские эксперты отмечают первым поворотным моментом 2008 год и международный финансовый кризис, когда экономический рост Китая стал гораздо более заметным на фоне пребывающего в кризисе Запада, а китайская политика стала более амбициозной [14]. После кризиса 2008 года, который ослабил Запад, Китай начали впервые включать в список мировых держав [21, с. 61].

Внутри самого Китая быстрый экономический рост привел в 2000-х годах к постепенному изменению восприятия роли Китая в мировой политике и основных приоритетов ее внешней политики. По описанию директора Центра американских исследований Китайского университета Жэньминь Ши Иньхуна, в китайском обществе осознали возможность использования экономической мощи страны в качестве внешнеполитического инструмента; необходимости проактивной внешней политики, и особенно ориентированной на внешний мир экономической стратегии; необходимости обеспечения энергетической безопасности и связанного с этим господства на море, а также обозначило противника в лице США и угрозу столкновения с Японией [28, с. 44]. В этих представлениях китайского общества можно увидеть отражение некоторых тенденций развития китайской внешнеполитической деятельности, которые привели к возникновению необходимости новой стратегии уже в 2010-х.

Директор Центра азиатско-тихоокеанских исследований Университета Линнань (Гонконг) Чжан Баохуэй в статье 2010 года уже говорил об уверенной и настойчивой в проецировании и защите национальных интересов новой китайской дипломатии [21, с. 40]. Последнюю характеризовали пять особенностей: стремление к полноценному партнерству с США в рамках новых двусторонних отношений; растущая тенденция к мягкому уравниванию отношений с крупными державами, что выражается в углублении стратегического партнерства с Россией; усилия по трансформированию региональных порядков по миру, в том числе за пределами Восточной Азии; стратегия глобальной экономической безопасности, которая способствовала международному дипломатическому присутствию и влиянию Китая; стремление к мягкой силе, сочетанию экономической дипломатии, культурных и идеологических призывов для усиления глобального и регионального влияния Китая [21, с. 41].

Приход к власти Си Цзиньпина стал вторым и наиболее важным поворотным моментом, который ускорил переход от «таогуан янхуэй» к новой стратегии. Фигура Си Цзиньпина, «который сосредоточил власть в своих руках и верит в возрождение национального величия Китая» [16], играет немаловажную роль в трансформации внешней политики КНР. После 2012 г. активизировался поиск новой модели взаимоотношений Китая с внешним миром и начались практические дискуссии о необходимости новой проактивной дипломатии [2, с. 86].

Ускоренный переход к новой стратегии отражает не только и не столько личностные качества лидера КНР, сколько требования новой сложившейся ситуации. Чжан Баохуэй в своей статье 2014 года использовал парадигму политического реализма для описания взглядов и действий Си Цзиньпина. По его мнению, китайский лидер не руководствуется национализмом, как считают многие эксперты, а «стремление Си Цзиньпина вернуть Китаю былую славу является отражением быстрого восхождения [Китая] в международной системе на фоне сильного экономического роста», иными словами, с точки зрения реализма, отражает «амбиции возвышающегося государства» [22, с. 72]. Чжан Баохуэй рассматривает внешнюю политику Си Цзиньпина сквозь призму наступательного реализма, подчеркивающего влияние анархической международной структуры на внешнюю политику государств. В условиях анархии государства стараются наращивать собственную мощь с конечной целью стать самой могущественной страной в международной системе. В этом плане Си Цзиньпин ничем не отличается от лидеров других держав, которые все стремились занять благоприятное место в международной иерархии власти [22, с. 73].

Особенности новой проактивной стратегии КНР

Императивы нового времени диктуют необходимость пересмотра приоритетов китайской дипломатии и отношения к роли политического влияния. Возникает дискуссия о необходимости наращивания в первую очередь политической мощи и политического влияния, что отличается от традиционного упора дипломатии КНР на создании благоприятных условий для экономического роста. Китайская внешняя политика эпохи Дэна Сяопина была нацелена на то, чтобы поддерживать благоприятные условия для экономического роста КНР и избежать конфликтных ситуаций, которые могли бы поставить этот рост под угрозу. Однако по мере того, как КНР становился одной из ведущих экономик мира, рас-

ширение ее возможностей, с одной стороны, и интересов, с другой, привело к пересмотру внешнеполитических приоритетов.

Как отмечает Чжан Баохуэй, Си Цзиньпин модифицировал внешнеполитическую стратегию Дэна Сяопина, признав равноценную важность «богатой страны и мощной армии», то есть экономической и военной мощи [22, с. 75].

Одним из ярких критиков стратегии китайского руководства, нацеленного лишь на экономическое развитие, является декан факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун. Еще в книге «Древняя китайская мысль, современное китайское мышление» Янь Сюэтун писал, что наращивание богатства может повысить державный статус Китая, но не обязательно позволит Китаю стать уважаемой другими державой, так как политическая сверхдержава, которая ставит богатство как наивысший национальный интерес, может принести другим странам скорее бедствие, чем блага [19, с. 100]. Он предлагает собственную трактовку «комплексной мощи» (综合实力 — цзунхэ шили), концепции, возникшей после распада СССР в Китае. Традиционно считалось, что комплексная мощь основывается на экономической силе, однако такой взгляд не всегда может объяснить международные явления, для чего необходимо рассматривать международные процессы с точки зрения властных отношений, где власть является важнейшей составляющей национальных интересов [29].

Янь Сюэтун приводит собственную формулу комплексной национальной мощи, где комплексная национальная мощь формируется из военной, экономической и культурной силы, умноженной на политическую силу, без которой первые не могут играть свои надлежащие роли. Только через увеличение своей политической силы или, по крайней мере, стратегической надежности, Китай может значительно увеличить свою комплексную национальную мощь и международный статус [19, с. 102]. Стратегия возвышения Китая, по мнению Янь Сюэтун, должна быть основана на сбалансированном развитии всех элементов комплексной национальной мощи и, в первую очередь, политического и экономического потенциала [19, с. 143].

Еще одной особенностью стратегии «стремления к достижениям», которую приводит Янь Сюэтун, является готовность принятия международной ответственности. В процессе формирования биполярного мира, каким представляется мир будущего многим китайским исследователям, возвышающаяся держава не может скрывать свои возможности. Стратегия «сдержанности» в данном контексте не приведет к снижению международного давления на Китай и, наоборот, выставит последнего в худшем свете, как державу, избегающую международной ответственности. Стратегия «стремления к достижениям» представляет совершенно иной подход, который предполагает, что Китай будет брать на себя международные обязательства в соответствии со своими интересами, возможностями и статусом как второй по величине державы в мире, что в свою очередь создаст благоприятный образ Китая как «моральной и ответственной державы» [20, с. 183].

Тенденция трансформации внешнеполитической стратегии КНР во многом является естественным процессом адаптации стратегии к новым созданным реалиям. Как пишет Янь Сюэтун, удачная стратегия возвышения большой державы формируется путем адаптации к постоянно меняющимся международным усло-

виям. Китай не должен быть ограничен старыми принципами [19, с. 143]. Любая исторически удачная великая стратегия устареет, потому что времена меняются [19, с. 217].

Когда разрыв между Китаем и США станет еще меньше, внешняя политика Си Цзиньпина может еще больше измениться. Китай будущего будет действовать иначе, чем Китай настоящего. Однако США скорее всего будут уравнивать Китай: в то время как Китай, несомненно, станет крупнейшей экономической и финансовой державой в мире, США все еще могут сохранить преимущество в военной силе. Этот новый биполярный порядок может помочь сдержать амбиции Китая [22, с. 79].

Чжан Баохуэй считает, что Китай может и не станет в конечном итоге сверхдержавой, но наверняка станет мировой державой. Для него мировая или глобальная держава определяется своим пространственным измерением: она должна иметь возможность участвовать во внерегиональных делах и иметь внерегиональные интересы. Все основные черты новой внешней политики Китая указывают на то, что Китай считает себя возвышающейся мировой державой, что выражается в стремлении к более равноправным отношениям с США [21, с. 61].

Пандемия COVID-19 и некоторые мировые политические процессы, среди которых можно отметить ослабление влияния США в мире во многом вследствие изоляционистской политики администрации бывшего президента Дональда Трампа, стали очередным катализатором трансформации китайской внешнеполитической стратегии. Начиная с 2020 года стали заметны изменения как в риторике, так и в практических шагах китайской внешней политики. Если в прошлом китайские власти обычно стремились поддерживать стабильность, не вызывая негативной международной реакции, более строгая позиция Китая по таким вопросам, как территориальные споры, санкционная политика против Австралии, принятие Закона о национальной безопасности в Гонконге, столкновение с индийскими вооруженными силами и т. д. уже не демонстрируют такой осторожности и демонстрируют более жесткую китайскую внешнюю политику. При этом можно также заметить первые негативные последствия новой стратегии, например, в виде ухудшения отношений с Австралией и Индией [12].

Переход к новой стратегии может таить в себе определенные риски, которых предыдущая стратегия старательно избегала. Более проактивная внешняя политика, нацеленная на наращивание политического влияния в регионе и мире, может привести к углублению недоверия со стратегическими противниками Китая (в первую очередь США) и соседними странами региона. В Восточной Азии, к примеру, это может привести к распространению тезиса о «китайской угрозе», что может негативно повлиять на развитие отношений со странами региона во всех областях.

Характеризуя возвышение Китая как одно из самых важных «структурных» изменений в Азиатско-Тихоокеанском регионе в обозримом будущем, Ши Иньхун отмечал еще в середине 2000-х, что анархический характер международной политики, быстрый рост экономической мощи, дипломатического влияния и военного потенциала Китая может вызвать различную степень беспокойства в соседних странах, и в частности, заставить США и их главного союзника Японию чувствовать себя под стратегической угрозой [28, с. 43]. В дальнейшем Ши Инь-

хун и Пол Хэнле выдвинули идею стратегического сокращения (strategic retrenchment), к которому Китаю возможно придется прибегнуть в дальнейшем [14].

Янь Сюэтуан видел главный риск новой стратегии не в возможной войне с США, а в военной конфронтации с соседями, в частности, с Японией. По мере того, как Китай будет становиться все сильнее своих соседей, стратегия «стремления к достижениям» может рассматриваться как агрессивная другими странами региона. Поэтому Китаю необходимо проявить деликатность во внедрении новой стратегии [20, с. 184].

Учитывая возможность углубления недоверия к Китаю со стороны соседей и ухудшения отношений КНР со странами региона, можно ли говорить об эффективности перехода на стратегию «стремления к достижениям»? Как уже указывалось выше, эволюция стратегии многими исследователями воспринимается как необходимость в связи с новой ролью КНР на международной арене и связанной с ней новой конфигурацией сил в мировой политике. Однако два фактора способны относительно минимизировать негативные последствия имплементации более активной и решительной внешнеполитической стратегии, описанной выше. Во-первых, это постепенный переход на новую стратегию, что уже наглядно исходя из истории развития новой стратегии, берущей начало еще в конце 2000-х. Именно постепенность процесса трансформации китайской внешней политики зачастую игнорируется внешними наблюдателями, которые принимают китайскую риторику за свидетельство уже сложившегося нового качества дипломатии, воспринимают стремление Китая влиять на мировые процессы как признак возросшей реальной силы [2, с. 87]. Во-вторых, существует возможность склонения к новой стратегии, не отказываясь при этом полностью от стратегии «сдержанности» [18, с. 163]. Китайскому руководству стоило не афишировать смену стратегии, чтобы не вызывать лишней настороженности со стороны партнеров, стратегических противников и соседей по региону. Однако более решительная внешняя политика КНР, особенно начиная с 2020–21 гг., показывает, что китайское руководство более не намеревается скрывать изменения, происходящие во внешнеполитической стратегии страны.

В данной статье была рассмотрена лишь небольшая часть дискуссии о будущем внешнеполитической стратегии КНР. В основном были рассмотрены работы и соответственно аргументы китайских авторов, стоящих близко к парадигме реализма, однако представители других течений в теории международных отношений иногда выступают с критикой нарратива о переходе со стратегии «таогуан янхуэй» на новую. К примеру, яркий представитель конструктивизма в современном Китае Цинь Яцин считает нецелесообразным резкий переход от одной стратегии к другой [15]. Сопоставление идей представителей разных парадигм может стать темой для дальнейшего исследования, которое еще больше раскроет различные гипотетические пути развития китайской внешней политики.

Литература

1. Виноградов А. О. Новый тип отношений и новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XX: ежегодное издание. Москва: ИДВ РАН, 2015. С. 69–87.
2. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98.

3. Денисов И. Е., Адамова Д. Л. Формула внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 76–90.
4. Ломанов А. В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. Москва: Форум, 2014. С. 40–56.
5. Лукин А. В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89.
6. Мокрецкий А. Ч. О международных отношениях нового типа: теоретические новации Китая в области дипломатии после XVIII съезда КПК // Новые аспекты социально-политического развития КНР. 2015. С. 36–46.
7. Мокрецкий А. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. № 3. 2019. С. 29–48.
8. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // 2017-11-03. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 02.04.2021).
9. Семенов А., Цвык А. Концепция “общего будущего человечества” во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72–81.
10. Сыроежкин К. Китайская мечта (научная статья) // Московский центр Карнеги. 15.05.2013. URL: <https://carnegie.ru/2013/05/15/китайская-мечта/g8tf> (дата обращения: 20.07.2020).
11. Эксперты объяснили, почему Си Цзиньпин “приблизился к Мао Цзэду” // РИА Новости. 24.10.2017. URL: <https://ria.ru/20171024/1507452843.html> (дата обращения: 02.04.2021).
12. Campbell K.M., Rapp-Hooper M. China Is Done Biding Its Time // Foreign Affairs. 15.07.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-07-15/china-done-biding-its-time> (access date: 15.04.2021).
13. Chen D. Chinese Foreign Policy Needs Major Reform // The Diplomat. 21.08.2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/08/chinese-foreign-policy-needs-major-reform/> (access date: 03.02.2021).
14. Haenle P., Shi Y. China’s Shift to a More Assertive Foreign Policy // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 09.12.2018. URL: <https://carnegietsinghua.org/2018/12/09/china-s-shift-to-more-assertive-foreign-policy-pub-77912> (access date: 02.02.2021).
15. Qin Y. Continuity through Change: Background Knowledge and China’s International Strategy // The Chinese Journal of International Politics. 7(3). 285–314. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pou034>
16. Shi Y. China’s complicated foreign policy // European Council on Foreign Affairs 31.03.2015. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_chinas_complicated_foreign_policy311562/ (access date: 02.02.2021).
17. Swaine M. D. Chinese Views of Foreign Policy in the 19th Party Congress // China Leadership Monitor. 2018. № 55. Pp. 11–24.
18. Weissmann M. Chinese Foreign Policy in a Global Perspective: A Responsible Reformer “Striving for Achievement” // Journal of China and International Relations. 2015. Vol. 3. № 1. P. 151–166.
19. Yan X. Ancient Chinese thought, modern Chinese power // edited by Daniel A. Bell and Sun Zhe; translated by Edmund Ryden. Princeton University Press. Fourth printing, and first paperback printing, with a new preface by author. 2013. 300 p.
20. Yan X. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7. No. 2. Pp. 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027.
21. Zhang B. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications // Journal of Current Chinese Affairs. 2010. 39. 2. Pp. 39–68.
22. Zhang B. Xi Jinping, ‘Pragmatic’ Offensive Realism and China’s Rise // Global Asia. 2014. Vol. 9. No. 2. Pp. 70–79.
23. Ван Ивэй. Жэньлэй миньюнь гунтунти жунтун чжунго мэнь юй шицзе мэнь 王义桅：人类命运共同体融通中国梦与世界梦 [Сообщество единой судьбы человечества объединяет китайскую мечту и мечту мира] // Бэйцзин Жибао. 2019-09-30. URL: http://theory.gmw.cn/2019-09/30/content_33202108.htm (дата обращения: 22.07.2020).
24. Ван И: пусе чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ шидай хуачжан 王毅：谱写中国特色大国外交的时代华章 [Ван И: Сочинение новой эпохальной главы дипломатии великой державы с китайской спецификой] // Центральное народное правительство КНР. 2019-09-23. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2019-09/23/content_5432243.htm (дата обращения: 20.07.2019).

25. Лин Ш. Чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ чжаньлюэ тиси гоуцзянь 凌胜利. 中国特色大国外交的战略体系构建 [Формирование стратегической системы дипломатии великой державы с китайской спецификой] // Гоцзи Чжаньван. 2020/2. С. 19–38.

26. Ляо Ф. Цюаньцю чжили бэйцзин ся жэньлэй минъюнь гунтунти дэ чаньши юй гоуцзянь 廖凡. 全球治理背景下人类命运共同体的阐释与构建 [Толкование и создание Сообщества единой судьбы человечества в контексте глобального управления] // Чжунго Фасюэ. 2018/5. URL: http://fund.cssn.cn/fx/201810/t20181026_4755630.shtml (дата обращения: 20.07.2019).

27. Хуан П. Жэньлэй минъюнь гунтунти вэй цюаньцю чжили тигун “чжунго фанъань” 黄平. 人类命运共同体为全球治理提供“中国方案” [Сообщество единой судьбы человечества предлагает «китайский план» для глобального управления] // Хунци Вэньгао. 2019-10-27. URL: http://www.qsttheory.cn/dukan/hqwg/2019-10/24/c_1125147150.htm (дата обращения: 14.07.2020).

28. Ши И. Чжунго дэ бяньцянь юй чжунго вайцзяо чжаньлюэ фэньси 时殷弘. 中国的变迁与中国外交战略分析 [Перемены в Китае и анализ китайской дипломатической стратегии] // Гоцзи чжэньчжи яньцзяо [Международные политические исследования]. 2006. 1. С. 31–44.

29. Янь Сюэту: чжэньчжи линдао ли гаоди цзюэдин чжунго цзюэци чэнбай 阎学通: 政治领导力高低决定中国崛起成败 [Янь Сюэту: Уровень политического лидерства определяет успех или неудачу роста Китая] // Синь Хуа. 13.01.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-01/13/c_1117763245.htm (дата обращения: 02.02.2021).

THE EVOLUTION OF CHINESE FOREIGN POLICY STRATEGY AT THE CURRENT STAGE

Arusyak L. Hovhannisyan

Assistant lecturer of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia
oganesyan-al@rudn.ru
arusyakhovhannisyan@yahoo.com

Abstract. The article examines the evolution of China's foreign policy strategy and the debates of Chinese scholars on the possibility of switching from the traditional strategy of "keeping a low profile" ("taoguang yanghui") to a new strategy of "striving for achievement" ("fenfa you wei") based on the works of Chinese authors on this issue. The article presents the main characteristics of the new foreign policy strategy and its implications for China as a rising power. The main purpose of the article is to trace the development of the Chinese foreign policy strategy at the current stage. The article identifies the origins of the new strategy and the possibilities for its development in the future, including through the prism of discussions in China about the need to move from the “taoguang yanghui” strategy, which has become traditional for the PRC, to a new one. The author also pays attention to the risks driven by the new, more proactive policy, especially in the region of East Asia.
Keywords: China, foreign policy, strategy, "striving for achievement".

УДК 94(31)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-46-49

**ОБ ОПЫТЕ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ —
ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИИ ПЕРВОГО ТОМА
РУССКОГО ПЕРЕВОДА ХАНЬ ШУ**

© Башкеев Виктор Викторович

научный сотрудник,

Институт Дальнего Востока РАН

Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32

martartofaw@gmail.ru

Аннотация. Данная статья описывает опыт перевода *Хань шу* — исторического памятника, основного источника по истории государства Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.) относящегося к жанру китайских «официальных историй». Первый том русского перевода, вышедший в августе 2021 г., содержит шесть первых глав памятника, вступительные статьи, комментарии, приложения и указатели. В настоящей статье приводится практический опыт, наработанный в процессе подготовки тома к изданию.

Ключевые слова: китайский язык, перевод, история Китая, история Западной Хань, Хань шу.

Для цитирования

Башкеев В. В. Об опыте перевода официальных историй — по следам публикации первого тома русского перевода Хань Шу // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 46–49.

Главным научным проектом отечественной исторической науки в области китаеведения в XX в. несомненно, стал научный комментированный перевод *Ши цзи* (史記 «Исторических записок») Сыма Цяня (145–85 гг. до н. э.). Благодаря труду Р. В. Вяткина (1910–1995), продолженному и завершеному к 2010 г. его сыном А. Р. Вяткиным (1946–2015) вместе с целым коллективом учёных, отечественная наука к тому моменту заняла ведущую позицию в сфере перевода фундаментальных источников по древней истории Китая [4]. Аналогичные проекты во Франции и США были завершены позднее [6, 7].

Однако, для дальнейшего продвижения в этой области потребовалось более десяти лет. Очевидным необходимым продолжением работы отечественной науки в сфере изучения письменного наследия китайской историографии жанра *чжэн ши* (正史 «официальная история») является аналогичное издание научного комментированного перевода следующей (второй по счету из двадцати четырех) официальной истории — *Хань шу* (漢書 «История Хань»), освещающей историю периода 209 г. до н. э. — 23 г. н. э., основным автором которой выступил учёный и историограф I в н. э. Бань Гу (32–92 гг.).

В том или ином виде перевод первого раздела *Ди цзи* (帝紀 «Хроники [правления] императоров») этого памятника на русский язык вёлся с начала XXI в., но в завершающую фазу вступил только в 2020 г. Начавшись как часть проекта по изучению китайской истории периода Хань в рамках написания студенческих работ под научным руководством к.и.н. М. Ю. Ульянова, в 2020–2021 г. полный научный комментированный перевод первых шести глав *Хань шу* был завершён и издан (основным переводчиком выступил автор данной статьи, а научным редактором, автором и соавтором вступительных статей — М. Ю. Ульянов [1, с. 17–34; 66–104]).

Опыт работы над первым томом русского издания *Хань шу* представляется нам достаточно ценным. Мы делимся им здесь, поскольку наработки, накопленные за время его создания в 2005–2020 гг. и завершения в издательстве «Восточная литература» в 2020–2021 гг., являются важной опорой не только для скорейшего появления следующих томов, но и для придания необходимого импульса дальнейшим переводам официальных китайских историй на русский язык. Данные наработки условно можно разделить на «структурные» и «содержательные» причем последние явились результатом развития первых.

«Структурные» же сами по себе явились следствием того, что одной из важных задач авторов данного издания была организация единой структуры работы с такими комплексными историческими сочинениями как *чжэн ши*. За основу, конечно, был взят традиционный подход, т. к. формат «вступительные статьи — основная часть — комментарии — приложения — указатели — библиографии» давно является научным стандартом. Однако, сложный характер изучаемого источника и текущее состояние дел в области изучения истории Хань требовали некоторых специфических корректировок. Прежде всего, они были связаны с необходимостью представить переводимый памятник не как вещь в себе, а как часть единого исторического процесса развития китайской цивилизации в раннеимперскую эпоху, где он является одним из плодов китайской традиционной культуры в области придворной историографии, выступая типичным представителем специфического жанра исторических источников и в то же время отражает конкретный исторический период. Поэтому в сопроводительных разделах к переводу — вступительных статьях, комментариях и приложениях — мы постарались отразить результаты двух видов исследований: с одной стороны — структурно-текстологического, посвященного исследованию внутренней структуры памятника как комплексного исторического сочинения и с другой стороны — исторического, представляющего общую картину политической ситуации в Западной Хань в описываемый в источнике период. Структурно-текстологические исследования помогли уточнить перевод с учетом внутренней структуры источника, а исторические — вписать перевод в контекст исторической эпохи. На наш взгляд, сочетание этих двух видов исследований является удачным и может быть применено в дальнейшей работе как над завершением перевода *Хань шу*, так и над другими историческими источниками.

Структурно-текстологические исследования в общем виде можно назвать «критикой текста источника», в процессе которой комплексное историческое сочинение *Хань шу* было представлено нами как конгломерат различных структурных единиц: прежде всего, каждая глава из шести вошедших в первый том рус-

ского перевода была рассмотрена нами как отдельный источник и, в свою очередь, далее разобрана на предмет внутреннего жанрового разнообразия составивших ее первоисточников. Исследования показали, что главы раздела *Ди цзи Хань шу* имеют стандартную структуру, сформированную следующими типами первоисточников [2, 3, 5]:

1. Датированная хроника периода 209–87 гг. до н. э.
2. Недатированные исторические сообщения.
3. Документы описываемого исторического периода.
4. Нарративные фрагменты литературной природы («исторические повествования» и «диалоги»).

Обязательно в каждой из глав присутствуют первые три типа, нарративные фрагменты, в основном, характерны для глав, описывающих начальный период истории Хань.

Результаты данных изысканий в итоге повлияли на репрезентацию содержания материала в русском переводе. Содержательные наработки заключаются в том, что исходя из выявленного структурно-жанрового деления внутри каждой из глав, нами было принято решение отразить жанровое разнообразие при помощи особого оформления перевода, отдельно выделив документы как самостоятельный вид источников внутри комплексного исторического сочинения. Поэтому датированная хроника и сопутствующие ей документы двора даны различным шрифтом, а датировки выделены дополнительно — все это вкуче подчеркивает комплексность *Хань шу* как памятника и, в конечном итоге, облегчает его восприятие именно как произведения многожанрового, ведь после использования особого оформления в русском переводе очевидно соседствуют как хроникальные элементы, так и сохранившиеся в целостности документы описываемого времени (их сводный аннотированный перечень дополнительно приведен в приложениях к переводу [1, с. 434–444]), так и (в некоторых главах) плоды более поздней историографической рефлексии в виде нарративных фрагментов. Важным практическим итогом такого подхода явилось также повышение качества перевода, т. к. четкая визуальная репрезентация разных структурно-жанровых элементов, очевидно, не давала упустить из виду необходимость отслеживать отличия в конечном стиле их подачи на русском, т. е. структурные изыскания повлияли на конечное содержание перевода. Например, именно понимание жанровой структуры 4–6 глав памятника позволило корректно передать значение понятия *юань* 元, используемого со 164 г. до н. э. для обозначения шестилетнего цикла внутри правлений императоров Вэнь-ди (180–157 гг. до н. э.) Цзин-ди (157–141 гг. до н. э.) и У-ди (141–87 гг. до н. э.) и отделить это понятие от феномена *нянь хао* 年號 «девиза правления», который впервые появляется в 105 г. до н. э. в правление У-ди после введения нового календаря летосчисления [1, с. 467–468].

Подводя итог, отметим, что использование первого тома как методологического и визуального образца будет полезно не только при завершении перевода *Хань шу*, но и при реализации других подобных масштабных проектов.

Литература

1. Бань Гу. Хань шу («История Хань»): в 8 т. / перевод с китайского В. В. Башкеева; под редакцией М. Ю. Ульянова; коммент., вступит. ст. и приложение В. В. Башкеева и М. Ю. Ульянова. Москва: ИДВ РАН. Вост. лит., 2021.

2. Башкеев 2018a — Башкеев В. В. «Исторические повествования» и «нарративы» в отображении борьбы основателя империи Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.) // XLVIII НК ОГК. 2018. С. 151–269 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 28).
3. Башкеев 2019b — Башкеев В. В. О структуре изложения в разделе Ди-цзи Хань-шу (на материале главы Гао-Ди-цзи ся) // XLIX НК ОГК. 2019. С. 87–107 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 29).
4. Вяткин 2010 — Вяткин А. Р. Полный русский перевод «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня. Предварительные итоги // XL НК ОГК. 2010. С. 333–339 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2).
5. Ульянов 2011b — Ульянов М. Ю. Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжунь: к проблеме выделения и характеристики структурных групп // XLI НК ОГК. 2011. С. 43–59 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 3).
6. Les mémoires 2015 — Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. Vol. 1–9 / Trad. et ann. par Éd. Chavannes, Yves Hervouet. Paris, 2015.
7. Nienhauser 2020 — The Grand Scribe's Records / Ssu-Ma Ch'ien. Vol. X: The Memoirs of Han China. Part III / Ed. by Nienhauser William H. Indiana University Press, 2020.

ON THE EXPERIENCE
OF TRANSLATING THE OFFICIAL HISTORIES —
FOLLOWING THE PUBLICATION OF THE FIRST VOLUME
OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE HAN SHU

Victor V. Bashkeev
Researcher,
The Institute of Far Eastern Studies of the RAS
32 Nakhimovsky prospect, Moscow 117997, Russia
martartofaw@gmail.com

Abstract. This article describes the experience of translating the Han shu — the main source on the history of the Western Han state (202 BC — 8 AD) belonging to the genre of Chinese "official histories". The first volume of the Russian translation, published in August 2021, contains the first six chapters, introductory articles, commentaries, appendixes, and indexes. This article presents the practical experience gained in the process of translation and preparation of the volume for publication.

Keywords: Chinese language, translation, Chinese history, history of Western Han, Han shu.

УДК94 (510)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-49-56

**КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ДАУРОВ**

© **Цыбенов Базар Догсонович**
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
bazar75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению источников на китайской языке, рассматривающих различные аспекты духовной культуры даурского народа. Автор, в част-

ности, рассматривает жанры устного народного творчества, историю приобщения дауров к маньчжурской письменности, религиозные воззрения народа. В заключении работы отмечено современное состояние культурной жизни дауров.

Ключевые слова: дауры, духовная культура, китайские источники, письменность, религия.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы» № 20-09-00344. Номер госрегистрации (РосРИД): АААА-А20-120052290031-7

Для цитирования

Цыбенков Б. Д. Китайские источники по духовной культуре дауров // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 49–56.

Духовная культура дауров — одного из монголоязычных народов, проживающих на северо-востоке Китая, продолжает оставаться малоизученной в российском востоковедении. Между тем разноликая культура этого народа свидетельствует о его непростом историческом пути, длительном взаимодействии с другими монгольскими и тунгусо-маньчжурскими этническими группами. Особое место в истории и культуре дауров занимает цинский период, когда они испытали мощное воздействие маньчжуров и через их посредство стали впитывать собственно китайскую культуру [2, с. 41–46]. Утверждение китайского языка в даурских регионах началось в первой трети XX в., хотя дауры еще долго сохраняли приверженность ко всему маньчжурскому, писали на маньчжурской письменности. Начиная со второй половины XX в. появляются работы даурских авторов, изданные на китайском языке. За относительно короткий период китайский язык и письменность выходят на передний план в даурском обществе и становятся обиходными. Подавляющее большинство современных работ даурских ученых изданы именно на китайском языке. Произведения на старомонгольской письменности у дауров составляют несравнимо малую долю, большей частью написаны даурами — выходцами из хайларской интеллигенции, во многом воспринявшей элементы традиционной общемонгольской культуры. В настоящей работе мы рассматриваем современные публикации, написанные в основном представителями даурского ученого мира, среди которых известная исследовательница Сайнтана, историк Маньдуэрту, этнограф и филолог Дин Шицинь и др. Поскольку их работы опубликованы на китайском языке, а не на старомонгольской письменности, мы относим их к разряду китайских источников по духовной культуре народа. Хотя в нашем случае более правильное было бы говорить о современной китаеязычной научной литературе, написанной самими даурами.

Из истории даурского народа известно, что в XVI–XVII вв. основная масса населения проживала в Западном Приамурье, отдельные группы дауров жили в

Восточном Забайкалье (вплоть до Еравнинских озер и р. Витим на территории совр. Республики Бурятия) и в районе р. Алдан (территория совр. Республики Саха-Якутия). Этот период даурской истории и культуры был бесписьменным. Сведения о даурах того времени сохранились лишь в донесениях и отписках русских служивых людей, официальных хрониках маньчжуров. Несмотря на отсутствие письменности, дауры сумели сохранить богатое наследие устного народного творчества. Из поколения и в поколение они передавали мифы, легенды, предания и сказки, в основном посвященные природе, природным силам и животному миру; бережно относились к родословным, наизусть заучивая имена всех предков по мужской линии. Впоследствии родословные получили китайское наименование «цзяпу», в народной речи данное слово трансформировалось в «гяаб». Собственно, под этим названием «гяаб» даурские родословные известны и ныне. Из жанров устного народного творчества дауров первыми были письменно зафиксированы т. н. «учуны» — своеобразные гимны-восхваления. Они могли посвящаться как известным деятелям, так и простому народу; конкретным профессиям; природе и ее явлениям; традиционным играм и праздникам и т. д. Их можно разделить на отдельные категории: 1) посвященные трудовой деятельности («учуны» о земледелии, коневодстве, лесозаготовке и др.); 2) характеризующие семейно-брачные отношения (наказы дочери, вступающей в брак; наказания юношам, отправляющимся на военную службу; о почитании родителей); 3) «учуны» о культуре и образовании даурского народа (о пользе образования для молодежи; о необходимости знания кодекса поведения; о даурских праздниках). В настоящее время даурскими учеными и работниками сферы культуры проводится большая работа по сохранению этого жанра устного народного творчества даурского народа. Так, «учунам» посвящена книга работника отдела культуры г. Хухэ-Хото и краеведа Го Лиру. Совместно с другими работниками отделов культуры даурских районов Морин-Дава, Мэйлисы, Хайлара, автор провел большую работу по записи более 200 «учунов», из которых в сборник вошли 39 произведений. Книга дополнена краткими биографиями исполнителей «учунов», двумя CD-дисками с их записями. Исполнителями «учунов» выступили известные народные сказители и певцы, такие как Во Цзиньчжу, Э Линцяо, Гэгэнбату, Хэ Юлян, Мэн Лифан, Ао Лишен, Го Чжунхуа и др. В ней представлен текст песен сразу на трех языках — на китайском языке, старомонгольской письменности и в записи на международной фонетической транскрипции. Как отмечает Го Лиру, мировая наука и культура должны узнать о даурах через передачу их уникального жанра устного народного творчества. Актуальной проблемой становится сохранение культурного наследия даурского народа. Многие «учуны» были утрачены и в целом наблюдается угроза исчезновения традиционной культуры дауров [13, с. 1]. Следует заметить, что китайские исследователи подчеркивают ярко выраженную самобытность и национальный колорит устного народного творчества дауров. Так, исследователь-краевед Ань Течжун в своей статье «О художественном обаянии национальной литературы дауров», сравнивая даурские произведения с сияющими жемчужинами, выделяет жанровое и стилевое разнообразие устного народного творчества, глубокое содержание, строго выдержанную структуру, во многом сжатую форму выражения. По его мнению, произведения устного народного творчества дауров в полной мере отражают реалии

былых времен и черты национального характера; в них подчеркивается патриотизм дауров, их остроумие, смекалка и храбрость [6, с. 164–166].

Даурские поэты цинского периода писали свои произведения на даурском языке маньчжурским письмом. Выдающимися образцами даурской поэзии являются сочинения Чансина и Чин Тунпу. Их работы, выполненные в безукоризненном художественном стиле, по сути, воссоздают те или иные исторические реалии, важные события в истории даурского народа; наполнены глубоким жизненным смыслом. Поэтому очень важна их роль в повышении общего культурного уровня даурского населения и дальнейшем развитии даурской поэзии и литературы. В монографии даурских исследовательниц Сайнтана и Туя «Краткая история даурской литературы» подчеркивается, что появление первых письменных памятников даурской литературы в период Цинской династии не было случайным. Помимо такого немаловажного фактора как прогресс в социально-экономическом развитии дауров, важной причиной явился и рост школьного образования. Шло непрерывное увеличение даурской интеллигенции, получившей образование на основе маньчжурской письменности [15, с. 161–162]. Сведения Сайнтана и Туя во многом перекликаются с материалами «Энциклопедии даурского народа», подготовленного даурским исследователем Маньдуэрту. По его мнению, начало школьного образования дауров восходит к 70-м гг. XVII в. [14, с. 369]. Поскольку он не приводит конкретных фактов основания школ и обучения даурских детей, сложно понять, на чем оно основано. Можно предположить, что в этот период наблюдается прогресс в развитии культуры и образования маньчжурского народа, затронувший и их ближайших соседей — дауров. Другая дата приобщения дауров к школьному образованию, выдвигаемая Маньдуэрту — 1695 г. (в работе Сайнтана и Туя указан 1696 г. — *авт.*) сомнений не вызывает. В том году хэйлунцзянский генерал-губернатор, маньчжурский военачальник Сабсу основал в г. Мэргэнь школу маньчжурского языка. Она предназначалась для обучения детей воинов и служащих цинской восьмизнаменной организации [14, с. 369; 15, с. 162]. К тому времени дауры были причислены к «восьми знаменам» и принимали активное участие в русско-цинских пограничных конфликтах в конце XVII в. Другой знаменательной датой в истории школьного образования дауров является 1744 г., когда были открыты официальные школы в Цицикаре, Айгуне и Мэргэне. По данным Маньдуэрту, ежегодно для обучения в школах отбирали 50 учеников из числа даурских детей [14, с. 370]. В работе Бадажунга «Роль маньчжурской письменности в культурном развитии дауров» указан первоисточник «Хроники провинции Хэйлунцзян», в котором, очевидно, содержится упоминание об основании официальной школы «восьми знамен» в период правления императора Канси. По данным Бадажунга, помимо школьного обучения, которое было доступно лишь незначительной части даурского населения, состоятельные дауры нанимали учителей маньчжурского языка для домашнего обучения детей [7, с. 278–279]. Освоение маньчжурской письменности шло наряду с изучением таких произведений как «Троецарствие», «Сборник изречений мудрецов», «Подробное изучение императорских указов», «Заметки о мировой истории», «Удивительные явления древности и современности», «Книга в стихах». Помимо них, даурские ученики изучали и такие произведения как «Троеслово», «Тысячесловник» [3, с. 363–364]. Распространение получили пе-

реводы маньчжурских произведений на даурский язык и их пересказ широкой публике. Приобщение к маньчжурской письменности привело даурское общество и к существенному расширению исторических и религиозных (в большей степени, связанных с конфуцианством — *авт.*) познаний. Согласно исследованию Бадажунга, помимо «учун» у дауров были популярны и маньчжурские стихотворения «иргэбун». Немало представителей даурской интеллигенции сочиняли стихотворения в маньчжурском стиле. В них ярко и отчетливо отражались различные эмоциональные состояния от радости до гнева и печали [7, с. 278]. Таким образом, с конца XVII — начала XVIII вв. шло приобщение дауров к маньчжурской культуре и образованию.

Сближению дауров с маньчжурами во многом способствовало длительное соседство с тунгусо-маньчжурскими этническими группами на территории Приамурья и сопредельных земель. Возвышение соседей — маньчжуров в Китае и их выход на мировую политическую арену не мог не сказаться и на положении дауров. Со временем они получили наименование «ичэманжа» — «вторые маньчжуры», что наглядно свидетельствовало о стремлении дауров сблизиться с маньчжурским обществом и культурой. Эта тенденция продолжалась и в конце правления Цинской династии. В начале XX в. во многих даурских селениях были основаны домашние школы. Преподавание в таких школах основывалось на маньчжурской письменности. Особенно много таких школ функционировало в уездах Айгунь, Бутха, в Цицикаре [15, с. 162]. Цинский период развития образования и культуры даурского народа нашел отражение в многотомном издании «Материалы о даурах». В нем представлены произведения даурских деятелей конца XIX — начала XX вв. как целиком, так их отдельные главы и тексты [9; 10]. Даурско-маньчжурский билингвизм в период правления Цинской династии, культурные и языковые контакты дауров с китайцами, монголами, эвенками представлены в монографии Дин Шициня «Язык, общество и культура дауров» [12]. Особый интерес в указанной работе представляет религиозная лексика дауров, отражающая как самобытные черты даурского шаманизма, так и тесное религиозно-культурное взаимодействие народа с тунгусо-маньчжурскими этническими группами. Материалы по шаманизму содержит и «Энциклопедия даурского народа», изданная Маньдуэрту. Один из разделов работы полностью посвящен даурскому шаманизму, содержит ценные фотографии шаманов и их облачения, пантеона шаманских божеств. Интересны сведения о трех мирах (верхнем, среднем и нижнем), понятиях «душа» («сумс»), божество («баркэн»); божествах Нообаркэн, Холер баркэн, Кейден, Ходжорбаркэн, Мэрдэнэтэву и др. [14, с. 229–235]. Даурский шаманизм и в целом многие аспекты духовной и материальной культуры дауров представлены в иллюстрированной монографии Аола Цайлинь «Локальные особенности и традиции даурской этнической группы». Автор дает краткую характеристику даурскому шаманизму, особо отмечает культ *обо* — почитания хозяев местностей. Представлены фотографии закладки камней на *обо*; жертвоприношения животными (бык, свинья) и варки ритуального мяса; поклонения перед культовым местом; почитания женщинами божества дождя рядом с рекой (в период проведения церемонии *обо*). В работе АолаЦайлиня имеются также фотографии шаманских божеств Холер баркэн, Хэйин, Байнача [5, с. 94–100]. Этнографии даурского народа, его материальной и духовной культуре посвящена монография Исуна «Дауры». На протяжении многих лет

Исун работает в Институте общественных наук Внутренней Монголии в г. Хух-Хот, является заместителем директора института. В своей работе он делает упор на анализ народных традиций и обрядов дауров [11]. В 2005 г. автор настоящей работы встречался с Исунем во время международной научной конференции по монголоведению, проходившем в г. Хух-Хот. Тогда были записаны ценные сведения по истории и культуре дауров, в частности, мифы о происхождении дауров от медведей, о почитании орлов и др. О почитании даурами орлов свидетельствует 13-метровый тотемный столб с фигурой позолоченного орла высотой 6 м., возведенный в национальном парке автономного даурского хошуна Морин-Дава. Есть мнение, что взлетающий орел символизирует национальный дух даурского народа. Изображение орла как Гелиоса — солнечного божества из древнегреческой мифологии — можно интерпретировать следующим образом: постоянство и регулярный ход солнца были неразрешимой загадкой для древних людей, поэтому они связали его с орлом, парящим в небе. Так орел стал представителем солнца на земле, к тому же он принял значение тотема. Поэтому воздвигнутый в национальном парке Морин-Дава тотемный столб орла отражает всю глубинную структуру даурской национальной культуры [1, с. 88–90]. Заметим, что помимо прекрасного национального парка, в автономном даурском хошуне Морин-Дава были открыты два крупных музея: даурский музей в г. Нирги (осн. в 1998 г.); музей шаманской культуры в 15 км. от г. Нирги (осн. в 2006 г.). Они стали важными объектами внутреннего туризма [4, с. 221]. Китайские ученые поддерживают идею продвижения традиционной культуры дауров. Так, исследователь Гао Чанъюн в статье «К вопросу об особенностях, преемственности и развитии национальной культуры дауров» выделяет четыре принципа (преемственности, наследования, поглощения, новаторства, сохранения самобытных черт даурской культуры), которых следует придерживаться в деле продвижения даурской культуры. Принцип преемственности, по мнению автора, важен, поскольку в передаче культурных ценностей из поколения в поколение, в преемственной связи культурной традиции коренится сущность любой национальной культуры. В то же время Гао Чанъюн указывает на необходимость восприятия именно позитивных, прогрессивных культурных явлений, тогда как не отвечающие требованиям времени особенности традиционной культуры могут быть решительно отброшены [8, с. 148]. Здесь можно не соглашаться с китайским исследователем, поскольку, на наш взгляд, подобные радикальные меры могут привести к необратимым последствиям, к утрате, возможно, ценных и самобытных черт традиционной культуры дауров. На наш взгляд, сложно говорить о «не отвечающих требованиям времени» особенностях традиционной культуры. Она и не должна идти в ногу со временем, а ее особенности должны отражать этапы истории и культуры даурского народа, этнокультурное взаимодействие дауров с другими народами Северо-Востока Китая.

В эпоху глобализации становится актуальным сохранение богатого и самобытного культурного наследия даурского народа, многими зримыми и незримыми нитями тесно связанного с культурной традицией маньчжуров, эвенков, монголов и китайцев. О своеобразии устного народного творчества дауров свидетельствуют «учуны», их различные жанры нашли отражение в первых источниках на маньчжурской письменности. Как отмечают китайские источники, культурное влияние маньчжуров благотворно повлияло на даурское общество;

появилась интеллигенция, занимавшаяся изданием художественных и исторических произведений, переводами классических сочинений с маньчжурского на даурский язык. В то же время шаманская религия дауров, равно как и многие другие аспекты духовной культуры дауров, продолжали сохранять свою самобытные черты, свидетельствующие о непростом историческом пути народа.

Литература

1. Сайнтана. Эволюция образа неба («тэнгэр») в даурской культуре / Сайнтана, Ли Пин, Б. Д. Цыбенков // Религиоведение. 2021. № 1. С. 82–90.
2. Цыбенков Б. Д. К изучению маньчжурского и китайского влияния на культуру дауров / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020. № 3(39). С. 39–48.
3. Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в XIX — начале XX века / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. С. 362–370.
4. Цыбенков Б. Д. Развитие культуры и образования дауров в конце XX — начале XXI в. / Б. Д. Цыбенков // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 220–225.
5. Local conditions and customs of the Daur ethnic group // Text and photographs by AolaSailin. Beijing: China Pictorial Publishing House, 1997. 104 p.
6. Ань Течжун. Цяньтань давоэр цзумынь цзянь вэньсюэдэ ишу мэили // Цинчжу Мэйлисы давоэр цзуцой цзяньцой вушичжоунянь вэньцзи 安铁忠. 浅谈达斡尔族民间文学的艺术魅力 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰 [Ань Течжун. О художественном обаянии национальной литературы дауров // Сборник статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района]. Цицикар: Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. С. 164–172.
7. Бадажунга. Маньвэнь дуй давоэрцзу вэньхуа фачжань социдэ цзоюн // Давоэрцзу яньцзю. Дисыцзи 巴达荣嘎. 满文对达斡尔族文化发展所起的作用 // 达斡尔族研究. 第四辑 [Бадажунга. Роль маньчжурской письменности в культурном развитии дауров // Исследования даурского народа. Вып. 4]. Хух-Хот: Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. С. 278–282.
8. Гао Чанъюн. Лунь давоэрминьцзу вэньхуа тэчжэнь цзици цзицэн юй фачжань // Цинчжу Мэйлисы давоэр цзуцой цзяньцой вушичжоунянь вэньцзи 高长永. 论达斡尔民族文化特征及其继承与发展 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 [ГаоЧанъюн. К вопросу об особенностях, преемственности и развитии национальной культуры дауров // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района]. Цицикар: Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. С. 146–151.
9. Давоэр цзыляоци. Дицици / Давоэр цзыляоци бяньцзивэйюань хуэйюй 达斡尔资料集.1 / 《达斡尔资料集》编辑委员会编 [Материалы о даурах. Том I / редколлегия «Материалы о даурах»]. Пекин: Народное изд-во, 1996. 699 с.
10. Давоэр цзыляоци. Диэрзи / Давоэр цзыляоци бяньцзивэйюань хуэйюй 达斡尔资料集. 1 / 《达斡尔资料集》编辑委员会编 [Материалы о даурах. Том II / редколлегия «Материалы о даурах»]. Пекин: Народное изд-во, 1998. 1093 с.
11. Давоэрцзу / И Сун чжу 达斡尔族 / 毅松著 [Дауры / составитель Исун]. Шэньян: Народное изд-во Ляонина, 2012. 201 с.
12. Дин Шицинь. Юйюань юй шихуэй вэньхуа. Давоэр [Дин Шицинь. Язык, общество и культура дауров]. Пекин, 1998. 327 с.
13. Го Лиру. Давоэр вучунь [Даурские учуны]. Хулун-Буир, 2018. 121 с.
14. Маньдуэрту. Давоэрцзу байкэцзидянь 达斡尔族百科全书 / 满都尔图主编 [Маньдуэрту. Энциклопедия даурского народа]. Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2007. 731 с.
15. Сайиньтана Туоя. Давоэрцзу вэньсюэ шилуэ 达斡尔族文学史略 / 赛音塔娜托娅著 [Сайиньтана Туоя. Краткая история даурской литературы]. Хух-Хот: Изд-во Университета Внутренней Монголии, 1997. 250 с.

CHINESE SOURCES
ON THE SPIRITUAL CULTURE OF THE DAURPEOPLES

Bazar D. Tsybenov

Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
bazar75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of sources in the Chinese language, considering various aspects of the spiritual culture of the Daur people. The author analyzed the history of the introduction of the Daur people to the Manchu writing, religious beliefs, and literature. The work also studied the current state and prospects of the cultural life of the Daur.

Keywords: Daur, spiritual culture, Chinese sources, writing, religion.

УДК 930.85

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-56-66

РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КПК

© **Чебунин Александр Васильевич**

доктор философских наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
chebunin1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривает историческое и идеологическое развитие Коммунистической партии Китая с момента основания до настоящего времени. Показан процесс китаизации марксизма-ленинизма в качестве руководящей идеологии КПК через его логическое развитие в концепциях идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, теории трех представительств Цзян Цзэминя, научной концепции развития Ху Цзинтао и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи.

Ключевые слова: КПК, КНР, марксизм-ленинизм, идеология, идеи Мао Цзэдуна, китаизация марксизма.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие философской мысли Китая в контексте его современной политической стратегии (конфуцианство, даосизм, буддизм, марксизм)», № 19-011-00455

Для цитирования

Чебунин А. В. Развитие идеологической стратегии КПК // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 56–66.

С момента своего основания и до настоящего времени Коммунистическая партия Китая (КПК) пережила множество исторических событий, став самой многочисленной политической партией в мире и продемонстрировав выдающиеся результаты в социально-экономическом, политическом и культурном строительстве Китайской народной республики. Несмотря на пережитые ошибки, их объективное осознание и принятие в качестве партийно-политического опыта определило открытость и гибкость в принятии новых идей, что обусловило своевременную модернизацию партии и ее идеологии, способствовало общему развитию страны.

История КПК проходила в сложный исторический период времени как для Китая, так и для всего мира в целом. Китайские ученые в истории КПК выделяют следующие эпохальные периоды:

Первый период — Первый объединенный фронт с Гоминьдан (1922–1927 гг.), время создания и формирования основных структур КПК, проходившее под непосредственным управлением и контролем III-его интернационала (Коминтерна). В это время КПК входила в альянс с Гоминьданом в борьбе против милитаристских группировок.

Второй период — Советская республика в Китае (1927–1937 гг.), время борьбы с Гоминьданом.

Третий период — Борьба с японской агрессией (1937–1945), Второй объединенный фронт с Гоминьданом.

Четвертый период — Гражданская война между КПК и Гоминьдан за власть в Китае (1946–1949 гг.).

Пятый период — Китайская Народная республика (с 1949 г.), время развития КПК в качестве правящей партии.

Данная хронология отражает вехи становления КПК как политического института, поэтому не отражает идеологическую составляющую, которая, хотя и связанная с историческими событиями, имеет более сложные критерии для периодизации. Во многом развитие идеологии обуславливалось специфическими условиями китайской духовной культуры, оказывающей значительное влияние на восприятие и воспроизводство коммунистических и социалистических идей основоположников марксистско-ленинской теории.

Китай, имея ко времени знакомства с теорией марксизма более чем трех тысячелетнюю историю, в своей духовной культуре имел прочные традиции. В отличие от традиций в России, где православие веками культивировало догматизм в мировосприятии, которое потом с неизбежностью сказалось на отношении к марксизму, в Китае идеологическое соперничество считалось обычным делом, а их результативность определялось политической практикой. В рамках такого подхода идеи марксизма-ленинизма и их воплощение на практике в СССР рассматривались не как непреклонные догмы, а как инструменты социально-политического и экономического развития, которые в случае необходимости можно было подкорректировать.

Начало распространения марксистских идей в Китае было стимулировано победой Октябрьской Социалистической революцией в России в 1917 г. Осознание своей отсталости и всеобщего кризиса Китая китайской интеллигенцией, веками почивавшей в рамках китаецентристского мировосприятия, обусловило по-

иск новых идей и путей социально-политического развития. На волне движения «Движение 4 мая» в Китай и начинает проникать идеология марксизма-ленинизма при прямом содействии Коминтерна.

В конце июля 1921 г. делегаты от марксистских кружков провели в Шанхае 1-ый съезд (23 июля — 01 августа 1921 г.), на котором и было объявлено о создании КПК. На съезде присутствовали 13 делегатов от 7 кружков с общей численностью 53 человека, было выбрано Временное Центральное бюро, куда вошли Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готоа (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропагандистскую работу) [1, с. 159]. В принятой программе КПК конечной целью было объявлено построение бесклассового общества через диктатуру пролетариата и устранение частной собственности [2]. Идеологией КПК был объявлен марксизм-ленинизм.

Как идеология пролетариата марксизм отразил чаяния всего трудового народа, его вековые надежды на справедливое распределение материальных ресурсов. Уравнительное распределение имущества, равное распределение богатства было извечным лозунгом и крестьянских восстаний в Китае. К моменту знакомства китайцев с марксизмом немногим более полувека прошло после крестьянского восстания тайпинов, подавленного в 1864 г., память о котором еще была свежа среди народа. Поэтому появление западной научной теории с аналогичными идеалами оказалось созвучной китайскому крестьянскому менталитету, несмотря на то, что в самом марксизме проводилась четкая граница между пролетариатом и крестьянством. В этом контексте Чэнь Дусю выдвинули понятие «трудовой класс». В декабре 1920 г. в статье «Демократическая партия и Коммунистическая партия» он писал: «До того как капиталистический и трудовой класс не будут уничтожены, чувства и интересы этих двух классов полностью отличаются. Откуда тогда берется всенародная воля? Пока все не станут капиталистами или трудящимися, до тех пор не будет общей воли народа. В противном случае, независимо от страны, существует только воля класса или партии, абсолютно нет никакой всенародной воли» [3, с. 219].

Объявив своей идеологией марксизм-ленинизм, КПК на основе материалистического мировоззрения объявило войну религиозному сознанию, включая все традиционные духовные учения. Ли Дачжао писал: «... в современном обществе христианство — наиболее распространенная религия, она имеет наибольшее число верующих и располагает наибольшим влиянием, поэтому нужно в первую очередь вести борьбу против христианства — самого влиятельного, наиболее широко распространяющего свой яд, а по необходимости надо также выступать и против буддизма или развернуть движение против конфуцианства и даосизма» [4, с. 341–342]. Однако в социально-политических условиях Китая основным объектом критики стало конфуцианство, официальная идеология монархической системы, оказавшая громадное влияние на все стороны жизни всех слоев китайского общества. В этом Ли Дачжао не стеснялся в выражениях: «Конфуций — высохший труп тысячелетней давности» [5, с. 99]. В результате, КПК с самого начала уже обладала системной и целостной идеологией с конкретными и прозрачными целями и задачами, что, наряду с ленинским принципом централизации, делало эту партию влиятельным политическим институтом как в социально-политическом, так и в идеологическом плане.

В первый период развития КПК ее идеологическая стратегия полностью определялась политикой Коминтерна, которая была направлена на интересы развития международного коммунистического движения и упускала многие нюансы внутренней экономической, социально-политической и культурной ситуации Китая. Неоправданные надежды на Гоминьдан и недооценка реакционных сил привели к непоправимым жертвам среди китайских коммунистов, как со стороны Гоминьдана, так и со стороны милитаристов. Вследствие этого произошло размежевание между КПК и Гоминьданом и уход коммунистов в подпольно-нелегальное положение. В июле 1927 г. Чэнь Дусю был отстранен от должности генерального секретаря ЦК КПК, а его правый курс был осужден. Был образован Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК во главе с Цюй Цюбо. КПК перешла к открытой революционной борьбе с Гоминьданом и милитаристами, однако все попытки проведения вооруженных восстаний на местах были подавлены. К концу 1927 г. численность КПК сократилась до 10 тыс. человек, хотя основное руководство партией удалось сохранить [1, с. 180].

Второй этап развития КПК, характеризующийся противостоянием с Гоминьданом, во многом определялся практическими задачами выживания партии в сложных политических условиях фактически гражданской войны. Сразу после разрыва с Гоминьданом КПК под руководством Цюй Цюбо взяла курс на «непрерывную революцию», однако серия поражений привела к переосмыслению политической тактики и стратегии. В конце февраля 1928 г. исполком Коминтерна подверг критике «левый уклон» политики КПК, а в конце апреля Политбюро ЦК КПК обсудило и приняло это постановление, после чего попытки «непрерывной революции» были прекращены.

В плане конкретно-практической работы коммунисты приступили к созданию советских районов и организации на их основе регулярной армии, осуществляющей тактику партизанской войны. Под натиском гоминьдановских войск советские районы перемещались в труднодоступные регионы с преобладающим крестьянским населением. В процессе боевых действий в Красную армию и КПК стали входить все больше крестьян, а также деклассированные элементы, бывшие солдаты Гоминьдана и милитаристов, члены отрядов крестьянской самообороны и тайных обществ. Это обусловило изменение качественного состава партии и усиление левых настроений. Лидером левых выступил Ли Лисань, призывавший к всеобщей забастовке и всекитайскому восстанию.

В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в марте 1932 г. создала марионеточное государство. Внешняя угроза обусловила пересмотр стратегии КПК в ходе гражданской войны. В «Постановлении Центрального комитета по поводу оккупации Маньчжурии японским империализмом» (от 22 сентября 1931 г.) говорилось, что центральной задачей партии является укрепление организации и руководство массами для проведения широкой кампании против японского империализма. В то же время, политика Гоминьдана на первоочередное уничтожение коммунистического и советского движения вынуждало коммунистов все свои силы тратить на борьбу с Гоминьданом, что во многом способствовало беспрепятственному формированию государственности Маньчжоу-го, которое стало плацдармом для дальнейшей экспансии Японии в Китай.

Несмотря на то, что в этот период идеология КПК, ее стратегия и тактика во многом продолжала определяться политикой Коминтерна, одновременно происходило и становление и собственного понимания идеологии марксизма среди китайских коммунистов. Наиболее характерным в этом плане стал опыт Мао Цзэдуна. В июле 1937 г. он написал статью «Относительно практики», где обобщил исторический опыт партии с философской точки зрения, особенно с позиций гносеологии, раскрыл идеологические корни «левого» и «правого» оппортунизма. В августе Мао Цзэдун написал статью «Относительно противоречия», где обобщил опыт первой и второй гражданских войн с философской точки зрения, особенно с точки зрения материалистической диалектики, и разоблачил идеи догматизма внутри партии, систематически раскрыл основные принципы марксистской диалектики, в основе которых лежит закон единства и борьбы противоположностей. Эти две статьи стали фундаментальными философскими работами Мао Цзэдуна, определяющими онтологическое и гносеологическое ядро его мировоззрения.

Прямая агрессия Японии против Китая 7 июля 1937 г. ускорила создание единого фронта КПК и Гоминьдана, который фактически сложился в сентябре 1937 г., хотя четкая официальная общая программа сотрудничества так и не была оформлена. Красная армия была включена в состав Национально-революционной армии Гоминьдана. Однако в процессе боевых действий проявились явные разногласия и противоречия сторон: как КПК, так и Гоминьдан старались сохранить свои силы в преддверии последующей борьбы за Китай.

С 29 сентября по 6 ноября 1938 г. в Яньани состоялся 6-ой пленум ЦК КПК 6-го созыва в расширенном составе. Пленарное заседание подтвердило политику партии по независимой организации вооруженной борьбы народных масс против японских захватчиков и постановило, что основная работа партии должна быть размещена в зоне боевых действий и в тылу врага. На пленуме был представлен политический отчет Мао Цзэдуна, озаглавленный «На новом этапе», который, фактически, положил начало процессу китаизации марксизма. Этот процесс, вызревавший довольно долго, был обусловлен как догматическим авторитетом Коминтерна, так и определенной обидой на него в среде китайских коммунистов из-за ошибок и поражений 1927–31 гг. Во многом эти ошибки определялись недостаточным пониманием китайских условий, которые вносили весомые коррективы в практику революционного движения в Китае.

Военные действия КПК во многом определялись тактикой Мао Цзэдуна на проведение партизанской войны в тылу врага и создание опорных баз. Соответственно, весь третий период развития КПК проходил в борьбе против японских захватчиков, в процессе которой накапливался опыт ведения войны и привлечения на свою сторону местного, в абсолютном большинстве случаев крестьянского населения. Одновременно Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией, а также роспуск Коминтерна в мае 1943 г. принесли идеологическую свободу КПК от внешних авторитетов, что обусловило дальнейшее развитие феномена китаизации марксизма.

Во многом китаизации марксизма способствовали практические успехи вооруженных сил коммунистов и рост авторитета Мао Цзэдуна, определявшего стратегию вооруженного сопротивления оккупантам. К весне 1945 г. в стране

уже было 18 освобожденных районов, общей площадью 950 тыс. квадратных километров с населением более 95,5 миллиона человек. Численный состав армии КПК увеличился до 910 тыс. человек, а количество ополченцев до 2,2 миллиона человек [6]. Социально-экономическое и политическое развитие освобожденных районов также способствовало росту авторитета КПК и усилению ее политических позиций в стране.

Соответственно, третий исторический период развития КПК закончился оформлением ее самостоятельности как в идеологическом, так и в политическом плане, и хотя влияние и авторитет ВКП(б) продолжал сохраняться, и прежде всего в силу авторитета И. Сталина, а также зависимости КПК от материально-технической помощи СССР, китаизация марксистской идеологии стало вехой становления КПК в качестве самостоятельной политической силы уже на мировой арене.

В процессе последующей гражданской войны ведущей идеологической стратегией КПК стало привлечение на свою сторону широких слоев населения и, прежде всего, крестьянства, а также мелкой и средней национально ориентированной буржуазии. В основу этой стратегии легли идеи Мао Цзэдуна о коалиции широких слоев китайского общества для построения общества народной демократии. Эти идеи Мао Цзэдун начал оформлять еще с конца 1939 г., когда вышли его работы, где были дан анализ природы китайского общества, цели, движущих сил и будущего китайской революции, изложены теория КПК о новой демократической революции и новом демократическом обществе.

Теория новой демократии стала продуктом развития китайского марксизма, представленным Мао Цзэдуном и сочетающим основные принципы марксизма с конкретной практикой китайской революции. Как первый этап процесса китаизации марксизма эта теория попыталась приспособить учение классиков марксизма к китайским условиям гражданской войны, а также социально-политическим особенностям Китая, где крестьянский вопрос стоял наиболее остро и являлся исторически наиболее актуальным.

Успехи четвертого периода обусловили дальнейшее развитие идеологической стратегии КПК в качестве правящей партии, где на первый план стали выходить экономические проблемы нового государства, а также борьба с контрреволюционными силами. Смерть И. В. Сталина в 1953 г. и приход к власти в СССР Н. С. Хрущева оказали громадное влияние на взаимоотношение между КПК и КПСС. Авторитет Сталина в среде КПК был безусловен, поэтому XX-ый съезд КПСС в феврале 1956 г., обличивший культ личности Сталина, стал большим ударом для КПК. В середине марта 1956 г. Политбюро и Секретариат ЦК КПК провели несколько заседаний по изучению XX-го съезда КПСС и его влияния. ЦК КПК принял решение, что полное отрицание Хрущевым Сталина в «секретном докладе» является неправильным; но одновременно XX-ый съезд КПСС имеет и положительное значение для разрушения культа Сталина и разоблачение его ошибок. Поэтому ЦК КПК занял позицию защиты Сталина в основных аспектах; в то же время принял указание на его ошибки, чтобы выбрать правильный путь Китая к построению социализма. В то же время в среде КПК возникли идеи возглавить мировое коммунистическое движение.

Имманентное соперничество с КПСС, которая в лице Н. С. Хрущева выдвинула лозунг «догнать и перегнать Америку» сподвигнула руководство КПК выдвинуть идею «догнать и перегнать Англию» за 15 лет. 5–23 мая 1958 г. состоялась вторая сессия VIII-го съезда КПК, где была провозглашена политика «Большого скачка» и создание «народных коммун». Фактически, этим самым КПК вступила в гонку с КПСС в построении коммунистического общества. Соперничество партий вылилось в антисоветскую позицию КПК, что привело к конфронтации двух государств и свертыванию социально-экономического и культурного сотрудничества.

Провал политики «Большого скачка» обусловил внутривнутрипартийные разногласия и поколебал позиции Мао Цзэдуна. В результате было усилено «движение за упорядочение стиля партийной работы», в ходе которого многие партийные деятели были подвержены репрессиям. 04–26 мая 1966 г. в Пекине состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, где был объявлен курс на «Культурную революцию» (Полное название «Великая пролетарская культурная революция»). Основываясь на тезисе о том, что в ряды КПК и правительства проникло большое число представителей буржуазии и контрреволюционных ревизионистов, «культурная революция» должна была вернуть власть в социально-политическом и культурном секторе представителям революционно-марксистской идеологии.

Смерть Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. послужила толчком к изменению политики и идеологической стратегии КПК. 12–18 августа 1977 г. состоялся XI-й съезд КПК, объявивший окончание «Культурной революции». В новом Уставе КПК было записано: «Руководящей идеологией и теоретической основой КПК являются марксизм, ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Партия придерживается противодействия ревизионизму, догматизму и эмпиризму. Партия придерживается мировоззрения диалектического и исторического материализма, противостоит мировоззрению идеализма и метафизики» [7]. Таким образом, КПК полностью сохраняла идеологическую преемственность, в отношении традиционной и религиозной философии сохранялся критический подход.

18–22 декабря 1978 г. в Пекине состоялось 3-ий пленум 11-го созыва ЦК КПК, который провозгласил курс на реформы и открытость. Не отказываясь от марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна в идеологии, руководство КПК сместило акценты на развитие производительных сил и модернизацию. Практика реформ стала определяющей в выстраивании политического и идеологического курса, а уровень жизни — основным критерием этого курса. В то же время в марте 1979 г. Дэн Сяопин выдвинул «четыре основополагающих принципа»: сохранение социалистического пути развития, осуществление диктатуры пролетариата, укрепление руководящей роли КПК и соблюдение марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна.

Перестройка в СССР, где на первый план вышли либерализация идеологии и демократические преобразования, а также неизменность идеологического курса КПК вызвали недовольство китайской молодежи, стремящейся к либерализации и демократизации. Идеи либерализации и демократизации общества быстро распространились в Китае, особенно в среде молодежи, исторически являвшейся самой активной политической силой. Смерть Ху Яобана 15 апреля 1989 г. по-

служила толчком к массовым протестам. Основные события протекали на площади Тяньаньмэнь с 27 апреля по 4 июня, протесты были жестко подавлены и в стране прошли политические репрессии против участников протестов. В результате подавления протестов КПК пресекла деструктивные тенденции и усилила свои идеологические и политические позиции в стране. В этом контексте, международная негативная реакция не оказала большого влияния на дальнейший курс развития КНР.

Перенос основного внимания политической практики от классовой борьбы к экономическим реформам и открытости, а также обращение к «китайской специфике» обусловило смягчение позиции КПК в отношении традиционной культуры Китая, в том числе и к традиционным духовным учениям. Изменение классовой структуры китайского общества привело к тому, что конфуцианство, даосизм и буддизм перестали рассматриваться в качестве идеологических конкурентов, а перешли в сферу истории общественной мысли, изучение которой не противоречило идеологической политике КПК. В этой политике концепция борьбы противоположностей постепенно замещалась концепцией социальной гармонии с ориентацией на гармоничное общество.

В этих условиях Цзян Цзэмин выдвинул теорию трех представительств, согласно которой КПК должна представлять и выражать интересы развития передовых производительных сил, передовой китайской культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского населения. В результате, к определению партии как «авангард рабочего класса», было добавлено «авангард китайского народа и китайской нации», что открыло членство в КПК предпринимателям и значительно расширила ее социальную базу. 8–14 ноября 2002 г. состоялся XVI-й съезд КПК, который утвердил теорию трех представительств Цзян Цзэмина в качестве руководящей идеологии как наследие и развитие марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина, отражающую новые требования современного мира и Китая к работе партии.

15 ноября 2002 г. 1-й пленум 16-ого созыва ЦК КПК избрал генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао. К этому времени политика реформ и открытости уже полностью доказала свою эффективность, показатели развития КНР были одними из самых высоких и устойчивых в мире. Однако высокие темпы развития порождали и немало проблем, в том числе социального расслоения, экологии, качества товаров, дисбаланса производства и внутреннего рынка и т. д. Для решения этих проблем были нужны новые подходы, которые и выдвинул Ху Цзиньтао. В своем выступлении на 3-ем пленуме 16-го созыва ЦК КПК (14 октября 2003 г.) он выдвинул основные принципы устойчивого развития: «Необходимо придерживаться ориентацию на человека, чтобы выработать всеобъемлющую, скоординированную и устойчивую концепцию развития для содействия общему развитию экономики, общества и человека» [8]. В дальнейшем эти принципы оформились в научную концепцию развития Ху Цзиньтао, которая определяла методологию проведения реформ и развитие различных преобразований, став новым направлением идеологической стратегии КПК.

XVII-й съезд КПК (15–21 октября 2007 г.) внес понятие «концепция научного развития, ориентированной на человека, всестороннее, скоординированное и устойчивое развитие» в резолюцию «Об Уставе КПК» в качестве логического

развития марксистских идей в Китае, а XVIII-й съезд КПК (8–15 ноября 2012 г.) это положение оформил в новом Уставе КПК. Отныне руководящей идеологией КПК стали марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, важные идеи «тройного представительства» и научная концепция развития.

Ориентация концепции научного развития на человека ознаменовало коренной поворот идеологии КПК к гуманизации, отразивший общие тенденции мирового развития. Гуманизм как господствующая идеология западной капиталистической системы по мере развития рыночной системы в Китае также проникал в Китай. Китайская интеллигенция, особенно ее новое поколение, знакомясь с западной гуманистической традицией, неизбежно проецировали ее на традиционную китайскую философию в рамках привычной комментаторской методологии. Человек и гармоничное общество стали центральными понятиями новых социально-гуманитарных исследований, а трансцендентизм даосизма и буддизма, социоцентризм конфуцианства стали рассматриваться через призму гуманистического мировоззрения. Вследствие этого в Китае стал формироваться новый идеологический синкретизм из марксизма, отвечающий за научное мышление и методологию, и традиционных духовных учений конфуцианства, даосизма и буддизма, которые стали возвращать себе традиционные сферы применения.

Успехи всестороннего развития КНР, выведшие ее на передовые геополитические позиции, требовали новых идеологических оснований, где Китай мог бы уже устанавливать свои правила и ценности, подкрепляющие его экономические и идеологические амбиции. 15 ноября 2012 г. 1-й пленум 18-ого созыва ЦК КПК избрал генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпина, который с одной стороны выдвинул геополитический экономический проект «Один пояс — один путь», с другой стороны выдвинул новую идею «Китайской мечты» и новую идеологическую стратегию «Социализм с китайской спецификой новой эпохи».

Впервые идею «Китайской мечты» Си Цзиньпин озвучил 29 ноября 2012 года. Смысл идеи заключался в возрождении великой китайской нации, которая к 100-летию основания КПК (2021 г.) должна построить среднезажиточное общество Сяокан, а к 100-летию основания Нового Китая (2049 г.) построить процветающее, демократическое, цивилизованное и гармоничное современное социалистическое государство, и мечта о великом обновлении китайской нации непременно осуществится. Фактически идее «Китайской мечты» противопоставлялась идея «Американской мечты» с ее эгоистично-материалистической ориентацией, выдвигая традиционные национальные и социально-ориентированные ценности.

17–24 октября 2017 г. состоялся XIX-й съезд КПК, на котором Си Цзиньпин впервые выдвинул новую идеологическую стратегию «Социализм с китайской спецификой новой эпохи» в качестве развития идеи «Китайской мечты». Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи стали результатом нового этапа китаизации марксизма, теоретическим развитием учения марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, теории трех представительств Цзян Цзэминя и научной концепции развития Ху Цзинтао. Подчеркивая важность сохранения руководящей и направляющей роли КПК в построении социалистического общества и великого возрождения китайской нации, концепция Си Цзиньпина по сути является новой идеологической страте-

гией КПК и КНР в условиях борьбы за гегемонию в мире, где базовыми критериями выступают уровень жизни и социально-политическая устойчивость.

Таким образом, к столетию своего существования КПК прошла сложный путь политического и идеологического развития. Начиная свою деятельность под полным идеологическим контролем Коминтерна, уже в середине XX в. партия обрела политическую и идеологическую независимость в процессе китаизации марксизма Мао Цзэдуном. Эпоха реформ и открытости ускорила этот процесс, поскольку экономическая и социально-политическая практика нуждалась в постоянной коррекции своего курса. Теория Дэн Сяопина, теория трех представительств Цзян Цзэминя, научная концепция развития Ху Цзинтао, идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи определили новую форму китайского марксизма, где основополагающим принципом стали научный подход и научное мировоззрение. При этом, традиционные китайские учения конфуцианства, даосизма и буддизма уже к началу XXI в. стали существенным фактором идеологического дополнения официальной идеологии в плане обоснования гуманизма, социальных и духовных ценностей, обуславливая социально-политическую устойчивость и определяя вектор развития гармоничного социалистического общества. Это породило феномен нового китайского идеологического синкретизма, на вершине которого находится марксизм в своей китайской форме научного мировоззрения, а традиционные учения занимают нишу философского, религиозного и обыденного мировоззрения. Подобная структура позволяет Китаю поддерживать идеологическую устойчивость, которая в свою очередь обуславливает его социально-политическую стабильность как важнейшее условие осуществления дальнейших реформ всестороннего развития.

Литература

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. Москва: Наука. Вост. лит., 2013. 863 с.
2. 中国共产党纲领 (俄文译稿), (1921 年中共一大通过). URL: <http://www.12371.cn/2012/10/25/ART11351154713556305.shtml> (Программа КПК 1921 г.).
3. 陈独秀著作选. 第二卷. 上海: 上海人民出版社, 1993 年 (Избранные произведения Чэнь Дусю, т. 2. Шанхай: Народное издательство Шанхая, 1993).
4. 李达. 陈独秀. 陈独秀著作选. 第二卷. 上海: 上海人民出版社, 1993 年. Пер. с кит., сост. и авт. предисл. Н. Г. Сенин. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 488 с.
5. 邵宪梅. 试论陈独秀对中国社会各阶级分析及历史意义 // 黑龙江农垦师专学报 1999 年, 第 4 期, 页. 34–36. (Шао Сяньмэй. Исторический смысл и анализ Чэнь Дусю в отношении классов китайского общества // Вестник Хэйлунцзянского аграрного педагогического колледжа. 1999. № 4. С. 34–36).
6. 中国共产党大事记·1945 年 <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416000.html> (Летопись КПК).
7. 中国共产党章程(中国共产党第十一次全国代表大会一九七七年八月十八日通过). URL: <https://fuwu.12371.cn/2012/09/25/ART11348552629457727.shtml> (Устав КПК 1977 г.).
8. 张伟东. 科学发展观的形成和发展 // 邓小平理论研究, 2016 年第 1 期, 14–15 页 (Чжан Вэй-дун. Формирование и развитие концепции научного развития // Исследования теории Дэн Сяопина, 2016. № 1. С. 14–15).

DEVELOPMENT OF THE IDEOLOGICAL STRATEGY
OF THE CCP

Alexander V. Chebunin

Dr. Sci. (Philos.), A/Prof.,

East-Siberian State Institute of Culture

1 Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russia

chebunin1@mail.ru

Abstract. The article examines the historical and ideological development of the Chinese Communist Party from its founding to the present. It shows the process of the Sinification of Marxism-Leninism as the guiding ideology of the CPC through its logical development in the concepts of Mao Zedong's ideas, Deng Xiaoping's theory, Jiang Zemin's theory of three representations, Hu Jintao's scientific concept of development and Xi Jinping's idea of the socialism with Chinese characteristics of new era.

Keywords: CPC, PRC, Marxism-Leninism, ideology, ideas of Mao Zedong, Sinification of Marxism.

УДК 811.581.11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-66-70

**ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ И ИММАНЕНТНОЕ В ЯЗЫКЕ
(на примере китайского языкового знака 龍 *lóng*)**

© **Пляскина Екатерина Андреевна**

аспирант,

Забайкальский государственный университет

Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

katyushao1989@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию двух философских категорий — трансцендентного и имманентного применительно к языку. На примере китайского языкового знака 龍 *lóng* (дракон) показано, что основой формирования значений знака могут быть как трансцендентные, так и имманентные факторы. Предполагается, что существо, впоследствии обозначенное знаком 龍 *lóng*, первоначально представляло собой объект-медиатор, форму имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме.

Ключевые слова: трансцендентное, имманентное, языковой знак, китайский дракон, китайский язык.

Для цитирования

Пляскина Е. А. Трансцендентное и имманентное в языке (на примере китайского языкового знака 龍 *lóng*) // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 66–70.

Понятия *трансцендентное* — *имманентное* тесно взаимосвязаны и познаются только при сопоставлении друг с другом. Условно говоря, они соотносятся

между собой как внутреннее — внешнее. Философская категория трансцендентного уходит корнями в античную философию. Согласно И. Канту, трансцендентное (от лат. *transcendens* (*transcendentis*) — перешагивающий, выходящий за пределы) обозначает то, что выходит за пределы возможного опыта и недостижимо внешнему исследованию [6, с. 333]. Напротив, имманентное (от лат. *immanens* (*immanentis*) — пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) — это то, что атрибутивно предмету, внутренне присуще вещи или процессу, свойственно качеству, характеризует самость изнутри [6, с. 333].

Представляя собой особый лингвокультурный феномен, языковой знак в своем значении аккумулирует элементы трансцендентного и имманентного отдельно взятой лингвокультуры [5, с. 166]. В данной статье это будет рассмотрено на примере китайского языкового знака 龍 *lóng* (дракон). Данный знак относится к числу наиболее древних знаков, возникших на заре китайской цивилизации. Он встречается уже в ранних надписях цзягувэнь (XIV–XI вв. до н. э.). Именно поэтому с точки зрения трансцендентного содержания он представляет собой прекрасный материал для изучения.

Языковой знак возникает не одномоментно, он представляет собой результат процесса семиозиса, зачастую занимающего весьма длительный период времени. То, что сейчас воспринимается нами как цельная единица, в действительности представляет собой сложное образование, некоторые части которого являются неявными, а иные и вовсе не могут быть даже логически выведены. В этом случае мы сталкиваемся с трансцендентной стороной знака — теми его аспектами, которые недостижимы для непосредственного наблюдения. Отмечают, что трансцендентное — это та сумма потенциальных смыслов, которой может быть наделен объект [4, с. 39]. Одна из причин трудностей определения трансцендентного заключается в том, что оно, как правило, конвенционально, культурно обусловлено, а не выводится напрямую из свойств самого объекта (в отличие от имманентного). В то же время, конвенциональность не устанавливается произвольно. Так, отмечается, что любая конвенциональность, сколь бы специфична она ни была, может возникнуть исключительно на основе межсубъектной объективации тех или иных сторон феномена, выступающего предметом конвенции и закрепления смысла этой конвенции в стандартной, по крайней мере для данного культурного контекста, знаковой форме [4, с. 170].

Являясь порождением трансцендентного и имманентного отдельно рассматриваемой лингвокультуры, языковой знак отражает тот или иной культурный феномен. Именно трансцендентное начало нередко лежит в основе вторичных значений знака. Сумма потенциальных нереализованных семантических значений, имплицитно сокрытая в отчужденном объекте, мерцает как сфера трансцендентного [4, с. 39]. Проблема в том, что наблюдению доступны лишь те трансцендентные смыслы, которые уже стали имманентными (что логически следует из самих терминов). Часть же первоначальных смыслов либо утрачена, либо проявляется опосредованно, например, в виде коннотаций. Не случайно именно культурные коннотации очень часто не имеют явного обоснования с точки зрения не-носителей лингвокультуры. Выявление трансцендентного языкового знака не может ограничиваться лишь анализом собственно языковых средств, оно

требует более глубинного анализа, привлекающего данные истории, философии и других отраслей научного знания.

Пока знаковая форма служит онтологическим репрезентантом означаемого и синкретически слита с ним... его собственная онтология не осознаётся... Но стоит рефлексии добраться до самой онтологии знаковой формы и выявить её имманентную природу, как она начинает жить собственной жизнью, вне своих отношений с означаемым, связь с которым становится всё более и более условной. Так запускается бесконечный процесс продуцирования «знака знака», «образа образа» и т. д. В этом направлении семиозис действительно не имеет конца [4, с. 174–175]. Вышесказанное вполне и прежде всего можно отнести и к языку, поскольку в нем, как ни в чем ином, проявляется процесс «бесконечного», вторичного семиозиса. Языковой знак приобретает в речи не свойственные ему ранее смыслы, которые затем могут закрепиться в языке в качестве компонентов значения.

Проф. А. А. Маслов считает, что первоначально китайские лун (龍 *lóng*) были не драконами, а духами, либо медиумами (шаманами), которые впускали в себя этих духов, перевоплощаясь, таким образом, в них [3, с. 104]. Одновременно он не исключает возможности того, что за указанным образом скрывался амбивалентный человеко-дух или человеко-стихия [3, с. 98]. Известно, что шаман в древних культурах являлся посредником в отношениях между духами и людьми, медиатором между сакральным и профанным мирами [2, с. 18].

Возникшая функция (общение с духами) требовала образа деятеля. А поскольку данная функция была связана со сферой сакрального, трансцендентного, то и исполнитель ее должен был соответствовать. В качестве его образного воплощения и возникло существо лун (по мнению А. А. Маслова, воплощавшее в себе одновременно и шамана и духа, в которого он перевоплощался). Кроме того, лун считались проводниками в царство мертвых. Лишь позднее данный образ сменился зооморфным мифическим образом, известным нам как китайский дракон.

Лун в данном случае выступил в качестве объекта-медиатора, то есть «искусственного феномена, являющегося формой имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме» [4, с. 173]. Не будучи равным самому себе, объект-медиатор выполняет знаковую функцию.

Языковой же знак 龍 *lóng* в данном случае представляет собой то, что по выражению А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, является «знаком знака» [4, с. 174–175]. Иными словами, 龍 *lóng* выступает в качестве знака культурного образа, в свою очередь выполняющего знаковую функцию.

По мнению А. А. Маслова, именно посредническая функция проводника в царство духов и мертвых является причиной того, что в дальнейшем дракон (как «наследник» лун) стал символом китайского императора — посредника между Небом и Землей [3, с. 200]. Данное значение реализовано в выражениях «真龙天子 *zhēn lóng tiān zǐ* ‘истинный дракон — сын неба’», «金龙 *jīnlóng* ‘золотой дракон’» [1], описывающих императора.

Возможно, что способность перевоплощенного в лун шамана «договариваться» с духами лежит также и в основе такой приписываемой китайскому дракону функции, как управление стихиями. Так, согласно народным верованиям, дракон-божество мог создавать тучи, дождь, гром и ветер, управлять реками,

вследствие чего жизнь народа напрямую зависела от его благосклонности. В данном смысле знак 龙 *lóng* используется в сехоуэй (недоговорке-иносказании) 龙王爷过江一风大雨大 *lóngwángyé guò jiāng fēng dà yǔ dà* 'Царь драконов (Лун-ван) переходит реку — сильный ветер, сильный дождь' [7]. Общее значение фразеологизма *беда; смута; беспорядки* позволяет судить об отношении древних китайцев к номинируемому лексемой 龙王爷 *lóngwángyé* денотату — всемогущему дракону-божеству, внушающему трепет.

У 龙 *lóng* есть и значения, имеющие имманентную основу. Например, значение *крупное древнее пресмыкающееся* вероятнее основано на внешнем сходстве (мифическое пресмыкающееся — реальное пресмыкающееся). В названиях большинства древних рептилий присутствует иероглиф 龙 *lóng*: 恐龙 *kǒnglóng* *динозавр* (букв. 'страшный дракон'); 鱼龙 *yúlóng* *ихтиозавр* (букв. 'рыба-дракон'); 飞龙 *fēilóng* *птерозавр* (букв. 'летающий дракон').

Таким образом, трансцендентное реализуется в имманентном: действия сил природы, смерть — для всего того, что люди не могли объяснить, они создавали более или менее понятные для них образы. Впоследствии данные образы подвергались дальнейшей трансформации, в результате которых уходили все дальше от исходного, однако продолжали испытывать на себе его влияние. Языковой знак, вербализующий соответствующий культурный образ, явно или неявно несет в своем содержании определенные элементы исходного образа.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info> (дата обращения: 18.09.2021).
2. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: монография. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
3. Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. Москва: Алетейа: Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. 480 с.
4. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. Москва: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
5. Пляскина Е. А. Значение и смысл языкового знака «дракон» китайской лингвокультуры // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2020. Том 6(72). № 4. С. 165–181.
6. Современный философский словарь / под общей редакцией В. Е. Кемерово. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: Панпринт, 1998. 1064 с.
7. Чжиши Бэйкэ 知识贝壳 [Раковина познания]. URL: <https://www.zsbeike.com/hy/22201631.html> (дата обращения: 17.09.2021).

TRANSCENDENTAL AND IMMANENT IN A LANGUAGE (by the example of Chinese lingual sign 龙 *lóng*)

Ekaterina A. Plyaskina
Postgraduate student,
Transbaikal State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russia
katyushao1989@mail.ru

Abstract. The article is devoted to two philosophical categories — transcendental and immanent as applied to a language. It is demonstrated with the example of Chinese lingual sign 龍 *lóng* (dragon) that both transcendental and immanent factors can be basis for shaping of meaning. It is assumed that a creature later designated by the sign 龍 *lóng* was initially an object-mediator, a form of immanentization of sequencing transcendental principles in objective form.

Keywords: transcendental, immanent, lingual sign, Chinese dragon, Chinese language.

УДК 94:339(510)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-70-79

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ ЧАЕМ В КИТАЕ

© Ван Юй

аспирант,

Казанский федеральный университет

Россия, 420008, г. Казань, ул. Пушкина 1/55

wangyuiki@mail.ru

Аннотация. В данной статье описана история становления и развития чайной торговли в Древнем и Средневековом Китае. Автор последовательно рассматривает чай как сельскохозяйственную культуру, как элемент товарно-денежных отношений, важный источник пополнения государственного бюджета и часть финансовой системы страны, а также как инструмент внешнеполитического давления на сопредельные кочевые народы. На протяжении всей истории Китая чай играл важную роль в культурной и хозяйственной жизни страны. Так, в Древнем Китае чай использовался в основном как подношение императору и способ поощрения императором высшей знати, а во времена династии Тан, после постройки Великого канала, от чайной торговли уже напрямую зависело экономическое благосостояние империи и ее внешнеполитическая стабильность, так как чай был меновым товаром для пополнения армии лошадьми, а зависимость кочевников от потребления чая превратилась в инструмент контроля над кочевниками императорским правительством.

Ключевые слова: чайная торговля, меновая торговля, история чая, китайский чай, династия Тан.

Для цитирования

Ван Юй. История становления и развития торговли чаем в Китае // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 70–79.

История взаимоотношений разных культур может строиться на основании противостояния и сотрудничества. Обычно в исторической науке большее внимание уделяется истории войн, а история взаимодействия, сотрудничества, кооперации часто остается за скобками. Нами кажется важным и интересным восполнить этот пробел в историческом знании и на примере рассмотрения истории становления и развития чайной торговли в Китае проследить те формы мирного

взаимодействия между государствами и культурами, которые способствовали взаимной выгоде народов.

Одним из ярких примеров невоенного взаимодействия между странами является чайная торговля Китая до периода династии Цин, когда чай из мирного товара превратился в предмет сначала торговой, а потом и настоящей войны.

Мы хотим в данной работе проследить историю становления чая как промышленного товара и выявить ту роль, которую чай играл как продукт торговли для Древнего и Средневекового Китая.

Так, основной целью данной работы является анализ истоков становления и развития чая как товара в истории Китая до династий Мин и Цин (до XIV века).

Для этого мы последовательно опишем несколько основных периодов становления чайной торговли и выявим их существенные характеристики, а именно дадим пояснения относительно роли чая как промышленного продукта и товара в истории Китая.

Появление чая как напитка и сельскохозяйственной культуры

Чай, как растение семейства Камелий (лат. Theaceae) произрастает в юго-западной части Китая, на плато Юньнань и Гуйчжоу примерно с 2 тыс. до н. э. Первыми его начали собирать этнические меньшинства — представители народности дай (дайцы 傣族), живущие в данном регионе [15, с. 13].

Чай изначально использовался как лекарственное средство, так как уже в древности были известны его детоксикационные и антиоксидантные свойства. Древний справочник китайских растений (本草经) «Бэнь цао цзин» (досл. Канон растений и корней), авторство которого приписывают первооткрывателю чая древнему императору Шэнь Нуну (神农), описывает открытие чая как своего рода притчу о том, что Шэнь Нун, в классической китайской мифологии — один из Трех небесных властителей Поднебесной, путешествуя по стране, пробовал различные виды трав, семьдесят два из которых оказались ядовитыми, в результате чего Шэнь Нун отравился, а в качестве противоядия он использовал чай» (*перевод наш*) [19]. Несмотря на некоторую «притчевость» истории открытия лечебных свойств чая, доподлинно известно, что трактат «Бэнь цао цзин» был написан не позднее времени правления династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 24 г. н. э.) [8, с. 15]. Таким образом, если даже не принимать во внимание полумифическое происхождение представлений о чае, то мы можем судить, что по крайней мере в I веке до н. э. было признано, что чай обладает антиоксидантными свойствами и может использоваться в качестве лекарства.

Первые письменные упоминания об искусственно выращенных чайных деревьях касаются описания чайных плантаций в районе горы Мэншань во времена династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 8 г.). В своей книге «Всеобщая история чайной индустрии» Чен Лунь полагал, что Мэншань был «самым ранним местом, где чайные деревья были посажены человеком, о чем есть подтверждение в письменных источниках» (*перевод наш*) [12, с. 56].

Трудно найти источники, которые бы подтверждали истинное происхождение культуры потребления чая, однако если обратиться к записям Восточной Династии Цзинь (317–420 гг.) «Хроники Хуаян» («华阳国志·巴志»), сделанных древнекитайским историком Сань Цюем, то мы наталкиваемся на два отрывка с упоминаниями о чае: «Дань чаю» и «Сад имеет ароматный чай» [22].

В настоящее время во многом именно на основе этой исторической хроники описываются истоки чайной культуры, в частности, согласно Хроникам Хуаян, история чая прослеживается от династии Чжоу: «Чжоу У-Ван привел Чжоу Цзюня и князей, которые уничтожили государство Инь Шан, а затем одному из родственников выделили земельное владение в уезде Ба, обширной территории к югу от города Циньлин в провинции Шэньси, рядом с провинцией Сычуань» [7, с. 5]. Правитель Ба, как вассальный подданный, должен был сделать подношения Чжоу У-вану, список которых можно найти в «Хронике Хуаян»: «五谷六畜、桑蚕麻纆、鱼盐铜铁、丹漆茶蜜、灵龟巨犀、山鸡白雉、黄润鲜粉» (Пять основных продовольственных культур и домашних животных, шелковичные черви и грубая пеньковая ткань, рыба и соль, медь, железо, красный лак, чай и мёд, панцири черепах и носорожьих рога для гаданий, белый фазан, тонкое полотно, краски) *(перевод наш)* [20, с. 48].

Интерпретируя указанную в источнике информацию, мы можем судить о том, что еще в 1066 г. до н. э. Чжоу У-ван, возглавлявший восемь небольших княжеств на юге Китая, контролировал царства Ба и Шу (сейчас часть провинции Юньнань и Гуйчжоу), которые являлись районами производства чая, который использовался в качестве «дани» [20, с. 50].

Зеленый чай, считающийся наиболее традиционным китайским чаем, происходит из местности вблизи горы Мэншань провинции Сычуань. Зеленый чай издревле называли «чай для подношений» (贡茶), так как он использовался как дань уважения императорскому двору в древние времена. Этот чай использовался исключительно императорским двором, и являлся символом сохранения власти монарха над административными единицами в феодальном обществе, а также неотъемлемой частью придворного церемониала.

Из-за своего высокого статуса придворной дани зеленый чай в древние времена получил стремительное распространение как продукт производства. Исследователи указывают, что во времена династий Цинь (221–207 гг. до н. э.) и Хань (202 до н. э. — 220 год н. э.) чай уже стал популярным напитком [2, с. 12].

Площадь чайных плантаций со временем увеличивалась, и чай как сельскохозяйственная культура в Китае начал распространяться вдоль среднего и нижнего течения реки Янцзы. В «Хрониках монашеских общин-сангхар Лояна» (буддийская историческая хроника, автор Ян Сюаньчжи) [23] есть записи о традиции чаепития на юге Поднебесной, где указывается, что уже в то время на территориях, расположенных у среднего и нижнего течения реки Янцзы, выращивали чай [6, с. 26]. А во времена династий Западная и Восточная Цзинь (265–420 гг.), в период Южных и Северных династий (420–589 гг.) выращивание чая распространилось в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, а также в прибрежных районах на юго-востоке Китая [6, с. 28].

Согласно археологическим раскопкам в гробнице императора Цзин из династии Хань было обнаружено большое количество высококачественных бутонов чайных листьев [16]. По обнаруженным археологическим данным было выявлено, что технология очистки высококачественного чая в то время достигла довольно высокого уровня. Это археологическое открытие также доказало, что чай как товар на Шелковом пути был так же важен, как и непосредственно шелк.

Становление чая как элемента товарных отношений

Рынок чая появился во времена династии Западная Хань (9–220 гг. н.э.). Существует исторический документ в виде контрактного договора под названием «Слуга», который был заключен хозяином со своим слугой. Этот контракт, известный под наименованием «Ву Ян покупает чай» [8, с. 6] свидетельствует о важном коммерческом аспекте процесса производства чая. Следовательно, к этому моменту торговля чаем уже зародилась и получила определенное развитие. В Западной Хань чай уже стал тем продуктом, который сформировал свой рынок потребления и сбыта. Однако в то время потребление чая еще не было популяризировано среди всех слоев населения, и поэтому чай все еще считался в определенной степени «драгоценностью».

В III–VI веках производство чая постепенно увеличивалось, и чайные плантации в южной части провинции Шэньси, в бассейне реки Хуайхэ, а также в среднем и нижнем течении реки Янцзы уже стали повсеместным явлением.

Развитие чайной культуры в основном связано с двумя основными тенденциями:

1) Распространение буддизма. Сидячая медитация — важная практика в буддизме, которой всегда сопутствует чаепитие.

2) Признание и популяризация изящной литературы. Представители литературного жанра фу, Сыма Сянжу и Ян Сюн, считаются самыми ранними ценителями чая среди знаменитых литераторов. В своих работах они касались вопросов лекарственных свойств чая, рассматривали чай с точки зрения культурной ценности [2, с. 62; 8, с. 17].

Первая в полной мере научная книга, предметом исследования которой являлся только чай, появилась во времена династии Тан (618–907 гг.). Она была написана ученым, придворным поэтом и философом Лу Юем. В его работе «Чайный канон» всесторонне и научно классифицированы сорта чая, освещены вопросы выращивания и производства чая. Книга Лу Юя также включает в себя информацию о чайной церемонии с точки зрения механики ее проведения и культурной ценности. Лу Юй указывал, что в Китае есть 43 чайных уезда, которые можно объединить в 8 основных районов по производству чая. Это территориальное деление основывается на его личном исследовании регионов, производящих чай, практическом опыте и знании природных и географических условий.

Расцвет чайной торговли и превращение чая в элемент финансовой системы государства

До времени династии Тан основная экономическая база Китая находилась на севере, экономическое и культурное развитие юга отставали от севера, но эта ситуация постепенно изменилась после постройки «великий канал» (VI век), который во многом способствовал экономическому обмену между северными и южными регионами. Наиболее важным предметом торговли, транспортируемым по каналу был чай [1, с. 43; 3; 14, с. 23].

Династии Суй и Тан (VI–X вв.) были периодом расцвета феодальной империи Китая, и тем временем, когда производство и торговля чаем достигли высшей точки своего развития. Великий канал с центральной точкой в городе Лоян начинался от Пекина на севере, заканчивался в Ханчжоу на юге и соединял внутренние реки Китая (Хайхэ, Хуанхэ, Хуай, Янцзы и Чжухэ). Открытие Великого

канала дало еще больший толчок развитию водного транспорта, что позволило охватить торговыми связями все регионы страны.

Что касается чая, то в районе Цзянхуай, который стал центром водной торговли по Великому каналу, стали собираться торговцы чаем со всех частей Поднебесной. Постоянно растущий рыночный спрос стимулировал производство чая, способствовал инновациям в технологии выращивания и приготовления чая, а также совершенствованию производства и повышению качества чая. Качественный и высокодоходный чай привлекал все большее внимание торговцев того времени. В особенности эти процессы были характерны для южных регионов страны, где природные условия лучше подходят для выращивания и производства чая.

По вышеупомянутым причинам к середине правления династии Тан мода на чаепитие распространилась по территории всей страны. Также стоит отметить, что увлечение чаем среди буддистских монахов, известных литераторов и высших чиновников привело к тому, что и обычные люди постепенно стали обращать свое внимание на чай, а развитие чайной индустрии лишь обеспечило материальную основу для формирования обычаев китайского чаепития.

При этом в северных регионах Китая популяризация чая шла чуть медленнее. На севере традиционно проживали кочевые районы, и большим спросом пользовались мясные и сырные продукты, и для развития культуры чаепития были нужны соответствующие катализаторы. Эта проблема была решена во времена династии Тан после открытия Великого канала, когда появился более доступный способ транспортировки большого объема чая с юга на север. Не исключено, что торговцы могли путешествовать на север и по суше, однако во времена династии Тан, когда водная транспортировка насыпных грузов стала основным видом транспорта, канал был, несомненно, лучшим способом для транспортировки такого продукта как чай. Великий канал способствовал большему общению между севером и югом Поднебесной, контакты между которыми более частыми.

В середине правления династии Тан чай стал по-настоящему важным элементом экономического развития страны. После восстания Ань Лушаня (755–763 гг.) престиж императора династии Тан упал, и различные регионы были разделены, в Китае начался очередной период междоусобных войн и феодальной раздробленности. Поскольку имперская казна использовалась для борьбы с сепаратистами, возникла нехватка финансов. Для покрытия дефицита бюджета империи Тан Дэцзун начал взимать налог с чая, размер которого составлял одну десятую от стоимости проданного чая. Такая налоговая политика проводилась в течение двух лет, и финансовое положение государства улучшилось. С тех пор взимание налога на чай стало эффективным способом пополнения казны государства [11, с. 67; 12, с. 88].

Монетизация рынка чая была продолжена, и в 929 г. император Вэнь-цзун создал специальный государственный рынок чая, где должны были происходить все чайные сделки. Так, была создана государственная монополия на покупку и продажу чая и была решена проблема ценообразования. Специальный чайный налог (茶權), введенный императором Вэнь-цзуном, сделал торговлю чаем государственной монополией. Этот указ оказал большое влияние на дальнейшее раз-

витие чайной торговли и всю экономическую систему империи. Чайный налог взимался вплоть до Тайпин Тяньго (1850–1865 гг.), а чай являлся важным источником дохода страны.

Внешняя торговля чаем

В целях совершенствования системы управления приграничными территориями и содействия местному экономическому развитию на северо-западе были созданы контрольно-пропускные пункты, где осуществлялась приграничная торговля чаем и лошадьми с представителями этнических меньшинств. Самая ранняя «биржа» для торговли чаем и лошадьми была сформирована во времена династии Тан, а основным направлением торговли были страны и народы Центральной Азии [5; 10]

Основными пунктами для внешней торговли на юго-восточном побережье были порты Гуанчжоу, Цюаньчжоу и Минчжоу (сейчас город Нинбо). Для управления морской внешней торговлей и сбора пошлин императорский двор в 714 г. назначил городского посланника в Гуанчжоу. Согласно историческим хроникам первыми торговцами, пришедшими на этот рынок, были арабы, и чай, помимо Средней Азии, распространился на Ближний Восток. В VII и VIII вв. чай распространился в Корею и Японию [12, с. 80].

С момента начала правления династии Сун (960–1279 гг.) сельскохозяйственное производство достигло беспрецедентного развития, что отразилось в резком увеличении рабочей силы, расширении посевных площадей, увеличении продукции на единицу площади и развитии специализированных крестьянских хозяйств, появлении различных форм хозяйствования на чайных плантациях.

В документе «Протокол испытаний чая» («东溪试茶录»), написанном во времена династии Сун, были выдвинуты методы научной классификации и предложены стандарты для описания и оценки чайных растений провинции Фуцзянь. В этом регионе начали высаживать чайные сады, состоявшие из разных сортов чайных кустов и деревьев. Запись об этом есть в работе «Географические заметки эпоха тайпин» («太平寰宇记»), описывающей разные регионы произрастания чая [18].

Данные этой работы также, как и другие статистические свидетельства династии Сун показывают, что чаепроизводящими в то время считалось 66 округов и 242 района, а центр чайного производства и чайная торговля сместился на юго-восток. Отметим, что во времена династии Сун не только производство чая, но и качество производимой чайной продукции намного превосходило производство чая во времена династии Тан. Стали появляться высококачественные сорта, которые приобретали все большую популярность среди приближенных императора, высших чиновников и богатых торговцев.

Все это привело к тому, что во времена династии Сун чайный рынок стал более стабильным, увеличились объемы продажи чая, а сама торговля стала более структурированной и стандартизированной. Национальный рынок чая был разделен на несколько частей в соответствии с регионами произрастания и производства чая: северный рынок сбыта был сосредоточен в Бяньцзине (сейчас город Кайфын, производственные и сбытовые рынки в провинциях Сычуань и Шэньси были направлены на торговлю с этническими меньшинствами на юго-

западе Китая; рынки сбыта были также на северо-западе, они в основном были направлены на внешнюю торговлю с кочевниками.

Поскольку в ходе процесса долгой транспортировки чая от мест производства к рынкам сбыта сформировались стабильные маршруты в различных регионах страны, в местах пересечения торговых маршрутов создавались так называемые «биржевые рынки чая и лошадей» (茶马互市) (рынок обмена чаем и лошадьми).

В частности, исторические хроники свидетельствуют о том, что «в июле 1007 г. по просьбе Чжао Дэмина из уезда Сися, император Сун Тин одобрил создание биржи для военных закупок в уезде Чжидань (сейчас городской округ Яньань провинции Шэньси)». То же самое повторилось 1046 г. в уезде Чжэньжун (сейчас городской округ Гуюань, Нинся), когда император Гао Пинчжай создал специальную биржу для военных закупок [4; 9; 17].

На наш взгляд, существует несколько причин быстрого развития «биржевых» рынков для торговли чаем и лошадьми во времена династии Сун. Прежде всего это популяризация чая среди этнических меньшинств, которые после сотен лет распространения чая во времена династии Тан, осознали, что чай улучшает процессы пищеварения и снимает усталость.

Важное значение также оказал спрос на шелк, обусловленный торговлей шелком и лошадьми в приграничных районах Китая, что привело к развитию текстильной промышленности. Для повышения выгодности торговли правители династии Сун очень охотно использовали чай вместо шелка для приграничной торговли с этническими меньшинствами. Это связано с тем, что перепродажа чая приносила довольно высокую прибыль, что представлялось довольно привлекательным как для государства, так и частных торговцев.

Высокие прибыли неизбежно приводили к контрабандной торговле. Для регулирования меновых рынков чая и лошадей во времена династии Сун были введены более строгие правила, в частности для контроля и надзора династия Сун учредила специальную организацию — Коллегию по торговле чаем и лошадьми (茶马司), за работу которой отвечали специальные чиновники [13, с. 132; 21].

Как известно, лошади в то время были важным средством ведения боевых действий. В этой связи династия Сун была вынуждена принять меры по расширению торговли с этническими меньшинствами, которые могли предоставить на продажу лошадей, необходимых для ведения войн. Рынок обмена чаем и лошадьми особенно развивался в те периоды, когда династия Сун использовала военные методы для реализации своей внешней и внутренней политики.

Распространение чайной культуры в страны и регионы, приграничные с Китаем, во многом решало определенные трудности с питанием кочевых народов, которые переняли обычай пить чай в повседневной жизни.

Таким образом, зависимость кочевников на севере от чая возрастает, и потребность в чае у них становится даже выше, чем в самой Поднебесной. Так, чай становится своего рода оружием воздействия, которое династия Сун использовала для преодоления кризисов и контроля над кочевниками на северной границе.

Заключение

Так, историю становления и развития чайной торговли в Древнем и Средневековом Китае можно условно разделить на два этапа: период ранней истории

чая в Китае, золотой период торговли во времена династий Тан и Сун. Каждый из этих периодов развития чайной торговли отражает постепенное развитие всей страны, ее экономического уклада и социального строя. Появившись как напиток в древности, китайский чай эволюционировал от статуса лекарственного средства в один из главных товаров на внутреннем и приграничном рынке, стал средством внешнеполитического давления и важным финансовым инструментом.

Ранний период (III в. до н. э. — VI в.) развития чайной промышленности характеризуется «элитарностью» чайного производства, когда чая являлся напитком императорского двора, средством поощрения высшей знати и «данью» императору. В этот период чай был исследован как целебный напиток, кроме того, сформировалась культура традиционного чаепития, основанная на основных духовных направлениях культуры Китая: конфуцианстве и даосизме. С экономической точки зрения чай в это время был продуктом «штучного производства», который был недоступен для продажи или обмена среди широких слоев населения.

Второй период (VI–VIII вв.) считается золотым временем чайной торговли. Увеличение чайных хозяйств и регионов производства чая привели к популяризации чая как напитка среди более широких слоев населения. Чай становится важным товаром на внутреннем рынке. Кроме того, императорский двор осознает важное значение чая как товара для меновой торговли с сопредельными государствами и регионами. Создавая специальные государственные административные органы по управлению чайной торговлей, правители Китая оказывали политическое влияние на соседние кочевые племена, пополняли казну и снабжали армию лошадьми. Чайная торговля этого времени характеризуется созданием государственной монополии и постепенным формированием частного сектора чайных торговцев.

Таким образом, на протяжении всей истории Китая, чай играл важную роль в культурной и хозяйственной жизни страны, а в отдельные периоды истории от чайной торговли напрямую зависело экономическое благосостояние империи и ее внешнеполитическая стабильность.

Литература

1. Бай Миндун. Анализ торговой этики шаньсиских купцов Чан (Цзиньшан Чанцзя шаньелунли чутань) // Магистерская диссертация. Тайюань: университет Шаньси, 2007. 43 с.
2. Ван Сюйфэн. История чая и человека / В. Сюйфэн // пер. с кит. Т. К. Карповой. Москва: Шанс, 2017. 3-е изд., испр. и доп. С. 9–15.
3. Ван Лин. Китайское искусство чаепития / Ван Лин — «Центрполиграф» // пер. с кит. Л. А. Калашникова. Москва: Культурология, 2011. 62 с.
4. Вероника Югай. Чайный портал «Всё о чае» // История чая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tea-terra.ru/2015/06/06/21750/> (дата обращения: 16.03.2021).
5. Династия Тан: Торговля чаем и лошадьми на границе с Китаем // Вэй Минконг. [唐代: 初创边疆茶马贸易]. URL: http://news.ifeng.com/history/special/chaye/200912/1217_8989_1478198_3.shtml (дата обращения: 27.03.2021).
6. Ли Дань. чайная культура. Хух-Хото: Изд-во «Народное Внутренней Монголии», 2005. С. 26–30 [李丹, 茶文化, 内蒙古人民出版社, 2005. 26–30 页].
7. Лю Мяо. Исследования чайной экономики при династии Мин. Шаньтоу: Шаньтоу Дасяо чубаньшэ, 1997. 76 с. [刘淼, 明代茶业经济研究, 汕头大学出版社, 1997. 76 页].
8. Лю Сяофэн. Тысячелетняя чайная культура. Пекин: Изд-во Университета Цинхуа, 2013. 15 с. [刘晓芬, 千年茶文化, 清华大学出版社, 2013. 15 页].

9. Лю Чжень Лян. Чайный портал «Все о чае» // Китайский чай. Возникновение и развитие чайной культуры в Китае. URL: <https://www.tea-terra.ru/2014/08/04/17646/> (дата обращения: 08.04.2021).
10. Тан Мин. Самое раннее слово в истории о чае // Тан Мин [唐铭, 史上最早的茶字]. URL: http://www.xinhuanet.com/food/2017-06/30/c_1121243422.htm (дата обращения: 16.12.2020).
11. Хуан Чжунсянь. Исследования древней китайской чайной культуры. Пекин: Кэ сюэ чубаньшэ, 2010. 67 с. [黄仲先, 中国古代茶文化研究, 科学出版社, 2010. 67 页].
12. Чэнь Лун. Всеобщая история чайной индустрии. Пекин: Изд-во Чжун Го Нонг Йе чубаньшэ, 2008. С. 56–88. [陈稼, 茶业通史, 中国农业出版社, 2008. 56–88 页].
13. Чэнь Цзунмао. Китайский чайный канон. Шанхай: Шан хай вэнь хуа чубаньшэ, 2011. 132 с. [陈宗懋, 中国茶经, 上海文化出版社, 2011. 132 页].
14. Чжу Чжунхай. Иллюстрированный Чайный канон: тысячелетний процесс развития китайской чайной культуры и современные чайные события. Цзилинь ке сюэ цзи шу чубаньшэ, 2019. 23 с. [朱仲海, 图解茶经: 中国茶文化的千年进程和当代茶事, 吉林科学技术出版社, 2019. 23 页].
15. Эйвери М. Чайный путь: Китай и Россия встречаются через степь // пер. с англ. А. Гилевича. Пекин: Международное издательство Китая, 2007. 13 с.
16. Life during the Han Dynasty: Tea, Snails, Seven-story mansions and same-sex love. [Электронный ресурс]. URL: <https://factsanddetails.com/china/cat2/sub2/entry-5424.html> (дата обращения: 25.04.2021).
- Источники*
17. Донг Хэн. Сонгхуэй Драфт. Том 138. https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=81090&by_title=%E5%AE%8B%E4%BC%9A%E8%A6%81%E8%BE%91%E7%A8%BF&remap=gb: 18.04.2021 г.) [凍恆, 宋会要辑稿, 第一百三十八卷].
18. Лэ ши. Географические заметки эпоха тайпин. Том 35 // Лэ ши — Шанхай: Шанхай гу цзи чубаньшэ, 1987 [樂史, 太平寰宇記, 上海古籍出版社, 1987].
19. Примечания различных комментаторов к фармакопее Шэнь-нуна // Тао Хунцин. https://books.google.ru/books?id=K0clBgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=editions:K52Nqi1fwc4C&hl=zh-CN&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 27.12.2020) [本草經集注].
20. Сань Цюй. Хроники Хуаян. Том 1 // Сань Цюй. Хроники Хуаян — Пекин: Ци лу шушэ, 2010. 48 с. [常璩, 华阳国志, 第一卷].
21. Токто. история династии сун (Сун Ши). Том 183 // Токто— Шанхай: Шанхай гу цзи чубаньшэ, 1987 [托克托, 宋史, 上海古籍出版社, 第一百八十三卷 1987].
22. Чжан Цзиньшэн. Географическое описание Сычуань (Сычуань тунчжи). Том 40. https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=6696&by_title=%E5%9B%9B%E5%9D%E9%80%9A%E5%BF%97&remap=gb (дата обращения: 12.01.2021) [張晉生, 四川通志, 第四十卷].
23. Ян Сюаньчжи, Записок о монастырях Лояна // Ян Сюаньчжи — Пекин: Чжун хуа шу цзюй, 2020. 85 с. [杨銜之, 洛阳伽蓝记, 中华书局, 2020. 85 页].

CHINESE TEA TRADE HISTORY FORMATION AND DEVELOPMENT

Wang Yu
Postgraduate student,
Kazan Federal University
1/55 Pushkina St., Kazan 420008, Russia
wangyuiki@mail.ru

Abstract. This article describes the history of the formation and development of the tea trade in Ancient and Medieval China. The author consistently considers the tea as an agricultural crop, an element of barter trade, an important source of replenishment of the state

budget and a part of the country's financial system, as well as an instrument of foreign policy pressure on neighboring nomadic peoples. Throughout in the history of China which was the tea played an important role in the cultural and economic life of the country, Therefore in the ancient China, the tea was used mainly as offering to the emperor and a way to encouraged the highest nobility by the emperor, simultaneously during the Tang dynasty, when after the construction of the Great Canal, the economic well-being of the empire and its foreign policy stability directly depended on the tea trade, since the Chinese tea was an exchange commodity for replenishing the army with horses, and the dependence of nomads on the consumption of tea turned into the instrument of control over nomads by the imperial government.

Keywords: tea trade, barter trade, history of tea, Chinese tea, Tang dynasty.

УДК 94(510).09

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-79-87

ВСЕОБЩИЕ ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО БУДДИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ И ЯПОНИИ

© Лепнева Мария Леонидовна

аспирант,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

marystoryteller@mail.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения в данной статье является ход составления всеобщих историй (кит. *тунши*, яп. *цу:си* 通史) китайского буддизма в Китае и Японии в современную эпоху. Как показало исследование, японская наука на протяжении значительной части XX в. играла лидирующую роль в познании общей картины истории буддизма в Китае. Академические круги сначала на Тайване, а потом на материке осуществили перевод ряда японских трудов на китайский язык. С 1980-х гг. начался подъём собственных исследований в Китае, а в XXI в. вышло несколько многотомных всеобщих историй китайского буддизма.

Ключевые слова: Китай, Япония, Тайвань, буддизм, всеобщая история.

Для цитирования

Лепнева М. Л. Всеобщие истории китайского буддизма в современном Китае и Японии // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 79–87.

Введение

На фоне непрерывного развития китайско-российских отношений становится всё более глубоким стремление россиян познакомиться с духовной культурой Китая. В этих условиях изучение эволюции китайского буддизма является актуальной задачей исторической науки. Значительный материал, накопленный китайской и японской наукой в этом направлении, может стать мощным трамплином для подобных исследований.

В этой связи заслуживают особого внимания так называемые всеобщие истории (кит. *тунши*, яп. *цу:си* 通史), которые в отличие от исторических трудов, ограниченных хронологически или регионально, претендуют на освещение развития китайского буддизма на протяжении всего периода его существования на всей территории Китая. Их ценность определяется не только тем, что они предоставляют в распоряжение исследователя большой массив распределённой по эпохам и тематике информации, но и отражают комплексный взгляд своих составителей на историю китайского буддизма, производя ее периодизацию и выделения наиболее существенные исследовательские проблемы.

На протяжении XX в. среди как китайских, так и японских ученых активно шла работа по составлению всеобщих историй китайского буддизма, многие из которых приобрели статус классических трудов. Некоторые из них перечислены в вышедшем в 2002 г. под редакцией китайского философа и религиоведа, директора Национальной библиотеки Китая Жэнь Цзюня (1916–2009) справочнике «Академический канон Китая XX в.: Религиоведение» [32]. Основные китайские, японские и западные труды также упомянуты в обзоре буддолога из Института исследования мировых религий Академии общественных наук Китая Цзи Хуачуаня (1970 г. р.), посвящённом исследованию китайского буддизма в эпоху Цин [26]. Замечательная обзорная статья Камата Сигэо (1927–2001) по исследованию истории китайского буддизма в Японии была опубликована на китайском языке в 2000 г. [5]. Ещё более широкий круг соответствующих работ доступен через систему поиска в буддологическом каталоге Национального университета Тайваня [23].

Исследования истории китайского буддизма в Японии

Наиболее ранней работой, которая называлась «История буддизма Китая» и которая представляла собой всеобщую историю, стала монография Ёсинага Сатоми, изданная в 1906 г. [33]. На второй год после выхода этой книги была выпущена внушительная всеобщая история Сакаино Ко:ё: [40], начинавшаяся с 1-й главы «Период распространения буддизма на восток» и завершавшаяся 15-й главой «Буддизм при Сун и далее». Затем появились сборники статей, соответственно, буддолога, специалиста по китайскому языку и истории Китая Яманоти Синкё (1866–1945) [46] и специалиста по буддизму эпохи Сун Такао Гикэна (1888–1972) [41], посвящённых различным вопросам и эпохам в истории буддизма Китая.

В 1923 г. была опубликована работа Ито Гикена «Официальная история буддизма Китая» [34], в которой в качестве исторических источников использовались не только буддийские тексты, но и официальные истории. Вышел лишь первый том книги, состоявший из Раздела 1 «Период перевода канонов» (Поздняя Хань, Троецарствие, Западная Цзинь) и Раздела 2 «Эпоха исследования буддизма» (Восточная Цзинь, Южные и Северные династии) и завершавшийся с концом Южных и Северных династий.

Доктор Токива Дайдзё:, который лично посещал буддийские места и монастыри в различных регионах Китая, хотя и не оставил крупных трудов по истории буддизма Китая, но его статья 1938 г. «Общий обзор истории буддизма Китая» [42], несмотря на небольшой объём, прояснила периодизацию истории буддизма Китая. В 1936 г. была опубликована книга монаха школы Цаодун, ис-

следователя индийской философии, буддолога Уи Хакудзю (1882–1963) «История буддизма Китая» [43]. Позже она была переведена на китайский язык (см. ниже).

Исследованием, которое фокусировалось на истории буддийского сообщества и истории культуры, стала монография монаха школы Чистая земля, буддолога Митибата Рёсю: (1903–?) [39]. В своей обзорной статье Камата Сигэо следующим образом характеризует эту работу: «Эта книга, которая смогла в полной мере отойти от традиционной постановки доктрины в центр внимания и заслужила очень высокую оценку. Именно по этой причине данная книга до сих пор пользуется популярностью в качестве вводного курса истории буддизма Китая» [5, с. 27]. Изучению истории буддизма Восточной Азии была посвящена книга Канаямы Сёко [37]. Позже она была переведена на китайский язык (см. ниже).

Корифей изучения истории буддизма Китая, монах школы Чистая земля Цукамото Дзэнрю: (1898–1980) в 1967 г. опубликовал свою «Всеобщую историю буддизма Китая» [44]. Годом позже появилась вышедшая в качестве учебника работа буддолога, специалиста по периодам Ляо, Цзинь и Юань Ногами Сюндзё: (1907–1994) «Общий обзор истории буддизма — Раздел о Китае» [15]. Позже она была переведена на китайский язык в 1972 и 1978 гг.

Новый всплеск в изучении всеобщей истории буддизма Китая в Японии произошёл в 1980-х гг. В 1978 г. вышла монография вышеупомянутого Каматы Сигэо «История буддизма Китая» [35], стремившегося преодолеть крен как в сторону истории доктрины, так и в сторону истории буддийского сообщества и сделать упор на освещение отношений политики и буддизма, общества и буддизма [5, с. 27]. В 1987 г. она была переведена на китайский язык (см. ниже). В 1982–1999 гг. была осуществлена публикация его более масштабной работы по истории буддизма Китая (было опубликовано 6 из 8 томов) [36]. В том числе пять томов переведено на китайский язык в 1985–2005 гг. (см. ниже). В 1982 г. появилась книга по социальной истории китайского буддизма историка Китая, почётного профессора Киотского университета Чикусы Масаки (1930–2015) [45]. В 1980-х гг. вышел трёхтомник исследователя истории китайского буддизма Макита Тайрё: (1912–2011) [38]. Его работа появилась в переводе на китайский язык в 1988 г. (см. ниже).

Исследование истории китайского буддизма в Китае до образования КНР

Вышеупомянутая монография Сакаино Коё: легла в основу «Истории буддизма Китая» [27] китайского философа, педагога, буддолога и верующего буддиста Цзян Вэйцяо (1873–1958), вышедшей в 1929 г. Об этом в своём комментарии, размещённом на задней обложке издания 2009 года, сообщает почётный директор НИИ религиозной культуры Пекинского университета, директор НИИ буддийской культуры Китая Лоу Юйле (1934 г. р.). Он также указывает, что одним из разделов, которым Цзян Вэйцяо дополнил свой японский первоисточник, стала «краткая история периода с эпохи Цин до Китайской Республики». Вместе с тем, в послесловии в самом тексте книги сообщается, что монография Цзян Вэйцяо была издана в 1931 г. издательством «Шаньбу иньшу гуань» 商務印書館, после чего неоднократно переиздавалась многими издательствами: «Данная книга считается первой в Новое время в Китае всеобщей историей буддизма Китая

системного характера, оказавшей позитивное воздействие и огромное влияние на исследования буддизма Китая после периода Китайской Республики». Нынешнее издание 2009 г. «взяло за основу и упорядочило» текст издательства «Шанхай шудянь» 上海書店 1989 г. (которое, в свою очередь, выполнено на основе фотокопии 1935 г. «Шанью иньшугуань»), «максимально сохранив дух и облик оригинала» [27, с. 329].

Следует отметить, что в 1927 г. появилась другая, но судя по названию достаточно краткая работа Чэнь Биньхэ «Малая история буддизма Китая» (1897–1945) [31], возможно, связанная с его деятельностью по привлечению японских ценителей к спасению фресок и статуй периода Тяньбао (742–756) эпохи Тан в монастыре Баошэн-сы в посёлке Лучжи города Сучжо 蘇州角直鎮保聖寺. Несколько позже появилась статья монаха, основателя Шанхайского буддийского института в монастыре Юйфо-сы Чжэнь Хуа «История буддизма Китая» (1908–1947) [30]. Ещё одним примечательным событием этого периода стал перевод с японского вышеупомянутой книги Токива Дайдзё: в 1944 г. [20].

Наконец, в 1940 г. вышла монография выдающегося китайского буддолога-теоретика Хуан Чаньхуа (1890–1977) [25]. В своей обзорной статье Цзи Хуачуань отмечает, что данная работа стала «первой независимо написанной системной всеобщей историей китайского (ханьского) буддизма», составленной исследователями буддизма в Новейшее время. Она стала использоваться в качестве учебника во многих буддийских учебных заведениях [26].

Издание на Тайване историй китайского буддизма японских авторов

Одной из наиболее ранних историй буддизма, переведённых и опубликованных на Тайване, стала вышеупомянутая работа Ногами Сюндзё (1907–1994) в переводе известного учёного-монаха Ши Шэньяня и профессора исторического факультета Тайваньского университета Чжэн Циньжэня [16, 17]. С точки зрения хронологического построения в данной книге прослеживается чёткий династийный принцип, при этом каждая глава освещает некоторый набор проблем, который представляется исследователям наиболее актуальным для данного периода. В 1989 г. была издана вышеупомянутая книга Уи Хакудзю в переводе исследователя индийской философии, буддолога Ли Шицзе (1919 г. р.) [21].

В 1984 г. на Тайване была издана монография исследователя индийской философии и буддизма, знатока санскрита и пали Накамуры Хадзиме (1912–1999) в переводе Юй Ваньцзюя [13]. В своём построении работа сочетает династический и проблемный принцип. Некоторые главы обозначены через свою хронологическую принадлежность к определённой эпохе, тогда как в других рассматриваются отдельные проблемы. Очень близкий подход прослеживается в вышеупомянутой работе Макито Тайрё:, которая появилась на китайском языке в 1988 г. [11].

В 1985 г. в Сборнике под общей редакцией Лань Цифу на китайском языке была издана совместная работа монаха школы Чистая земля, буддолога Тодо Кёсюна (1918–2000) и монах школы Тэндай Сиойри Рёдо (1922–1989) [19]. Однако в ней изложение истории китайского буддизма завершается на периоде конца Тан и эпохе Пяти династий. В 1987 г. на Тайване вышла вышеупомянутая монография Камата Сигэо (1927–2001) в переводе Чжэн Пэнняня (1933 г. р.) [6]. Постепенно на Тайване также была издана его более масштабная работа, охватывающая период до конца эпохи Суй-Тан [7].

Исследования истории китайского буддизма в КНР после начала политики реформ и открытости

Одной из первых работ, появившихся в материковом Китае с началом политики реформ и открытости, стала монография выдающегося буддолога Люй Чэна 1979 г. [10]. В 1985–1988 гг. в Пекине вышли три из восьми задуманных томов «Истории буддизма Китая» под общей редакцией вышеупомянутого Жэнь Цзюя [29]. В силу того, что изначальный замысел книги так и не был полностью воплощён в жизнь, она охватила лишь периоды с Цинь-Хань по эпоху Южных и Северных династий.

В 1987 г. на Тайване вышла книга выдающегося китайского буддолога Нань Хуайцзиня [14], отличающаяся достаточно нестандартным подходом к изложению истории буддизма в сравнении с другими всеобщими историями. Отдельные разделы в ней посвящены связи буддизма и индийской культуры и философии, истории Будды Шакьямуни, а также устройству чаньских монастырей. Хронология же истории буддизма представлена в рамках разделов «распространение буддизма» (начальный этап и этап расцвета), «буддизм разных стран мира» (Азии, Европы и Америки), а также «буддизм XX в.» (упадок буддизма с эпохи Цин и движение за возрождение буддизма конца Цин и начала Китайской Республики).

Сначала в материковом Китае (1990 г.) [2], а затем на Тайване (1993 г.) [3] вышла монография научного сотрудника НИИ мировых религий Академии общественных наук Китая Го Пэна (1920–2004). В ней прослеживается чёткий династический принцип организации материала, а в рамках каждой династической эпохи последовательно рассматриваются различные буддийские школы с преобладающим вниманием к школе Чань. Изданная в Пекине в 1993 г. под редакцией историка буддизма Ду Цзивэня «История буддизма» [23] охватывает историю буддизма различных регионов мира.

Масштабные всеобщие истории буддизма в Китае в XXI в.

В начале XXI в. в Китае продолжилось издание переводных работ. Здесь особенно следует отметить появление в материковом Китае расширенной версии [18] вышеупомянутого тайваньского сборника переводов буддийских исследований под общей редакцией Лань Цифу. Из переводов японоязычной литературы можно отметить исследование истории буддизма Восточной Азии Канаэмы Сёко 1942 г. [8]. Что касается западных исследований, была переведена [4] работа Артура Райта о буддизме в истории Китая [1].

Кроме того, начало XXI в. было отмечено появлением новых многотомных историй религий и буддизма Китая. В 2000 г. в Пекине вышла «Всеобщая история религий Китая» профессора факультета философии и религии Центрального университета национальностей Му Чжунцзяня (1939 г. р.) и профессора Института высшего образования Университета Жэньминь, специалиста по истории религий и философии Китая Чжан Цзяня (1953 г. р.) [12].

Целиком по принципу изложения истории буддизма как истории отдельных школ построена книга Лю Гоцзуна [9], написанная на основе множества статей, опубликованных им на протяжении 1990-х гг. Тогда же вышла монография профессора университета Жэньминь, специалиста по религиоведению и философии Китая Фан Литяня (1933–2014) [22]. Наиболее крупной всеобщей историей китайского буддизма стало 15-томное издание под редакцией Лай Юнхая [28].

Заключение

Как показало проведённое исследование, японская наука на протяжении долгого времени была локомотивом написания всеобщих историй китайского буддизма. Признание вклада японских коллег получило отражение в появлении переводов ряда их работ на китайский язык, прежде всего имевшее место на Тайване. С началом периода реформ и открытости в материковом Китае также произошла активизация в составлении собственных историй китайского буддизма. В начале XXI в. продолжилось как издание переводных работ, так и составление собственных, среди которых особенно примечательным является выход 15-томной всеобщей истории китайского буддизма под редакцией Лай Юнхая. В данной статье предпринята систематизация доступной информации о данных изданиях с целью снабдить исследователей китайского буддизма удобным справочным аппаратом.

Литература

На английском языке

1. Wright, Arthur F. Buddhism in Chinese History. Palo Alto: Stanford University Press, 1959.

На китайском языке

2. Го Пэн. Чжунго фоцзяо цзяньши 郭朋. 中國佛教簡史 [Краткая история буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 福州: 福建人民 [Фучжоу: Фуцзянь жэньминь], 1993. Режим доступа: <http://m.ishare.iask.sina.com.cn/f/11769958.html> (дата обращения: 23.12.2019).

3. Го Пэн. Чжунго фоцзяо ши 郭朋. 中國佛教史 [История буддизма Китая] / 台北: 文津 [Тайбэй: Вэньцзинь], 1993.

4. Жуй Ушоу. Чжунго лишичжун дэ фоцзяо 芮沃壽. 中國歷史中的佛教 [Буддизм в истории Китая] / 常蕾譯. 北京: 北京大學, 2009 年 [пер.: Чан Лэй. Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2009].

5. Камата Сигэо. Цзиньдай Жибэнь дэ Чжунго фоцзяо ши яньцзю 鎌田茂雄. 近代日本の中國佛教史研究 [Исследование истории буддизма Китая в Японии в Новое время] [Электронный ресурс] / 釋聖凱譯 // 法音 [пер.: Ши Шэнкай // Голос Дхармы]. 2000. № 2. С. 25–28. Режим доступа: <http://www.chinabuddhism.com.cn/yj/2012-10-15/1606.html> (дата обращения: 23.12.2019).

6. Камата Сигэо. Цзяньмин Чжунго фоцзяо ши 鎌田茂雄. 簡明中國佛教史 [Краткая история буддизма Китая] / 鄭彭年譯. 台北: 谷風 [пер.: Чжэн Пэннянь. Тайбэй: Гуфэн], 1987.

7. Камата Сигэо. Чжунго фоцзяо тунши 鎌田茂雄. 中國佛教通史 [Всеобщая история буддизма Китая] / 共 5 冊. 高雄: 佛光 [В 5 Т. Гаосюн: Фогуан], 1985–2005.

8. Канаяма Сёко. Дунъя фоцзяо ши 金山正好. 東亞佛教史 [История буддизма Восточной Азии] [Электронный ресурс] / 劉果宗譯. 台北: 文津 [пер.: Лю Гоцзун. Тайбэй: Вэньцзинь], 2001. Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/19293609.html> (дата обращения: 23.12.2019).

9. Лю Гоцзун. Чжунго фоцзяо гэцзун шилюэ 劉果宗. 中國佛教各宗史略 [Краткая история различных школ буддизма Китая]. 台北: 文津 [Тайбэй: Вэньцзинь], 2001.

10. Люй Чэн. Чжунго фосюэ юаньлю люэцзян 呂澄. 中國佛學源流略講 [Краткое обсуждение истока и потока буддизма Китая] [Электронный ресурс]. 北京: 中華書局 [Пекин: Чжунхуа шуцзюй], 1979.

11. Макита Тайрё. Чжунго фоцзяо ши 牧田諦亮. 中國佛教史 [История буддизма Китая] // Шицзе фосюэ минчжу ицун 世界佛學名著譯叢 [Сборник переводов мировых известных работ по буддологии] / 藍吉富主編. 第 45 冊. 台北: 華宇 [под общ. ред. Лань Цифу. Т. 45. Тайбэй: Хуаюй], 1988.

12. Моу Чжунцзянь, Чжан Цзянь. Чжунго цзунцзяо тунши 牟鐘鑿、張踐. 中國宗教通史 [Всеобщая история религий Китая] [Электронный ресурс]. 北京: 社會科學文獻 [Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь], 2000. Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/66862027.html> (дата обращения: 23.12.2019).

13. Накамура Хадзимэ. Чжунго фоцзяо фачжань ши 中村元. 中國佛教發展史 [История развития буддизма Китая] / 余萬居譯. 台北: 天華 [пер.: Юй Ваньцзюй. Тайбэй: Тяньхуа], 1984. Режим доступа: <http://buddhism.lib.ntu.edu.tw/> (дата обращения: 23.12.2019).
14. Нань Хуайцзинь. Чжунго фоцзяо фачжань ши люэшо 南懷瑾. 中國佛教發展史略述 [Краткое изложение истории развития буддизма в Китае]. 台北: 老古 [Тайбэй: Лаогу], 1987.
15. Ногами Сюндзэ:. Буккё:си гайсэцу: Чу:гоку хэн 野上俊静. 仏教史概説・中国篇 [Общий обзор истории буддизма — Раздел о Китае]. 京都: 平樂寺書店 [Киото: Хэйракудзи сётэн], 1968.
16. Ногами Сюндзэ:. Чжунго фоцзяо тунши 野上俊静. 中國佛教史概説 [Общий обзор истории буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 釋聖嚴譯. 台北: 台灣商務印書館 [пер.: Ши Шэньянь. Тайбэй: Тайвань шан-у иньшугуань], 1972. Режим доступа: <https://max.book118.com/html/2015/0214/12468348.shtm> (дата обращения: 23.12.2019).
17. Ногами Сюндзэ:. Чжунго фоцзяо тунши 野上俊静. 中國佛教史概説 [Общий обзор истории буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 鄭欽仁譯. 台北: 牧童 [пер.: Чжэн Циньжэнь. – Тайбэй: Мутун], 1978. Режим доступа: <https://books.google.ru> (дата обращения: 23.12.2019).
18. Синьбянь шицзе фосюэ минчжу ицун 新編世界佛學名著譯叢 [Новый сборник переводов мировых известных работ по буддологии] / 謝和耐主編. 共 150 冊. 北京: 中國書店 [под общ. ред. Се Хэняя. В 150 т. Пекин: Чжунго шудянь], 2010.
19. Тодо Кёсюн, Сийри Рёдо. Чжунго фоцзяо ши 藤堂恭俊、塩入良道. 中國佛教史 [История буддизма Китая] [Электронный ресурс] // Шицзе фосюэ минчжу ицун 世界佛學名著譯叢 [Сборник переводов мировых известных работ по буддологии] / 藍吉富主編. 第 45 冊. 台北: 華宇 [под общ. ред. Лань Цифу. Т. 46. Тайбэй: Хуаюй], 1985. Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/4555974.html>, <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/4556020.html> (дата обращения: 23.12.2019).
20. Токива Дайдзэ:. Чжунго фоцзяо ши дагуань 常盤大定. 中國佛教史大觀 [Общий обзор истории буддизма Китая] / 釋東初譯 // 中流 [Чжунлю]. 1994. Т. 3. № 2. С. 3–6.
21. Уи Хакудзо. Чжунго фоцзяо ши 宇井伯寿. 中國佛教史 [История буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 李世傑譯. 台北: 協志工業叢書 [пер.: Ли Шицзе. Тайбэй: Сечжи гуньэ цуншу], 1970. – Режим доступа: http://buddhism.lib.ntu.edu.tw/DLMBS/search/search_detail.jsp?seq=269709 (дата обращения: 23.12.2019).
22. Фан Литянь. Чжунго фоцзяо цзяньши [方立天. 中國佛教簡史] Краткая история буддизма Китая [Электронный ресурс]. 北京: 宗教文化 [Пекин: Цзунцзяо вэньхуа], 2001. Режим доступа: <https://max.book118.com/html/2015/0214/12468175.shtm> (дата обращения: 23.12.2019).
23. Фосюэ шувэй тушугуань цзи боугуань 佛學數位圖書館暨博物館 [Цифровая библиотека и музей буддологии] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://buddhism.lib.ntu.edu.tw/DLMBS/index.jsp> (дата обращения: 23.12.2019).
24. Фоцзяоши 佛教史 [История буддизма] / 杜繼文主編. 北京: 中國社會科學 [под общ. ред. Ду Цзивэня. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ], 1993.
25. Хуан Чаньхуа. Чжунго фоцзяо ши 黃懺華. 中國佛教史 [История буддизма Китая] [Электронный ресурс]. 上海: 商務印書館 [Шанхай: Шан-у иньшугуань], 1940. Режим доступа: <http://bbs.gxsd.com.cn/forum.php?mod=viewthread&tid=21791> (дата обращения: 23.12.2019).
26. Цзи Хуачуань. Эрши шицзи илай дэ Циндай ханьчуань фоцзяо яньцзю 紀華傳. 20 世紀以來的清代漢傳佛教研究 [Исследования ханьского буддизма в эпоху Цин с начала XX в.] [Электронный ресурс] // Чжунго цзунцзяо яньцзю няньцзянь (2005–2006) 中國宗教研究年鑑 (2005–2006 年) [Ежегодник религиоведения в Китае (2005–2006)] / 北京: 宗教文化 [Пекин: Цзунцзяо вэньхуа], 2010. Режим доступа: http://www.sohu.com/a/123797358_501399 (дата обращения: 23.12.2019).
27. Цзян Вэйцзяо. Чжунго фоцзяо ши 蔣維喬. 中國佛教史 [История буддизма Китая]. 長沙: 岳麓書社 [Чанша: Юэлу шушэ], 2009.
28. Чжунго фоцзяо тунши 中國佛教通史 [Всеобщая история буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 賴永海主編. 南京: 江蘇人民 [под общ. ред. Лай Юнхая. Нанкин: Цзянсу жэньминь], 2010. Режим доступа: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/25149590.html> (дата обращения: 23.12.2019).
29. Чжунго фоцзяо ши 中國佛教史 [История буддизма Китая] [Электронный ресурс] / 任繼愈主編. 第 1–3 冊. 北京: 中國社會科學 [под общ.ред. Жэнь Цзинюя. Т. 1–3. Пекин: Чжунго шэхуэй

кэсюэ], 1985–1988. Режим доступа: <http://ds.eywedu.com/zhongguofojiaoshi/> (дата обращения: 23.12.2019).

30. Чжэнь Хуа. Чжунго фоцзяо ши 震華. 中國佛教史 [История буддизма Китая] // Фосюэ юэкань 佛學月刊 [Буддологический ежемесячник]. 1941. Т. 1. №.4. С. 23–24.

31. Чэнь Биньхэ. Чжунго фоцзяо сяоши 陳彬猷. 中國佛教小史 [Малая история буддизма Китая] / 上海: 世界書局 [Шанхай: Шицзе шуцзюй], 1927.

32. Эрши шицзи Чжунго сюэшу дадянь: Цзунцзяосюэ 20 世紀中國學術大典: 宗教學 [Академический канон Китая XX в.: Религиоведение] / 任繼愈主編. 福州: 福建教育 [под общ. ред. Жэнь Цзюня [任繼愈]. Фучжоу: Фуцзянь цзяоюй], 2002. Режим доступа: <https://books.google.ru/> (дата обращения: 23.12.2019).

На японском языке

33. Ёсинага Сатоми. Сина буккё: си 吉永智海. 支那仏教史 [История буддизма Китая]. 東京: 金尾文淵堂 [Токио: Канао бунэн до:], 1906.

34. Ито Гикен. Сина буккё: сэйси 伊藤義賢. 支那仏教正史 [Официальная история буддизма Китая] 山口県: 竹下学寮 [Ямагути: Такэсита гакурё:], 1923.

35. Камата Сигэо. Чу:гоку буккё:си 鎌田茂雄. 中国仏教史 [История буддизма Китая]. Токио: Иванами сётэн [東京: 岩波書店], 1978.

36. Камата Сигэо. Чу:гоку буккё:си 鎌田茂雄. 中国仏教史 [История буддизма Китая]. 8 冊. 東京: 東京大学出版会 [В 8 Т. Токио: То:кё: дайгаку сёппанкай], 1982–1999.

37. Канаёма Сёко. То:а буккё: си 金山正好. 東亞佛教史 [История буддизма Восточной Азии]. 東京: 理想社 [Токио: Рисо:ся], 1942.

38. Макита Тайрё:. Чу:гоку буккё: си кэнкью: 牧田諦亮. 中国仏教史研究 [Исследование истории буддизма Китая]. 東京: 大東 [Токио: Дайто:], 1981–1989.

39. Митибата Рё:сю:. Чу:гоку буккё:си 道端良秀. 中国仏教史 [История буддизма Китая]. 京都: 法藏館 [Киото: Хо:дзюкан], 1939.

40. Сакаи Ко:ё:. Сина буккё: сико: 境野黄洋. 支那仏教史綱 [Тезисы по истории буддизма Китая]. 東京: 森江本店 [Токио: Мориэ хонтэн], 1907.

41. Такао Гикэн. Сина буккё: сирон 高雄義堅. 中国仏教史論 [Статьи по истории буддизма Китая]. 京都: 平楽寺書店 [Киото: Хэйракудзи сётэн], 1952.

42. Токива Дайдзё:. Сина буккё:си тайкан 常盤大定. 支那仏教史大観 [Общий обзор истории буддизма Китая] // Дайдзё: Токива. Сина буккё:си но кенкю: 常盤大定. 支那佛教の研究 [Исследования буддизма Китая]. 東京: 春秋社 [Токио: Сюдзюся], 1938.

43. Уи Хакудзю. Сина буккё:си 宇井伯寿. 支那仏教史 [История буддизма Китая]. 東京: 岩波書店 [Токио: Иванами сётэн], 1936.

44. Цукамото Дзэнрю:. Чу:гоку буккё: цу:си 塚本善隆. 中国仏教通史 [Всеобщая история буддизма Китая]. 東京: 鈴木学術財団 [Токио: Судзуки гакудзюцу зайдан], 1967.

45. Чикуса Маса:ки. Чу:гоку буккё: сякайси кэнкю: 竺沙雅章. 中国仏教社会史研究 [Социальная история буддизма Китая] // То:ё:си кэнкю: со:кан 東洋史研究叢刊 [Сборник исследований по истории Востока]. №43. 京都: 同朋舎 [Киото: До:хо:ся], 1982.

46. Яmano:ти Синкё. Сина буккё:си си кенкю: 山内晋卿. 支那仏教史之研究 [Исследования истории буддизма Китая]. 京都: 佛教大学 [Киото: Буккё: дайгаку], 1921.

GENERAL HISTORIES OF CHINESE BUDDHISM IN CONTEMPOTARY CHINA AND JAPAN

Mariia L. Lepneva

Postgraduate student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

marystoryteller@mail.ru

Abstract. This article examines the process of compiling general histories (Ch. *tongshi*, J. *tsu:shi* 通史) of Chinese Buddhism during the contemporary period. As the study showed, for a significant part of the twentieth century, Japanese scholars played a leading role in revealing the overall picture of the history of Buddhism in China. Academic circles first in Taiwan and then in mainland China translated a number of Japanese works into Chinese. Since the 1980s, China witnessed an upsurge of domestic research, with several multivolume general histories published in the twenty first century.

Keywords: China, Japan, Taiwan, Buddhism, general histories.

УДК 24(510)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-87-92

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БУДДИЗМА ВАДЖРАЯНЫ В КИТАЕ В ПЕРИОД ДИНАСТИИ ТАН

© Ветлужская Лидия Леонидовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
vetl@list.ru

Аннотация. В центре исследовательского внимания буддизм ваджраяны в период правления династии Тан (618–907). Будучи не самым популярным направлением буддизма в Китае, именно в танскую эпоху эзотерический буддизм в Китае занял особые позиции и обладал рядом особенностей, не характерных для последующих династийных периодов в истории Китая. В статье рассмотрены и обозначены основные характеристики буддизма ваджраяны в Китае в период Тан. В частности, рассмотрены аспекты организационного оформления школы ваджраяны Мицзун, переводческая и организационная деятельность основных патриархов школы, появление монастырских центров Мицзун, покровительство императоров школе Мицзун и ее деятелям.

Ключевые слова: Китай, период Тан, буддизм, ваджраяна, Мицзун, тантра.

Для цитирования

Ветлужская Л. Л. Основные характеристики буддизма ваджраяны в Китае в период династии Тан // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 87–92.

Утверждаясь в Китае, учение Ваджраяны получило несколько названий, являющихся синонимами и обозначающими одно и то же понятие: *цзиньган шэн* 金剛乘 — Ваджраяна, Алмазная колесница; *чжэньянь шэн* 真言乘 — Мантраяна, Колесница истинных слов; *ми цзяо* 密教 — учение Тантры, эзотерическое учение; *мими цзяо* 秘密教 — тайное учение, эзотерическое учение; *датэло цзяо* 大特罗教 — это учение великой Тантры, тантризм; *чжун*

ми 中密 — китайский тантризм; *цзан ми* 藏密 — учение буддийской Тантры в Тибете; Ваджраяна в Японии — *дун ми* 东密.

Проникновение в Китай текстов, содержащих отдельные элементы учения Ваджраяны, началось в период Троецарствия в III в. с перевода текстов, содержащих заклинания *чжоу* 咒 или дхарани *толони* 陀罗尼: «Вэй мичи *цзин*» 微密持经 «Сутра о сокровенных дхарани», *Цифо шэньчжоу* 七佛神咒 «Священные заклинания семи Будд», *Улянмэнь вэймичи* 无量门微密持 «Бесчисленные врата тайного учения», *Кунцяован шэньчжоу* 孔雀王神咒 «Священные заклинания владыки Кунцяована» и др. Однако в корпусе разнородных по объему и содержанию текстов мы обнаруживаем лишь отдельные элементы направления Ваджраяны. Совсем иная картина предстает перед нами, если мы обратимся к анализу источников буддизма Ваджраяны, проникших в Китай в VIII в., что привело к созданию в Китае школы Ваджраяны — Мицзун (кит. 密宗 mizōng).

Период с VIII по IX вв. — второй период становления эзотерического буддизма в Китае. Он начинается с приезда в Чан`ань в 716 г. с миссионерскими целями индийского монаха по имени Шубхакарасимха (санскр. Śubhākarasiṃha) (637–735). В Китае он получил имя *Шаньувэй* 善无畏. Почти за 20 лет пребывания в Китае *Шаньувэй* перевел семнадцать объемных текстов [Чжоу, с. 266]. Через 8–9 лет после приезда из Индии Шаньувэй закончил перевод текста *Дажичзин* 大日经 «Махавайрочана-сутры» («Сутра [Татхагаты] Великое солнце»), ставшего каноническим для школы эзотерического буддизма, именно к нему было составлено наибольшее количество комментариев. Посетив множество святых мест, Букун в 746 г. вернулся в Китай, танский император Сюань-цзун придал этому факту большое значение. В том же году в императорском дворце был возведен алтарь с изображением мандалы для проведения обряда посвящения для наследного принца [6, с. 284]. Этот важный факт говорит о большом доверии императора и о его благоволении школе Мицзун. Переводы Букуна точно отражали содержание текстов и отличались изяществом стиля. О том, как и сколько работал Букун можно судить по записке ко двору, в которой он указывал, что в 771 году им было написано 77 трудов в 120 свитках [4, с. 136].

Ваджрабодхи (670–735) (кит. имя *Цзиньганчжи* 金刚智) — один из трех индийских монахов — основателей школы Мицзун в Китае. Его судьба отчасти схожа с судьбой Шаньувэя. Он родился в Центральной Индии, в знатной брахманской семье. У Учителя Нагаджняны Цзиньганчжи получил тантрическое посвящение и изучил текст *Цзиньгандинцзин* 金刚顶经 (Ваджрашekhара-тантра) и другие методы. Цзиньганчжи обучался у Нагаджняны в течение семи лет и получил полное посвящение в учение Тантры. Через десять лет обучения он стал знатоком всей Трипитаки. Данные об обучении Цзиньганчжи у ученика Нагарджуны явились причиной для признания именно монаха Цзиньганчжи, а не Шаньувэя, первым историческим патриархом китайской школы Мицзун.

Затем Цзиньганчжи побывал на Цейлоне, после чего отправился в Китай. По указу императора его пригласили в монастырь *Цыэньсы* 慈恩寺, затем Цзиньганчжи жил в монастырях *Дацзяньфусы* 大荐副寺 и *Цзышэнсы* 资圣寺 [1], все три впоследствии стали центрами учения Мицзун.

Третий выдающийся индийский монах — представитель учения Ваджраяны — Амогхаваджра (705–774) (кит. имя *Букунцзиньган* 不空金刚) был учеником и последователем Ваджрабодхи. Амогхаваджра родился в Северной Индии в семье брахманов. Он вместе со своим дядей уехал на восток — в Китай, а в 15 лет стал учеником Цзиньганчжи. Первым его буддийским именем было *Цзиньганчжи Саньцзан* 金刚智三藏. Однако самым известным в Китае стало его имя, принятое уже после церемонии посвящения — Букунцзиньган или сокращенно — *Букун* 不空. Букун обладал большими способностями в учебе, скоро стал знатоком ви-найи. Когда Букун пожелал изучать эзотерические буддийские методы, Цзиньганчжи отказался его обучать, и тогда Букун решил вернуться в Индию, чтобы там изучить эти методы. Однако Цзиньганчжи решил, что его ученику не стоит уезжать на запад, и он является достойным сосудом для передачи ему учений Ваджраяны [1]. Данный факт иллюстрирует принцип отношений «Учитель — ученик», сложившийся в школе Мицзун: учитель убедился в том, что ученик достоин передачи ему учения Ваджраяны, получил во сне знаки свыше, и лишь тогда согласился выполнить просьбу Букуна.

В результате Цзиньганчжи передал Букуну все методы и ритуалы, которые должен знать наставник: метод посвящения мандалы пяти разделов, подробные разъяснения «Махавайрочана-сутры», ритуалы хумо. Букун перевел текст, связанный с ритуалом хумо и подношениями огню *Цзиньган дин юйцзя хумо и гуй* 金刚顶瑜伽护摩仪轨 «Суть пути йоги хумо ваджрного венца» [2]. Таким образом, Букун унаследовал от Цзиньганчжи все методы и ритуалы Мицзун и стал его полноправным преемником.

Традиция соблюдения линии преемственности в качестве важнейшей основы сохранения учения перешла и в Китай. В VIII в. в школе Мицзун начала складываться традиция передачи Учения от учителя к ученику, столь важная в буддизме Ваджраяны. Согласно традиции Мицзун, учение Тантры было передано Татхагатой Вайрочаной Ваджрасаттве, от него учение перешло к Нагарджуне, учеником Нагарджуны был Нагаджняна, непосредственный учитель Ваджрабодхи. Таким образом, первым патриархом Мицзун считается центральное божество школы — Махавайрочана, вторым — Ваджрасаттва. Ваджрабодхи считается четвертым патриархом в линии передачи Мицзун, или первым, официально возглавившим секту, реально существовавшим историческим лицом [7, с. 317]. Шаньвэя, Цзиньганчжи и Букуна в истории Китая называют *Кайюань саньдаши* — «Три великих наставника эпохи Кайюань (713–741)».

Кроме вышеупомянутых трех выдающихся монахов в эпоху Тан нельзя не отметить лицо, привнесшее глубокое понимание и прочтение основополагающего текста Мицзун *Дажуцзин* путем написания обширного комментария к нему *Дажуцзиншу* 大日经疏. Речь идет о монахе китайского происхождения по имени И Син 一行 (683–727), который не только овладел методами Тантры наравне с индийскими учителями, но и разработал свою классификацию учения Будды, включив в него учение Ваджраяны.

К VIII в. в Китае уже сложилась традиция составления классификаций буддийских учений представителями той или иной школы. Классификацию составлял патриарх школы, который представлял буддийские учения в виде некой иерархической системы, пирамиды. В ее основании, как правило, находились не

очень эффективные методы спасения, а вершину представляло учение той школы, к которой принадлежал патриарх. Традицию классификации буддийских учений заложил *Чжи И* 智顓 (538–597) — основатель школы Тяньтай. В VI в. н. э. Чжи И, основав школу китайского буддизма Тяньтай, постарался закрепить и обосновать ее позиции как школы, проповедующей самое эффективное с точки зрения приближения адептов к абсолютной истине, учение.

Следующую в хронологическом порядке классификацию представил в VII в. н. э. фактический основатель школы Хуаянь *Фа Цзан* 法藏 (643–712). Он рассматривал развитие буддизма до появления школы Хуаянь в качестве подготовительных стадий для постижения хуаяньской доктрины. Классификацию Фа Цзана дополнил пятый патриарх Хуаянь *Цзун Ми* 宗密 (780–841), одновременно являвшийся четвертым патриархом школы Чань. Чаньскую психотехнику он рассматривал как способ практической реализации философии Хуаянь, выдвинув тезис о «единстве учения и созерцания» [5, с. 421]. Цзун Ми не внес принципиальных изменений в классификацию Фа Цзана, а лишь уточнил ее. Свою классификацию он изложил в сочинении *«Юань жэнь лунь»* («О началах человека»). Создание И Сином (683–727) классификации буддийского учения стало своеобразной вехой в истории школы Мицзун. В хронологическом плане она предшествовала классификации Цзун Ми и была третьей по счету из известных нам четырех классификаций. И Син разделил учение Будды на четыре пути и четыре колесницы.

Итак, И Син, будучи всесторонне одаренным человеком, прославился не только как автор нескольких философских трактатов, классификации буддийского учения, но и как выдающийся математик и астроном [3, с. 138].

Исин одновременно являлся учеником Шубхакарасимхи и Ваджрабодхи, и получил передачи по трем видам практик, изложенных в трех важнейших трактатах Мицзун: *«Да жи цзин»* («Махавайрочана-сутра»), *Цзинь ган дин цзин* («Сутра алмазной вершины») и *Су си ди цзин*. Первый метод был передан Исину Шубхакарасимхой, а два последних — Ваджрабодхи. Исин в одном лице занимался всеми тремя видами практик и был связующим звеном в учении Ваджраяны в Китае.

В рассматриваемый период времени появились монастыри, специализирующиеся на философских изысканиях и эзотерических практиках. На территории Китая известны два монастыря, в которых монахи исповедовали преимущественно учение Мицзун. Во времена правления династии Тан в одном и том же монастыре могли жить вместе монахи, представляющие учения разных школ. Когда в монастыре появлялся выдающийся проповедник, вокруг него собирались молодые монахи, и монастырь постепенно приобретал определенную ориентацию. Букун — патриарх Мицзун — сначала поочередно проживал в нескольких монастырях Чаньани, в конце концов он остановился в крупнейшем в столице монастыре *Да син шань* 大兴善, где жил до конца жизни, этот монастырь стал колыбелью и центром учения Ваджраяны в Китае и на Дальнем Востоке. Его строительство началось во время правления Цзиньского императора У-ди (265–290). Сохранившиеся до настоящего время постройки храма Дасиншань находятся в 2,5 км. к югу от г. Сиань и относятся к эпохам Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911).

После Шаньвэя Цзиньганчжи и Букун также жили в этом монастыре, поэтому он прославился как место, в котором жили *Кайюань сань да ши* 开元三大士 — Три великих Учителя эпохи Кайюань. И Син также жил в этом монастыре и занимался научной работой в области астрономии и математики. Затем он переместился в монастырь *Гоцинсы* 国清寺 (пров. Чжэцзян), расположенном в горах Тяньтайшань, в 200 км от г. Ханчжоу, там находятся мемориальная пагода И Сина и его могила.

В отличие от буддизма в Тибете эзотерический буддизм в Китае не занимал таких же мощных лидирующих позиций, будучи представленным в каждой из основных школ тибетского буддизма. Однако его положение в период правления династии Тан (618–907) отличается некоторыми несвойственными другим историческим периодам особенностями.

Выделим главные отличительные черты Ваджраяны в Китае танского периода:

1) окончательное формирование и расцвет школы Ваджраяны в Китае — Мицзун;

2) появление монастырей как центров учения Ваджраяны, в которых жили патриархи учения, писали трактаты, наставляли учеников и т. д.

3) покровительство школы Мицзун со стороны высшей политической и сакральной власти в Китае — со стороны императоров. Так, например высокое положение Букуна в государстве оставалось неизменным на протяжении всей его жизни. Он снискал расположение трех танских императоров Сюань-цзуна (712–756), Су-цзуна (756–762) и Дай-цзуна (762–780), причем последний выражал свое благосклонное отношение к монаху не только регулярными подарками и подношениями, но и тем, что лично писал предисловия к его переводам.

4) массовое участие в религиозных церемониях посвящения высших слоев китайского общества во главе с самим императором и его семьей;

5) в силу приближенности к императорскому двору крайне уязвимая позиция школы Мицзун, что и сказалось при перемене политики от благосклонности к гонениям на буддизм в 840-х гг.

Литература

1. 大正新修大藏经 ТСД. Т. 50. No. 2061. URL: <http://sutra.goodweb.net.cn/16/2061.asp> (дата обращения: 27.12.2021).
2. 大正新修大藏经 ТСД. Т. 18. No. 0908. URL: <http://sutra.goodweb.net.cn/08/0908.asp> (дата обращения: 27.12.2021).
3. Еремеев В. Е. Длина земного меридиана // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / главный редактор М. Л. Титаренко / Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. Москва: Восточная литература. 2009.
4. Игнатович А. Н., Фесюн А. Г. Буддизм в период хэйан // Буддизм в Японии. Москва, 1993.
5. Торчинов Е. А. Цзун Ми // Китайская философия. Энциклопедический словарь / главный редактор М. Л. Титаренко. Москва, 1994.
6. Chou Yi-liang. Tantrism in China // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, 1945. Vol. 8. № 3, 4.
7. Eliot Ch. Hinduism and Buddhism. London. 1921. Vol. 3. P. 317.
8. Joseph P. Elacqua Chinese and Tibetan Esoteric Buddhism // Journal of Buddhist Ethics. 2018. Vol. 25.

9. Orzech, Charles. *Esoteric Buddhism and the Tantras in East Asia* / Charles Orzech, Henrik Sørensen, Richard Payne. Leiden, Boston: BRILL, 2011. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/rsr.12095_3 (Date of access: 17.06.2021).

THE MAIN CHARACTERISTICS OF VAJRAYANA BUDDHISM IN CHINA DURING THE TANG DYNASTY

Lidia L. Vetluzhskaya

Cand. Sci. (History), A/Prof.,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

vetl@list.ru

Abstract. The focus of research is Vajrayana Buddhism during the Tang Dynasty (618–907). Although not the most popular branch of Buddhism in China, nevertheless, during the Tang era esoteric Buddhism in China took a special position and possesses a number of characteristics, which are not characteristic of subsequent dynastic periods in the history of China. The article examines the main characteristics of Vajrayana Buddhism in China during the Tang period. In particular, aspects of the organization of the Mizong Vajrayana school, the translation and organizational activities of the main patriarchs of the school, the emergence of Mizong monastic centers, the patronage of the emperors to the Mizong school and its leaders are considered.

Keywords: China, Tang period, Buddhism, Vajrayana, Mitsun, Tantra.

УДК 111.1+114

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-92-98

ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

© **Хандархаева Виктория Викторовна**

старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

аспирант,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

khandarkhaeva@yandex.ru

Аннотация. Причинно-следственные связи являются важным аспектом в понимании философии китайского буддизма. В статье обсуждается идея о взаимодействии всех явлений и предметов природы бытия. Философия китайского буддизма указывает на гармоничность существования мира со всеми объектами, акцентируя на единство всего сущего с природой бытия. В работе рассматриваются классификации мировоззренческих аспектов причинно-следственных связей, которые способствуют преодолению ложной картины мира так называемого «омраченного сознания», опровержению иллюзии субъектно-объектных отношений, достижению истинной природы бытия и гармонии всех причинно-следственных отношений. Возникновение школы хуаянь привело к формированию форм и методов в теории китайского буддизма. Разработки данной теории принадлежат китайскому философу Фа Цзану,

который полагал, что возникновение всех вещей и явлений в природе бытия обусловлено причинно-следственными связями.

Ключевые слова: буддизм, философия Китая, китайский буддизм, причинно-следственные связи, школа хуаянь, Фа Цзан, причинность, все сущее.

Для цитирования

Хандархаева В. В. Теория причинности в китайской философии // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 92–98.

Китайская философия оказала огромное влияние на развитие культур не только в ближайших восточноазиатских странах, но и во всем мире. Вместе с тем укрепила свою философскую картину мира, берущую начало с глубин тысячелетий [6, с. 139].

Особенностью китайской философии является ее традиционализм, особый взгляд на старые идеи и формирование иероглифического категориального аппарата. Письменность в иероглифах сформировала у китайцев особый отпечаток на форму и метод мышления. По Лукьянову А. Е., Феоктистову В. Ф. считается, что «иероглифический характер первоначальных китайских иероглифов, запечатлевших графический образ конкретных вещей, серьезнейшим образом отразился и на процессе дальнейшего формирования абстрактных понятий, характерных для философской рефлексии» [4, с. 6]. Даже несмотря на то, что когда первоначально предмет иероглифа со временем получил понятие устойчивой категориальности и особый философский смысл, он не потерял связи со своим предметным значением. Эта тесная связь абстрактных категорий в философии, в дальнейшем станет изюминкой философской рефлексии китайцев, их своеобразного стиля и способа мышления.

Следует отметить, именно традиционализм и категориальная устойчивость в философии Китая заложили востребованность ею многих вопросов бытия человечества, которые актуальны и по сей день во всем мире. А именно, касаемые насущные проблемы человечества, место личности в обществе и природе [2, с. 270]. В мудрых идеях и размышлениях древних философов мы находим ответы на многие вопросы, затрагивающие глобальные проблемы современного информационного общества. Китайская философия заставила человечество взглянуть на мир новыми глазами.

Значимое место в китайской философии занимает утверждение о теории причинно-следственных отношений. Данная идея исследовалась адептами школы хуаянь в философии буддизма Китая в период династий Суй и Тан. Известно, что буддизм получил широкое распространение в этом отрезке времени, достигая наивысшего своего расцвета и пика развития. Внутри религиозно-философского учения в Китае появилось много философских школ, одной из которых является школа хуаянь, получившая свое название от сутры «Хуаянь цзин». Учение сформировалось в русле общемахаянских доктрин, которые получили большое распространение и развитие в Китае. Ее представление истинно сущего выражало и соединяло в себе идеи школ фасян, саньлунь и тяньтай, включая важные моменты предшествующих учений. В учении хуаянь большое

внимание уделялось махаянской идее единства истинного и феноменального, а также абсолютного и иллюзорного.

Исследуя философское учение школы хуаянь, нам следует начинать с теории причинности, как необходимого средства постижения метафизических основ всех буддийских школ Китая. Теория причинности занимает центральное место в учении, она использовалась как важнейший инструмент анализа и доказательства теоретических идей школы хуаянь. Буддисты, опираясь на теорию причинности, объясняли «вторую благородную истину», истину о причине страдания.

В трудах Фа Цзана «Хуаянь цзин и хай бай мэнь» описывается причинность, в которой соединение главных и второстепенных причин, в последующем порождают иллюзорные вещи и явления бытия. «Пылинка является вспомогательной причиной для сознания, а сознание — главной причиной для пылинки. Поскольку вещи и явления рождаются из причин, следовательно, не имеют собственной природы. Таким образом, пылинка не является причиной самой себя, соответственно, зависит от вспомогательной причины. А так как пылинка и сознание взаимозависимы, то рождение не исходит из постоянных причин, поэтому называется отсутствием рождения» [8, с. 72]. Следовательно, в учениях Фа Цзана мы видим четкое отрицание наличия объективных причин, порождающих действительное рождение вещей и явлений природы бытия в буддизме. Причины по природе существования в этом мире субъективны. Наблюдение возникновения вещей и явлений, следует понимать как ядро причинно-следственных связей. Поскольку причины сознания, пылинки не обладают самостоятельным существованием, рожденное лишено реальности или своей природы. Вместе с тем нет рождения, которое было бы обусловлено причиной, как и нет причины вне сознания. Поэтому в процессе рождения нет рождения как такового, т. е. нет рождения реальных вещей и явлений.

Следующим важным моментом в учении школы хуаянь является утверждение об относительности и необъективности пространственных характеристик и качеств явлений и вещей в природе. Фа Цзан писал в своих трудах: «Круглая пылинка имеет маленький вид, а высокая и широкая гора Сюй Ми — большой» [8, с. 71]. Следовательно, большой и маленький виды пылинки и горы Сюй Ми взаимодействуют друг с другом, зависят от сознания, сосуществуя, отрицая рождение и уничтожение. Когда видишь только высокую гору, сознание рисует концептуальным умом большое, где нет другого большого предмета, как данная гора. В противовес увиденному маленькому предмету — пылинке, сознание производит маленькое и отрицает мысль о том, что существует еще другой небольшой предмет. Делаем вывод, что сознание видит высокую гору, проявляет и маленькую пылинку.

В школе хуаянь через принцип взаимодействия причинно-следственных связей пытались избежать субъективного идеализма, отрицая объективное существование материального мира, т.е. понятие «сознания» являлось определяющим в отношении материальных явлений и предметов бытия [9, с. 29]. Следовательно, сознание выступает как ключевой первичный элемент, а предметы внешнего мира, как дополнительный. Фа Цзан описывал в своих трудах две стороны понятия сознания, где первая — единый разум, всеохватывающий разум; другая — двойственный разум, разум частного индивида, производящий мир. При этом обе ча-

сти взаимосвязаны друг с другом, не имеют возможности проявляться индивидуально друг от друга, следовательно, отдельно от разума частного индивида, одновременно существует универсальный разум. В данном случае следует умозаключение, что сознание является и субстанцией, и субъектом.

В классической общей философии также имеется описание явления причинно-следственных отношений. В этой области утверждается, что теория причинности — это закон, по которому развиваются процессы жизнедеятельности и явления, имеющие свои определенные причины [1, с. 2], а именно — это информации, голограммы, пиксели и т.п. Академик Козырев Н.А. в своих трудах описывал свойства времени, одним из множеств которых является свойства причинности вещей. Он пришел к выводу, что «причинность это важное качество мира» [3, с. 15]. Он исследовал связь между такими мирами, как духовный и физический. Особый интерес затрагивает тесная взаимозависимость явлений, которые подвергаясь воздействиям в физическом мире, производили изменения в других параллельных мирах. Соответственно, данный принцип позволяет производить работу в духовном мире с физического. Иными словами, теория причинности показывает тесную глубокую связь событий нашего мира с процессами, которые производятся на тонких энергетических уровнях. Следовательно, можно утверждать, что у каждого любого события есть своя причина. Эти причины формируют события или процессы, и дают несомненный опыт, при помощи которых индивид может осуществить тот или иной выбор в своей жизни.

В философской энциклопедии Ю. В. Сачкова данный термин «причинность» рассматривается, как каузальная связь (от лат. «causa» — причина), которая является важнейшей формой взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов в природе бытия, выражающая генетическую связь между собой, при котором одно явление (процесс) называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно порождает к рождению другого явления (процесса), называемое следствием в идее природного порядка [5, с. 28]. В данном случае в основе лежат идеи о мире, образованном из отдельных частиц (атомов), взаимодействие между которыми носят однозначный порядок. Соответственно такому подходу причинность понималась как внешнее силовое воздействие одних частиц на другие, вызывая изменения в состояниях и свойствах. Следует отметить, что причинность имела линейный однонаправленный характер, отождествляясь с внешним воздействием через силу.

Что касается теории причинности китайской философии, согласно учению школы хуаянь буддисты составили свою формулу «двенадцать звеньев цепи причинной зависимости», в которой прослеживалась не хаотичная, без воздействия внешних сил, а конкретная точная очередность процессов:

1. Неведение истины.
2. Из неведения возникают впечатления прошлой жизни.
3. Из впечатлений прошлой жизни возникает сознание.
4. Из сознания возникают имя и форма.
5. Из имени и формы возникают шесть областей (области шести органов чувств — глаза, уха, носа, языка, тела, т.е. осязания, ума).
6. Из шести областей возникает соприкосновение с объектами.
7. Из соприкосновения с объектами возникает ощущение.

8. Из ощущения возникает жажда (желание чего-либо).
9. Из жажды возникает привязанность.
10. Из привязанности возникает стремление к жизни.
11. Из стремления к жизни возникает рождение.
12. Из рождения возникает страдание.

Таким образом, мы видим, что каждое звено является следствием предыдущего звена [9, с. 30]. В данной классификации прослеживается прочная взаимосвязь между причинно-следственными явлениями и предметами. Явления и предметы, совершая определенные действия, получают следствия из данных действий, как причин. Следовательно, закономерность явлений и вещей бытия имеет глубокую взаимозависимость. Последователи учения школы хуаянь сосредотачивались на взаимозависимости сущего и индивидуального сознания, а также индивидуального сознания и эмпирического мира. Они пришли к следующему выводу о существовании взаимозависимой связи между явлениями и предметами внутри эмпирического мира [7, с. 138].

В философии Китая буддисты не ставили первоначальным вопросом об источнике причинности «нельзя узнать начало того времени, с которого начинается действие этого закона и границ пространства» [10, с. 5]. Из этого утверждения следует полагать, что результатом общего закона причинности является закон кармического действия, который тесно связан с тем, что все сущее подвержено процессу взаимодействия причинно-следственных отношений в природе. В теории кармического действия в китайском буддизме рассматривается существование личности в настоящем, как следствие его прошлого, а его будущее — нынешним существованием. Данная теория причинности заложила важную основу и ценные знания для дальнейших учений в буддийских школах.

Следующая важная особенность в теории причинно-следственных связей в китайской философии является выражение «истины» каждого предмета и явления в природе бытия, поэтому все они взаимозависимы и включают себя друг в друга, беспрепятственно сливаясь, не противостоят друг другу, гармонично сосуществуют. Таким образом, в школе хуаянь причиной возникновения всех явлений и вещей считали «соединение порождающих и сопутствующих причин». Признавая явления за иллюзорный образ, для укрепления истинности природы вещей, необходимо было устранить «кажимость» всех явлений и вещей, осознать природу пустотности явлений и предметов. Явления и вещи, согласно принципам учения школы хуаянь, несмотря на разную величину в пространственном промежутке, существуют благодаря взаимозависимости друг с другом.

Обращаясь к философии Китая, необходимо отметить важную идею позднего китайского буддизма, «что все сущее — непротиворечиво и не знает преград, оно едино и целостно» [7, с. 137]. В этой центральной ключевой идее отражаются умозаключения и представления буддистов о гармоничности и тождественности мира согласно причинно-следственным отношениям явлений и предметов. В этой «непротиворечивой природе бытия нет ни пространственных, ни временных преград, а существует гармония» [7, с. 138]. Чем глубже китайские мудрецы познавали философию буддизма, тем сложнее становились их представления о связях между причинами и следствиями. С выявлением формулы «двенадцать

звеньев цепи причинной зависимости», важным шагом было открытие взаимодействий явлений и предметов бытия.

Таким образом, в теории причинности нет самосущих поступков, которые не имели бы последствий, поскольку все взаимосвязано и имеют свою причину следствия, все явления и предметы тождественны друг другу. В мире нет ничего постоянного и все бесконечно меняется. В мире все изменчиво. Все следствия и явления взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Литература

1. Антошкина Е. А. Об отношении экспериментов Н. А. Козырева к проблеме времени [Электронный ресурс] / Е. А. Антошкина // *Философские исследования: Электронное издание*. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otnoshenii-eksperimentov-n-a-kozyreva-k-probleme-vremeni/viewer> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Васильев А. С. *История китайской философии*. Москва, 1989. С. 269–274.
3. Кузьмин Ю. А. К вопросу о сущности причины и следствия [Электронный ресурс] / Ю. А. Кузьмин // *Философские исследования. Электронное издание*. 2016. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-prichiny-i-sledstviya/viewer> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Лукьянов А. Е., Феоктистов В. Ф. Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений. Москва, 1998. С. 5–8.
5. Сачков Ю. В. Новая философская энциклопедия // *Философские исследования. Электронное издание*. Режим доступа: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%9F%D0%A0%D0%98%D0%A7%D0%98%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 28.09.2021).
6. Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Токио, 1916. С. 139–140.
7. Янгутов Л. Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995. С. 137–138.
8. Янгутов Л. Е. *Китайский буддизм: Тексты, исследования, словарь*. Улан-Удэ, 1998. С. 71–72.
9. Янгутов Л. Е. Философское учение школы хуаянь. URL: <http://opentextnn.ru/man/jangutov-l-e-filosofskoe-uchenie-shkoly-huajan/> (дата обращения: 22.09.2021).
10. Янгутов Л. Е. *Китайская философия. Философия китайского буддизма*. Улан-Удэ, 2005. С. 3–6.

THE THEORY OF CAUSALITY
IN CHINESE PHILOSOPHY

Viktoria V. Khandarkhaeva

Senior Lecturer of the Department of Philology of the Far East, Oriental Institute,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
Postgraduate student,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
khandarkhaeva@yandex.ru

Abstract. Causal relationships are an important aspect in understanding the philosophy of Chinese Buddhism. The article discusses the idea of the interaction of all phenomena and objects of the nature of being. The philosophy of Chinese Buddhism points to the harmony of the existence of the world with all objects, emphasizing the unity of all things with the nature of being. This article examines the classifications of ideological aspects of cause-

and-effect relationships that contribute to overcoming the false picture of the world of the so-called "clouded consciousness", refuting the illusion of subject-object relations, achieving the true nature of being and harmony of all cause-and-effect relationships. The emergence of the Huayan school led to the formation of forms and methods in the theory of Chinese Buddhism. The development of this theory belongs to the Chinese philosopher Fa Tsang, who believed that the emergence of all things and phenomena in the nature of being is due to cause-and-effect relationships.

Keywords: Buddhism, Chinese philosophy, Chinese Buddhism, cause-and-effect relationships, Huayang school, Fa Tsang, causality, everything that exists.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

CHINESE LANGUAGE AND TEACHING METHODS

УДК 327

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-99-108

ИННОВАЦИИ КНР В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

© **Гурулева Татьяна Леонидовна**

доктор педагогических наук, доцент,
Военный университет Министерства обороны РФ;
ведущий научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН
Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32
gurulevatatiana@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены инновации, реализуемые КНР в процессе международного обучения китайскому языку. Основной причиной нововведений является поставленная задача повышения качества международного обучения китайскому языку. В рамках решения этой задачи Китай провел реформу системы управления процессом международного обучения китайскому языку, а также осуществил трансформацию систем компетенций владения китайским языком и международного экзамена HSK в сторону их количественного и качественного усложнения.

Ключевые слова: китайский язык, международное обучение китайскому языку, преподавание китайского языка, новый стандарт уровней владения китайским языком, Институты Конфуция, Китайский фонд международного обучения китайскому языку, Центр международных языковых обменов и сотрудничества.

Для цитирования

Гурулева Т. Л. Инновации КНР в области международного обучения китайскому языку // *Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова.* Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 99–108.

В 2019 г. Китай опубликовал документ под названием «Модернизация образования Китая 2035», после чего приступил к реализации новой стратегии развития системы образования страны, рассчитанной на ближайшие 15 лет.

В указанном документе обозначена цель выполнить к 2020 г. все задачи 13-й пятилетки, значительно усилить совокупную мощь образования Китая и его влияние на международной арене, существенно повысить средние периоды обучения людей трудоспособного возраста, добиться серьезного прогресса модернизации образования, внести весомый вклад во всестороннее построение среднезажиточного общества. На этой базе в течение 15 лет, к 2035 г., планируется в основном осуществить модернизацию образования, войти в список миро-

вых образовательных держав (教育强国), способствовать превращению Китая в страну с высоким уровнем доступности образования (学习大国), в мировую державу с высоким уровнем развития человеческого капитала (人力资源强国) и квалифицированных кадров (人才强国), заложить прочную основу для превращения Китая к середине этого века в «демократическую, цивилизованную, гармоничную и прекрасную социалистическую модернизированную державу» [17].

Для достижения этой цели в области образования до 2035 г. поставлены 10 задач, среди которых 9-я задача сформулирована как «создание новой структуры образования, открытого внешнему миру» [17]. Эта задача предусматривает всестороннее повышение уровня международных обменов и сотрудничества, а также содействие взаимному признанию Китаем и другими странами ученых степеней, обмену образовательными стандартами и опытом. В формулировке задачи отмечается необходимость дальнейшей реализации образовательной инициативы «Один пояс, один путь»; укрепления сотрудничества с международными организациями, такими как ЮНЕСКО и многосторонними организациями; повышения качества работы образовательных учреждений, созданных в Китае совместно с иностранными партнерами. Поставлена задача оптимизации оказания образовательных услуг за рубежом; выполнения плана обучения иностранных студентов в Китае; создания и улучшения механизма обеспечения качества обучения иностранных граждан в Китае, а также всестороннего повышения качества их обучения. Планируется содействовать созданию высокоуровневых механизмов гуманитарного обмена с зарубежными государствами, расширять области гуманитарного обмена, содействовать развитию связи между народами и взаимодействию культур. Ставится задача особого развития Институтов и Классов Конфуция; ускорения строительства зарубежных международных школ с китайской спецификой. Планируется при определенных условиях создание за границей профессиональных учебных заведений «Мастерские Лу Баня». Китай намерен активно участвовать в управлении глобальным образованием, в исследовании и разработке принципов, стандартов и системы оценок международного образования; содействовать образовательным обменам и сотрудничеству с международными организациями и профессиональными учреждениями; оздоравливать механизмы иностранной помощи в образовании [17].

Таким образом, до 2035 г. в стратегию развития образования Китая входит дальнейшее распространение Институтов и Классов Конфуция в мире, а также создание зарубежных международных школ и профессиональных учебных заведений с китайской спецификой. Что касается тактических шагов, то в «Плане ускорения модернизации образования (2018–2022 гг.)» есть пункт (п. 9) «Содействие совместному строительству образовательной инициативы “Один пояс, один путь”», в котором помимо мер по развитию этого проекта также упомянута «оптимизация региональной структуры Институтов Конфуция, укрепление мощи Институтов Конфуция, повсеместное повышение уровня организации обучения» [14]. В конце этого пункта обозначено «усиление работы по международному обучению китайскому языку» [14]. Очевидно, что указанная стратегия и ее тактическая реализация даст новый импульс не только повышению качества китайского образования, «открытого внешнему миру», но и развитию многосторонне-

го и двустороннего международного образовательного сотрудничества, в особенности с соседними странами, такими как Россия [6], [5], что, в свою очередь, послужит дальнейшему развитию языкового китаеведческого образования в этих странах и в нашей стране [1].

Практическая реализация названной стратегии и планов в области международного обучения китайскому языку началась в 2020 г. с реформы системы управления этой областью. Как известно, до 2020 г. этот процесс возглавляла Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) (国家汉语国际推广领导小组办公室). Ханьбань находилась в прямом подчинении Министерству образования КНР, но при этом она была образована 12-ю государственными структурами: Канцелярией Госсовета, Министерством образования, Министерством финансов, Канцелярией Госсовета по делам китайцев, проживающих за границей, Министерством иностранных дел, Государственным комитетом по развитию и реформам, Министерством коммерции, Министерством культуры, Главным государственным управлением радиовещания, кинематографии и телевидения, Главным государственным управлением по делам прессы и печати (прессы и издательств), Пресс-канцелярией Госсовета КНР (бывшим Информационным бюро), Государственной комиссией по работе в области языка и письменности [10]. Целью Ханьбань было предоставление образовательных ресурсов и образовательных услуг изучающим китайский язык и культуру за рубежом в разных странах мира, с целью совместного развития культурного многообразия, внесения коллективного вклада в строительство гармоничного мира [11]. Основным инструментом деятельности Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) была сеть Институтов Конфуция (孔子学院), возглавляемая Штаб-квартирой Институтов Конфуция (孔子学院总部). Штаб-квартира Институтов Конфуция возглавлялась Правлением (孔子学院总部理事会).

В июне 2020 г. был создан Китайский фонд международного обучения китайскому языку (中国国际中文教育基金会, Chinese International Education Foundation). Фонд является благотворительной организацией, зарегистрированной в Министерстве гражданской администрации КНР (中华人民共和国民政部), находится в подчинении Министерства образования. Фонд учрежден 27 университетами, предприятиями и общественными организациями, осуществляет свою деятельность на основании устава, находится в г. Пекин. Первоначальный капитал фонда составлял 36,3 миллиона юаней, которые поступили в виде пожертвований от Пекинского университета языка и культуры (北京语言大学) и других 24 соучредителей. Целью фонда является содействие культурному обмену и укрепление международного взаимопонимания путем поддержки программ обучения китайскому языку по всему миру, а также содействие контактам и взаимообучению между многообразными мировыми культурами, внесение вклада в совместное строительство сообщества единой судьбы человечества. Управление деятельностью фонда осуществляет Правление, которое избирается на 5 лет в составе 5–25 человек. В настоящее время в состав Правления входит 9 членов, Председателем правления является действительный член Китайской академии наук Ян Вэй (杨卫). В Наблюдательный совет фонда, который также избирается

на 5 лет, входит 2 человека [16]. В июле 2020 г. Китайскому фонду международного обучения китайскому языку в полное управление был передан бренд Институтов Конфуция, а организация Ханьбань прекратила свое существование.

Штаб-квартира Институтов Конфуция 5 июля 2020 г. была переименована в Центр международных языковых обменов и сотрудничества (中外语言交流合作中心, Center for Language Education and Cooperation). Центр входит в Министерство образования КНР, это специализированное общественное образовательное учреждение, занимающееся предоставлением высококачественных услуг для изучения китайского языка и знакомства с Китаем народов разных стран по всему миру, это платформа для международных языковых обменов и сотрудничества, для взаимообучения многообразных мировых культур и дружеского взаимодействия. Основными функциями Центра являются: предоставление услуг для развития международного обучения китайскому языку, для содействия международным языковым обменам и сотрудничеству, комплексное создание системы ресурсов для международного обучения китайскому языку, участие в разработке стандартов в области международного обучения китайскому языку и организация их претворения в жизнь; поддержка преподавателей китайского языка, осуществляющих международное обучение, учебных материалов, научных дисциплин и научных исследований; организация и проведение экзаменов преподавателей, осуществляющих международное обучение китайскому языку, экзаменов, устанавливающих уровень владения китайским языком иностранными гражданами, укрепление признания систем оценивания; обеспечение функционирования проектов «Китайский мост», «Новое китаеведение», стипендий и других брендовых проектов в области международного обучения китайскому языку, организация и развитие международных языковых обменов и сотрудничества и др. Начальник Центра — Ма Цзяньфэй (马箭飞), который также является секретарем партийного комитета Центра [15].

Также некоторые изменения произошли в определении самого понятия «Институт Конфуция». Согласно предыдущему Уставу, Институт Конфуция — «некоммерческое образовательное учреждение, основной целью которого является усиление понимания китайского языка и китайской культуры людьми всего мира, развитие дружественных связей Китая с зарубежными странами, содействие развитию культурного многообразия мира, приложение усилий для создания гармоничного мира» [12]. В новой редакции Институт Конфуция позиционируется как «некоммерческое образовательное учреждение, совместно созданное китайскими и зарубежными партнерами, целью которого является содействие распространению китайского языка, углубление понимания народами мира китайского языка и культуры, содействие гуманитарному обмену Китая с другими государствами, укрепление международного взаимопонимания» [13].

Первыми результатами реформы системы управления процессом распространения китайского языка и культуры стала трансформация системы экзамена на знание китайского языка HSK, которую предварило вступление в силу 1 июля 2021 г. нового стандарта уровней владения китайским языком для международного обучения [9]. Новый стандарт разработан под руководством нового Центра международных языковых обменов и сотрудничества и Пекинского университета

языка и культуры, в качестве исполнителей выступили Международная компания с ограниченной ответственностью по образовательным технологиям HSK в Пекине (汉考国际教育科技北京有限公司) и Издательство Пекинского университета языка и культуры.

Таблица 1

Сопоставление количественных критериев уровней владения китайским языком в моделях 2009–2014 гг. и 2021 г.

Аспекты	Модель МКК 2009-2014 гг.						Модель МКК 2021 г.						
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-9-й
Слоги	-	-	-	-	-	-	269	468	608	724	822	908	1110
Иероглифы	150	300	600	1000	1500	2500	300	600	900	1200	1500	1800	3000
Слова	150	300	600	1200	2500	5000	500	1272	2245	3245	4316	5456	11092
Грам. темы	42	113	199	248	296	333	48	129	210	286	357	424	572

Первая система компетенций владения китайским языком, разработанная в 2007 г., имела пять уровней [7], в это время экзамен HSK состоял из 11 уровней. В 2010 г., после введения второй версии экзамена HSK соотношение уровней этих систем составило пять к шести. В 2014 г., в связи с переработкой содержания единой программы обучения китайскому языку как второму [8], компетенции владения китайским языком получили подробное шестиуровневое описание и по количеству уровней впервые сравнялись с экзаменом [3], [4]. Однако это произошло лишь через четыре года после запуска второй версии экзамена HSK. Таким образом, в 2021–2022 гг. впервые за всю историю существования экзамена HSK стандарт системы компетенций владения китайским языком как вторым для международного обучения был составлен и законодательно закреплен до начала функционирования самой экзаменационной системы и, очевидно, образовал с ней единый структурно-содержательный механизм оценки уровня владения китайским языком.

Проведенный анализ позволил выявить как очевидное несоответствие общего количества уровней владения китайским языком в моделях 2009–2014 гг. и 2021 г. (шесть и девять уровней), так и различия в количественном и содержательном наполнении уровней [2]. Сопоставление количественных критериев уровней владения китайским языком (компонентов «языковые знания» и «языковые количественные критерии») старой и новой моделей представлено в таблице 1.

Рассмотрим общие дескрипторы трех крупных уровней: начального, среднего и высшего, а также дескрипторы коммуникативной компетенции 1–9 уровней владения китайским языком (табл. 2).

*Общие дескрипторы начального, среднего и высшего уровней
с уровневым описанием коммуникативной компетенции (2021 г.)*

Уровни	Дескрипторы уровней
Начальный уровень	Способен в основном понимать простой языковой материал, осуществлять эффективную социальную коммуникацию. Способен строить законченные высказывания в рамках ограниченного количества тем, таких как повседневная жизнь, учеба, работа, социальная коммуникация и др., создавать с помощью частотных типов предложений короткие микротексты, решать простые коммуникативные задачи. Может использовать простые коммуникативные стратегии, способствующие осуществлению повседневной коммуникации. Имеет начальные знания о культуре Китая, обладает начальным уровнем межкультурной компетенции.
1-й уровень	Владеет начальными умениями аудирования, говорения, чтения и письма. Способен осуществлять короткое или пассивное общение на самые знакомые темы, реализовывать самую базовую социальную коммуникацию.
2-й уровень	Владеет базовыми умениями аудирования, говорения, чтения и письма. Способен осуществлять короткое общение на относительно знакомые темы, реализовывать простую социальную коммуникацию.
3-й уровень	Владеет общими умениями аудирования, говорения, чтения и письма. Способен осуществлять короткое общение на основные темы, касающиеся повседневной жизни, учебы и работы, реализовывать повседневную социальную коммуникацию.
Средний уровень	Способен понимать частотный языковой материал на различные темы, достаточно бегло осуществлять социальную коммуникацию, может строить основные последовательно связанные высказывания на достаточно сложные темы, касающиеся повседневной жизни, работы, профессии, общественной культуры и других областей. Может использовать частотные коммуникативные стратегии. В основном владеет знаниями о культуре Китая, обладает базовой межкультурной компетенцией.
4-й уровень	Владеет соответствующими умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также начальными переводческими умениями. Способен осуществлять в основном законченную, связную и эффективную социальную коммуникацию на достаточно сложные темы, касающиеся повседневной жизни, учебы, работы и другие.
5-й уровень	Владеет соответствующими умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также базовыми переводческими умениями. Способен осуществлять достаточно полную, свободную и эффективную социальную коммуникацию на сложные темы, касающиеся повседневной жизни, учебы, работы и другие.

Уровни	Дескрипторы уровней
6-й уровень	Владеет соответствующими умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также общими переводческими умениями. Способен осуществлять разнообразную, свободную, уместную социальную коммуникацию на темы, касающиеся учебы и работы в нескольких профессиональных областях.
Высший уровень	Способен понимать сложный языковой материал, разнообразный по тематике и стилю, принимать участие в глубоком общении и обсуждении. Может осуществлять соответствующую нормам, уместную социальную коммуникацию на сложные темы, касающиеся общественной жизни, научных исследований и др., придерживаясь ясной логики, строгой структуры, логичности и связности организации текста. Способен гибко использовать различные коммуникативные стратегии. Имеет глубокие знания о культуре Китая, владеет международным кругозором и межкультурной компетенцией.
7-й уровень	Владеет отлично сформированными умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также начальными профессиональными переводческими умениями. Способен осуществлять нормативную, беглую, уместную социальную коммуникацию на довольно широкие темы высокого порядка.
8-й уровень	Владеет отлично сформированными умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также базовыми профессиональными переводческими умениями. Способен осуществлять нормативную, беглую, уместную социальную коммуникацию на различные темы высокого порядка, а также профессиональные темы.
9-й уровень	Владеет отлично сформированными умениями аудирования, говорения, чтения и письма, а также профессиональными переводческими умениями. Способен комплексно использовать различные умения, в разных ситуациях осуществлять нормативную, беглую, уместную социальную коммуникацию на различные темы.

Можно заключить, что произошло значительное усложнение системы компетенций владения китайским языком как вторым для международного обучения. Увеличение обязательных к овладению языковых единиц (более чем двукратное для слов на итоговом 9-м уровне нового стандарта) произошло как за счет масштабного добавления совершенно новых языковых единиц на каждом из уровней, так и за счет преобразования имплицитного знания большого количества языковых единиц (слогов, слов) в эксплицитное знание, а также за счет более подробного описания грамматических единиц, их более точной и логичной структурированности (грамматические темы).

Механизмом перехода на новую экзаменационную модель заключается в следующем:

- в самое ближайшее время существующая шестиуровневая модель экзамена изменена не будет, и только в течение 3–5 лет произойдет постепенная подстройка экзамена под содержание новых 1–6 уровней;

- в декабре 2021 г. пройдут пробные экзамены на 7–9 уровни, а официально экзамен на эти уровни будет запущен в марте 2022 г., он будет представлять собой единое испытание, по результатам которого будет присваиваться один из высших уровней.

Разработчиками нового стандарта компетенций владения китайским языком косвенно признается, что 1–6 уровни старого экзамена HSK соответствуют 1–6 уровням новой модели экзамена. При этом нельзя сказать, что 7–9 уровни новой системы представляют собой некую дополнительную «надстройку сложности» над предыдущей шестиуровневой системой, поскольку 1–6 уровни также подверглись значительной структурной трансформации и усложнению. Также нельзя утверждать, что по сложности 7–9 уровни полностью соответствуют уровню «С» общеевропейской системы компетенций владения иностранным языком, так как включение в них требований к сформированности профессиональной переводческой компетенции делает эти уровни несколько более сложными, чем уровень свободного владения «С» общеевропейских компетенций.

Таким образом, в качестве основных инноваций КНР в области международного обучения китайскому языку мы можем выделить: 1) повышение качества международного обучения китайскому языку в рамках реализации общего курса на повышение качества образования, как внутреннего, так и «открытого внешнему миру»; 2) реформу системы управления процессом международного обучения китайскому языку, включающую оптимизацию финансирования Институтов Конфуция посредством ликвидации государственной структуры Ханьбань и создания негосударственного благотворительного Китайского фонда международного обучения китайскому языку, а также создание государственного Центра международных языковых обменов и сотрудничества, подчиненного Министерству образования; 3) трансформацию систем компетенций владения китайским языком и международного экзамена HSK в сторону их количественного и качественного усложнения.

Литература

1. Гурулева Т. Л. Высшее языковое образование в России: восточный вектор // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 252–261.
2. Гурулева Т. Л. Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования: монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательский дом ВКН, 2021. 252с.
3. Гурулева Т. Л. Компетенция владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики // Высшее образование в России. 2018. № 7. С. 153–163.
4. Гурулева Т. Л. Теория обучения китайскому языку и переводу (в языковой паре китайский — русский). Межкультурная лингводидактика: монография. Москва: Издательский дом ВКН, 2019. 444 с.
5. Гурулева Т. Л. Технологии социокультурной интеграции иностранных студентов: опыт российско-китайского образовательного сотрудничества // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 148–153.
6. Гурулева Т. Л. Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового востоковедческого образования (на материале китаеведческого образования): автореф. дис ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Улан-Удэ, 2011. 47 с.

7. Гоцзи ханьюй нэнли бяочжунь 国际汉语能力标准 [Стандарт компетенций владения китайским языком как вторым (на китайском и английском языках)]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2007. 20/19 页.
8. Гоцзи ханьюй цзяосюэ тунюн кэтан даган 国际汉语教学通用课堂大纲 [Единая программа международного обучения китайскому языку]. 北京: 北京语言大学出版社, 2014. 222с.
9. Гоцзи чжунвэнь цзяоюй чжунвэнь шуйпин дэнцзи бяочжунь 国际中文教育中文水平等级标准 [Стандарт уровней владения китайским языком для международного обучения китайскому языку]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf (дата обращения: 14.09.2021).
10. Гоцзя ханьюй гоцзи туйгуан линдао сяоцзу баньгунши 国家汉语国际推广领导小组办公室 [Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E6%B1%89%E8%AF%AD%E5%9B%BD%E9%99%85%E6%8E%A8%E5%B9%BF%E9%A2%86%E5%AF%BC%E5%B0%8F%E7%BB%84%E5%8A%9E%E5%85%AC%E5%AE%A4/9019622?fr=aladdin&fromid=3580146&fromtitle=%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E6%B1%89%E5%8A%9E> (дата обращения: 20.07.2018).
11. Гоцзя ханьюй гоцзи туйгуан линдао сяоцзу баньгунши 国家汉语国际推广领导小组办公室 [Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом]. URL: <http://www.hanban.edu.cn/hb/> (дата обращения 20.07.2018).
12. Кунцзы сюэюань цзунбу 孔子学院总部 [Штаб-квартира Институтов Конфуция]. URL: http://www.hanban.edu.cn/hb/node_7446.htm (дата обращения: 08.12.2020).
13. Кунцзы сюэюань 孔子学院 [Институты Конфуция]. URL: <https://www.cief.org.cn/kzxy> (дата обращения: 14.09.2021).
14. Цзякуай туйцзинь цзяоюй сяньдайхуа шиши фан'ань (2018-2020) 加快推进教育现代化实施方案 (2018—2022 年) [План ускорения модернизации образования (2018–2022 гг.)]. URL: <http://djw.swsm.edu.cn/info/1041/1341.htm> (дата обращения: 26.08.2021).
15. Чжунвай юйянь цзяолю хэцзо чжунсинь 中外语言交流合作中心 [Центр международных языковых обменов и сотрудничества]. URL: <http://www.chinese.cn/page/#/pcpage/publicinfodetail?id=140> (дата обращения: 14.09.2021).
16. Чжунго гоцзи чжунвэнь цзяоюй цзицзиньхуэй 中国国际中文教育基金会 [Китайский фонд международного обучения китайскому языку]. URL: <https://www.cief.org.cn/sy> (дата обращения: 14.09.2021).
17. Чжунгун чжунь'ян, го'у'юань иньфа «Чжунго цзяоюй сяньдайхуа 2035» 中共中央国务院印发“中国教育现代化 2035” [ЦК КПК и Госсовет опубликовали документ «Модернизация образования Китая 2035»]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 26.08.2021).

PRC INNOVATIONS IN THE FIELD
OF INTERNATIONAL EDUCATION
OF THE CHINESE LANGUAGE

Tatiana L. Guruleva

D. Sc. (Education), A/Prof.,
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;
Leading Research Fellow,
The Institute of Far Eastern Studies of the RAS
32 Nakhimovsky prospect, Moscow 117997, Russia
gurulevatatiana@mail.ru

Abstract. The article discusses the innovations implemented by the PRC in the process of international teaching of the Chinese language. The main reason for the innovations is the task to improve the quality of international teaching of the Chinese language. As part of

solving this problem, China carried out a reform of the management system for the process of international teaching of the Chinese language, and also carried out the transformation of the systems of competence in Chinese language proficiency and the international HSK exam towards their quantitative and qualitative complication.

Keywords: Chinese language, international teaching of the Chinese language, teaching of the Chinese language, a new standard of levels of proficiency in the Chinese language, Confucius Institutes, Chinese International Education Foundation, Center for Language Education and Cooperation.

УДК 372.881.1

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-108-115

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ АУДИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ-СТАРШЕКУРСНИКОВ, ИЗУЧАЮЩИХ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

© **Жигульская Дарья Антоновна**

преподаватель,

Высшая школа перевода МГУ им. М. В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1/51

das-z@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена важности развития аудитивных навыков и умений у студентов-старшекурсников, которые изучают китайский язык. В качестве примера приведены три варианта, как улучшить навыки аудирования: двусторонний перевод, просмотр фильмов и видео на YouTube.

Ключевые слова: аудирование, аудитивные навыки и умения, китайский язык, видео, фильм, двусторонний перевод.

Для цитирования

Жигульская Д. А. Развитие навыков и умений аудирования у студентов-старшекурсников, изучающих китайский язык // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 108–115.

Долгое время в методике преподавания иностранных языков существовала теория, что аудирование — это побочный навык, который автоматически приобретается при овладении таким умением, как говорение. Считалось, что если учащийся говорит, то он без труда поймет, что ему говорят.

Л. П. Клобукова и И. В. Михалкина в своей статье «Проблемы обучения аудированию в зеркале реальной коммуникации» отмечают, что именно тесная взаимосвязь аудирования с другими видами речевой деятельности (говорением и чтением) повлияла на то, что долгое время преподаватели и методисты иностранных языков игнорировали аудирование [3, с. 104].

Неправильность вышеизложенной точки зрения уже доказана как теорией, так и практикой.

Первой серьезной работой, посвященной аудированию, стала диссертация Пола Т. Ранкина (Paul T. Rankin) «Измерение способности понимать разговорный язык» (“The measurement of the ability to understand spoken language”) 1926 года. В 1928 году Ранкин в *English Journal* опубликовал работу «Важность умения слушать» (“The importance of listening ability”), где он утверждал, что в среднем взрослый человек тратит большую часть своего времени на слушание, затем на говорение, чтение и письмо.

Эдна Лю Фернесс (Edna Lue Furness) в своей статье «Методы обучения слушанию» (“Techniques for the Teaching of Listening”) писала, что в 30-е и 40-е годы XX века «появление таких статей, как «Почему не обучают слушанию?» (“Why not teach Listening?”), «Обучение искусству слушать» (“Teaching the Art of Listening”), «Параллели в обучении студентов слушать и читать» (“Parallels in teaching Students to listen and to read”) отражало растущее понимание и осознание проблемы» [8, с. 124].

Еще одной важной работой тех лет стала вышедшая в 1948 году публикация Ральфа Г. Николса (Ralph G. Nichols) «Факторы, объясняющие различия в понимании материала, представленного устно в классе» (“Factors accounting for differences in comprehension of material presented orally in the classroom”). Впоследствии Ральф Г. Николс напишет не одну книгу, посвященную проблемам аудирования, в том числе популярную на Западе монографию «Ты слушаешь?» (“Are you listening?”), и его назовут в США «отцом аудирования» (“Father of the Field of Listening”) [6, с. 514].

В советской и российской методике можно найти информацию о том, что понятие «аудирование» первым ввел американский психолог Дон Браун. Этот термин он использовал в своей работе «Преподавание английского на слух» («Teaching Aural English»), где сопоставил аудирование с чтением. В процессе аудирования он выделил три этапа: слушание, узнавание и интерпретация звукового символа [7, с. 128]. Как мы видим из вышесказанного, Дон Браун был не первым иностранным специалистом, который занимался изучением аудирования.

Одним из первых отечественных специалистов, который обратился к проблеме восприятия речи на слух, был Н. И. Жинкин. Он еще в 50-е годы определил этот процесс как анализ и синтез материальных средств языка: фонем, слогов, слов, интонаций и предложений, а под пониманием ученый подразумевал анализ и синтез сигнальных и смысловых значений всех этих средств [2, с. 63].

В 1963 году З. А. Кочкина в своей статье «Понимание звучащей речи (обзор американских работ)» привела данные, которые доказывают важность аудирования как вида речевой деятельности при изучении иностранного языка. Из 70% бодрствования 45% (большую часть) времени человек тратит на восприятие чужой речи [5, с. 162].

З. А. Кочкина в своей статье «Аудирование: что это такое?» раскрыла содержание данного термина: «аудирование — это процесс восприятия и понимания слышимой речи» [4, с. 16]. Это определение было взято за основу многими советскими и российскими учеными и методистами, вносящими в него уточнения и дополнения с учетом собственной точки зрения автора.

В отечественной методике у таких ученых и методистов, как А. Р. Арутюнов, Н. В. Елухина, И. Л. Бим, М. Н. Вяпютнев, Н. И. Гез, И. А. Зимняя, Д. И. Изарен-

ков, В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова, Е. И. Пассов, А. А. Леонтьев, А. Н. Щукин, Л. Б. Трушина, Э. И. Исаева, Л. П. Клобукова, И. В. Михалкина и другие, есть работы, посвященные теоретическим и практическим основам обучения аудированию.

Среди зарубежных специалистов вопросами обучения восприятия на слух занимались Р. Г. Николс (R. G. Nichols), Л. Блумфильд (L. Bloomfield), Э. Д. Уолвин (A. D. Wolvin), К. Г. Коакли (C. G. Coakley), Х. Д. Браун (H. D. Brown), М. Рост (M. Rost), М. Д. Кристенсен (M. D. Christensen), К. Адельманн (K. Adelman), Г. Бак (G. Buck) и др.

Сегодня именно обучение восприятию и пониманию иноязычной речи на слух является ключевой проблемой современной методики преподавания иностранных языков. Так как развитие аудитивных навыков облегчает овладение не только говорением, но и чтением, письмом. Развивая навыки аудирования, мы закладываем хорошую базу для других видов речевой деятельности.

В своей статье «Аудирование на занятиях по китайскому языку. Учебные пособия» мы подчеркивали, что «плохо развитые навыки восприятия речи чаще всего являются одной из причин невыхода учащихся в коммуникацию: студент не понял на слух, что ему сказали, поэтому решил не вступать в диалог. Отсутствие заданий на развитие навыков аудирования или недостаточное количество таких упражнений также приводит к тому, что учащийся не уверен в своих силах, поэтому боится говорить» [1, с. 75].

Во многих высших учебных заведениях России аудирование выделено в отдельный предмет. Но эта практика распространена не везде. Многие по-прежнему сталкиваются с проблемой, как развивать навыки восприятия речи в отсутствие отдельно выделенной пары. Перед преподавателями встает проблема, какой учебник выбрать, как построить занятие по аудированию или как включить элементы аудирования в общее занятие.

Китайский язык — не исключение. По ряду объективных причин (сложность языка, нехватка времени на уроке, недостаток и отсутствие учебных материалов) преподаватели китайского языка иногда не успевают уделять должного внимания развитию аудитивных навыков у учащихся.

Мы хотим остановиться на тех средствах обучения аудированию, которые мы используем на старших курсах в Высшей школе перевода МГУ.

1. Двусторонний перевод

Для закрепления нового лексического и грамматического материала мы внедряем элементы двустороннего перевода в нашу работу со студентами старших курсов.

Такой формат работы не только помогает проверить, как учащиеся усвоили пройденный материал, но также развивает навыки и умения аудирования.

Мы включили двусторонний перевод в работу по учебнику «Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс», авторами которого являются И. В. Войцехович и А. Ф. Кондрашевский. К текстам, которые мы проходили, были разработаны материалы в формате диалога, в котором одна фраза была по-китайски, одна — по-русски. Всего 8–10 фраз. Содержание таких диалогов полностью соответствовало пройденным текстам и изученным именным, глагольно-именным словосочетаниям и синтагмам.

В качестве примера приведем отрывок из двустороннего перевода к тексту 7 урока 7:

- 我听说, 2001 年中国加入了世界贸易组织。请你给我仔细地介绍一下这个国际组织。

- Я не так давно прочитала статью про устройство ВТО. Знаю, что высшим полномочным органом является конференция министров.

- 部长会议由哪些部长组成? 外长吗?

- Нет. В конференции участвуют министры, которые отвечают за внешние экономические связи и внешнюю торговлю, их заместители и полномочные представители.

Так как такой формат применялся впервые, то в конце учебного года студенты прошли опрос, где рассказали о своих впечатлениях. Они отметили, что двусторонний перевод не только помог им лучше усвоить новую лексику, но и улучшил навыки аудирования.

2. Фильм

В процесс обучения китайскому языку можно включить просмотр фильма, таким образом, совместить приятное с полезным.

Мы считаем, что главным залогом успеха является методически правильно выстроенная работа с фильмом. Перед просмотром преподаватель должен снять лексические и грамматические трудности, с которыми учащиеся могут столкнуться в процессе просмотра. А после просмотра необходимо обсудить увиденное, закрепить пройденный материал.

Мы разработали пособие «Это интересно! Учим китайский по фильмам» (автор Д. А. Жигульская). Уже вышло две части. В первой мы предлагаем посмотреть две комедии: «人在囧途» («Потерявшиеся в пути» / «Lost on journey») и «重返 20 岁» («Снова 20» / «20 once again»). Вторая часть посвящена драме «我不是药神» («Умираю как хочу жить» / «Dying to survive») и мелодраме «老师好» («Песня молодости» / «Song of Youth»).

Каждый фильм поделен на эпизоды длительностью 10–15 минут. Перед просмотром эпизода учащимся предлагается ознакомиться с новыми словами. К каждому эпизоду есть ряд однотипных заданий:

- после первого просмотра эпизода ответьте, верны ли следующие утверждения (задание типа 对不对);
- после второго просмотра ответьте на вопросы;
- после второго просмотра определите, кто и кому говорит следующие фразы;
- после третьего просмотра переведите на китайский предложенные фразы.

Все вышеперечисленные задания направлены на понимание увиденного. Кроме этих заданий есть также задания на развитие коммуникативных навыков. В зависимости от эпизода вам предлагается высказать собственное мнение, или пересказать увиденное, или продумать, как будут развиваться события дальше. Помимо этого присутствуют задания, где учащиеся должны составить скрипты отдельных фрагментов или вставить пропущенные слова в реплики героев.

Также есть творческие задания, например, разыграть по ролям любой понравившийся момент из фильма.

Последние несколько лет мы активно включаем фильм в нашу работу со студентами старших курсов. Они дома смотрят фильм, выполняют задания, а на уроке мы проверяем выполненные задания и обсуждаем увиденное.

Такой формат работы не только развивает навыки и умения воспринимать речь на слух, но и знакомит учащихся с Китаем, его культурой, обычаями и традициями. Следует подчеркнуть, что тот язык, который студенты слышат в фильмах, живой, разнообразный, современный.

3. YouTube

Сегодня в связи с распространением коронавирусной инфекции попасть в Китай представляется невозможным. На помощь приходит Интернет. Видео и аудиоматериалы, выложенные в Интернете, могут помочь восполнить отсутствие языковой среды.

На крупнейшем видеохостинге YouTube можно найти немало видео на китайском языке.

Безусловно, включение просмотра видео в учебный процесс требует от преподавателя затрат по времени. Необходимо: 1) подобрать подходящий и интересный видеоматериал; 2) снять лексические и грамматические трудности перед просмотром; 3) разработать задания, которые помогут проверить, поняли ли учащиеся увиденное.

Целесообразно остановиться на заданиях к видео. К видеосюжету, который будут смотреть учащиеся, можно разработать следующие задания:

- посмотрите видео и ответьте на вопросы;
- посмотрите видео и выберите правильный ответ;
- посмотрите видео и определите, верны ли утверждения;
- посмотрите видео и перескажите увиденное, используя опорные слова;
- посмотрите видео и заполните пропуски.

В качестве примера приведем разработанное нами задание к видеосюжету, в котором Ма Юнь (Джек Ма) поздравляет своих коллег и сотрудников с днем компании.

Новые слова / 生词

内疚
证婚人
索取
碧

Задание 1. Посмотрите видео «马云罕见谈婚姻和孩子：婚姻很麻烦，希望多生孩子 170510 今日热播 腾讯视频» https://www.youtube.com/watch?v=aiBxJ2GMb_k&ab_channel=%E5%A4%A7%E5%92%96%E4%BC%A0%E6%92%AD

и выберите правильный ответ (может быть несколько правильных ответов):

- 1) 今年是个第几个阿里日?
  - A. 第十三个阿里日
  - B. 第三个阿里日
  - C. 第十四个阿里日
  - D. 第十二个阿里日
- 2) 今年是个第几次集体婚礼?
  - A. 第 13 次集团婚礼
  - B. 第 3 次集团婚礼
  - C. 第 11 次集团婚礼
  - D. 第 12 次集体婚礼
- 3) 马云参加了多少次集体婚礼?
  - A. 十次
  - B. 十二次
  - C. 十一次
  - D. 没说
- 4) 视频中马云身在哪个国家?
  - A. 南美
  - B. 美国
  - C. 阿根廷
  - D. 墨西哥
- 5) 来到美国以前马云访问了哪些国家?
  - A. 墨西哥
  - B. 阿根廷
  - C. 墨西哥和阿根廷
  - D. 没说
- 6) 马云通过什么方式向大家祝福?
  - A. 通过应用软件
  - B. 通过网络
  - C. 通过手机电话
  - D. 通过邮件
- 7) 为什么今年的集体婚礼使得阿里巴巴更加全球化、更加国际化?
  - A. 还有香港的新人
  - B. 还有台湾的新人
  - C. 还有欧洲的新人
  - D. 有来自世界各地的新人
- 8) 新人
  - A. 有德国的和美国的
  - B. 有荷兰的
  - C. 有德国的, 印度的, 美国的和法国的
  - D. 有荷兰的, 印度的, 美国的和德国的
- 9) 生活必须认真, 我们要
  - A. 快乐工作
  - B. 必须要有孩子
  - C. 必须要有家庭
  - D. 必须要有婚姻生活
- 10) 根据马云的话, 爱情是什么?
  - A. 比较浪漫
  - B. 讲究给予
  - C. 是索取
  - D. 责任
- 11) 根据马云的话, 婚姻是什么?
  - A. 比较浪漫
  - B. 讲究给予
  - C. 担当和责任
  - D. 麻烦

DEVELOPING LISTENING SKILLS AND ABILITIES
IN GROUPS OF SENIOR STUDENTS WHO STUDY CHINESE

Daria A. Zhigulskaia

Lecture,

School of translation and interpretation,

Lomonosov Moscow State University

1/51 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

das-z@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the importance of developing listening skills and abilities among senior students, who study Chinese. As an example there are three ways of improving listening skills: bilingual translation, watching films and YouTube videos.

Keywords: listening, listening skills and abilities, Chinese, film, video, bilingual translation.

УДК 811.581.11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-115-121

**ДИАЛЕКТНЫЙ ПРОЦЕСС
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ**

© **Курдюмов Владимир Анатольевич**

доктор филологических наук, профессор,

Московский городской педагогический университет

Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4/1

vkplans@gmail.com

Аннотация. В процессе комплексной подготовки обучаемый-китаист должен не только сосредоточиться на изучении языка путунхуа, но и знать закономерности формирования региональных вариантов и, в идеале, слышать и переводить эти варианты, уметь говорить на них. В русле предикационной концепции языка в статье рассматривается понятие диалектного процесса, описываются фонетические особенности и ряд общих детерминант современного языка гоюй.

Ключевые слова: гоюй, путунхуа, региональные варианты, диалектный процесс, фонетика.

Для цитирования

Курдюмов В. А. Диалектный процесс и региональные варианты китайского языка в учебном процессе // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 115–121.

1. Несмотря на определённую деградацию представлений о характеристиках специалиста, владеющего китайским языком (КЯ), мы неизменно продолжаем отстаивать приверженность комплексной и системной подготовке: изучая язык в рамках любого варианта специальностей, выпускник должен не только владеть

основами континентального *байхуа* в форме *путунхуа*, но и, как минимум, иметь представление об основах классического литературного языка *вэньянь*, закономерностях формирования и дистинкции «диалектов», региональных вариантов и акцентов, не говоря уже об общих (опять же, системных) знаниях об истории и политической ситуации. Всё перечисленное необходимо знать, уметь объяснять, владеть речевыми навыками, чтобы ориентироваться в той или иной коммуникативной ситуации.

2. До настоящего времени продолжают дискуссии о «диалектах» КЯ: в России и КНР семь-двенадцать групп считаются диалектами, в западных странах — языками. Как и в любой подобной ситуации, вопрос более зависит от политических установок (и устремлений).

3. Исходя из собственного многолетнего опыта, мы полагаем, что: а) лингвистические исследования не могут определяться политическими предпочтениями (обратное ведет к ненаучности и негативным последствиям), б) язык суть динамическая система в синхронии и диахронии, его необходимо рассматривать как процесс, не заостряя внимания на схоластических/ категорических «или-или». В рамках нашей предикационной концепции языка [2] правильнее говорить о «диалектном процессе»: обособлении той или иной общности, формировании условного «регионального варианта», затем «диалекта» — и затем, при потенциалах формирования нации, государства, устойчивой идеологической или территориальной общности, лингвисты и политики могут позволить себе судить о (процессе же) формировании национального языка. Мы высоко ценим новаторские достижения лингвистической вариантологии и концепций обособления языков, в детальной форме предложенных для регионолектов английского [5, 6; также 3].

4. Типичным заблуждением обучаемых (и ряда преподавателей) является отождествление континентального стандарта *путунхуа* (ПТХ) и островного варианта *гоюй* (ГЮ) на острове Тайвань. Массовые вузовские представления в России заключаются, обычно, в том, существуют лишь «несущественные» расхождения в «оттенках» фонетики и письменности, — что, однако, не соответствует реальности. Стажировки студентов и в том, и в другом регионе, определённая «лингвистическая инфантильность» делают проблему «расхождения и различения» достаточно актуальной для обучения. Безусловно, ПТХ и ГЮ могут быть взаимопонятными на слух, безусловно, жители острова не будут исправлять недочёты в речи иностранцев-китаистов, равно как и безусловно, что говорение на ПТХ не доставляет эстетического наслаждения носителям ГЮ, — студенту на стажировке, лучше осознать системность различий и овладеть местным стилем речи. В российских изданиях не так много публикаций на данную тему, наиболее концептуальными и насыщенными примерами являются статьи московского лингвиста Тан Мэн-вэя [7, 8]. В тайбэйском университете Чжэнчжи описанием специфики *гоюй* занимается профессор Хэ Вань-шунь [9] и ряд других авторов.

5. ПТХ / ГЮ имеют общий источник: «гоюй до 1949 г.», после чего они пошли разными путями, и в 1950–1960е гг. в каждом из них произошли значимые перемены: ПТХ всё более ориентировался на язык Пекина и требования идеологии, а ГЮ всё дальше от «Пекина» уходил, в том числе, под влиянием *хокло* — островного варианта миньнаньского [8, 9], который обычно называют *台語 тайюй* и широко используют в быту.

При якобы «взаимопонятности» различия проходят (как минимум) по линиям: произношения, лексики, грамматики, стилистики, текста / дискурса. Как указывают некоторые источники, лексика расходится на 60–70%, с чем мы, исходя из собственного опыта, согласны. Прописанные в классических учебниках грамматические правила тоже часто «не срабатывают»: к примеру, глагольно-объектные лексемы вполне допускают прямое дополнение в постпозиции (幫忙我 *bāngmáng wǒ* и т. п.). Тщательно отрабатываемая на занятиях эризация тоже не имеет практического применения: в рамках общей картины языка она начинает казаться не только избыточной, но и «грубой» / аномальной. Аналогично — и нулевой тон: на острове тонируют *каждый* слог. Стилистически современный ГЮ гораздо вежливей ПТХ: к примеру, в официальной речи при обращении используется не местоимение 您 *nín* Вы, а третье лицо: *He хотел бы профессор...*, при этом в большинстве официальных ситуаций классификаторы персон 個 *gè* и 名 *míng* «заменяются» (понятно, что это не замена, а естественное функционирование) на «почтительный» классификатор 位 *wèi*, даже, если, к примеру, речь идёт о студентах. Политес и демократичность общества не допускают лексем типа *вождь* или *начальник*: 領袖 *lǐngxiù*, 領導人 *lǐngdǎorén*, 首長 *shǒuzhǎng* — вне употребления, они смешны и неприличны, даже 長官(的) *zhǎngguān (de)* фигурирует достаточно редко, наиболее употребительна единица 主管(的) *zhǔguǎn (de)* — «основной ответственный». Поскольку детерминантой коммуникации является вежливость, почтительность, стремление быть милым и приятным, то даже по отношению к детям, как «детского» возраста, так и в принципе, любым детям любых родителей, используется лексема 小朋友 *xiǎopéngyǒu*: вопрос 你有小朋友嗎? *Nǐ yǒu xiǎopéngyǒu ma?* означает: *Есть ли у тебя дети?* и ни что иное. Равно так же лишён смысла вопрос при обращении и даже выглядит (крайне) неприличным: 你多大 (歲數)? *Nǐ duō dà (suìshù)?*, в любом возрасте вежливо спрашивать 你幾歲? *Nǐ jǐ suì?*

Строение текста / стратегия дискурса в ГЮ также ориентируется на максимальное выражение уважения к собеседнику, что сформировало особую норму: письменный ГЮ, который европеец, даже прилично владеющий КЯ, часто не может понять и проанализировать, где текстуальные пропозиции скрываются за океанами вежливых формулировок и иносказаний.

6. Рассмотрим более подробно фонетические вариации в ГЮ, отличающие его от норм «вузовского» ПТХ. Если еще в 1950-х годах, судя по островным фильмам того времени, нормой была пекинская фонетика (см. к примеру, известную кинокартину «Стюардесса» (空中小姐, 1959, [https://youtu.be/ d0Jo0l4sW_E](https://youtu.be/d0Jo0l4sW_E)), то в настоящее время существует ряд чётких отличий. При этом проблемы для научного изучения могут возникать из-за того, что в целях «унификации» со «всемирным» учебным ПТХ рекомендации Министерства образования Тайваня, местами, подгоняются под «пекинские» нормы.

6.1 По Поливанову [4] — китайский слог это система позиций 1-2-3-4, где («в полном» слоге) первый звук — согласный, второй — промежуточный гласный типа *-u-*, *-i-*, *-ü-*, третий — гласный, четвёртый — конечный носовой (ошибочно считаемый согласным) *-n (=ŋ) /ŋ (=i)* [1, с. 68]: к примеру *huang* (h-u-a-i).

При этом, если на континенте широко используется латинизированная азбука 拼音字母 *пиньинь цзыму*, формулу слога отражающая достаточно приблизительно, то на Тайване — азбука 注音字母 *чжуинь цзыму* (ㄅㄆㄇㄏ бопомофо), которая более логична.

6.2 Смешение фрикативов: шипящих и свистящих, а также аффрикат.

Существует иллюзия, что тайваньцы неизменно «переводят» в свистящие те звуки, которые на континенте в норме (но не в узусе) являются шипящими и аффрикатами с шипящими: $f - s$, $tʃ - ts'$, $dʒ - dz$. Реальная проблема более комплексна, связана с местными и семейными акцентами, и вероятны следующие стандартные соответствия: “шипящий ↔ свистящий”; наоборот, “свистящий ↔ шипящий”, “шипящий ↔ зубной щелевой типа английских (th): θ и θ' ”.

6.3 Редукция звука *и* во второй позиции слога (явление 無中介音 *wu*).

Не слишком заметное, но тем не менее, отмечаемое явление, чаще всего, в сочетании *-ио*: 說 *говорить shuō* → *shō / sō*, 我 *я wǒ* → *ōu*, 錯 *ошибаться cuò* → *cò, còu*. В ПТХ же сочетание *-о* с согласными “напрямую”, без *-и* почти запрещено (кроме *bo, po, mo, fo*).

6.4 Переход *-й* → *-и* (явление 無中介音: $\ddot{u}$ (= “юй”) → “и”).

На континенте в слогах типа $[1-\ddot{u}\ddot{a}]$: *уан* и пр. второй звук *-й* (ещё одна модификация звука *-и* $[1]$ произносится достаточно отчётливо и воспринимается как таковой (нечто вроде “ю” — во второй позиции и “юй” — как терминаль — для нетренированного русского слуха) носителем русского. На острове в большинстве случаев *-й* стремится к “чистому” *-и*, и слоги типа *уан* $[\ddot{u}\ddot{a}]$ звучат как *уан* $[\ddot{u}\ddot{a}]$ или *уан* $[\ddot{u}\ddot{a}]$: 公園 *gōngyuán* → *gōngy(e)án парк*, 圓山 *yuánshān* → *y(e)ánshān (станция метро) Юаньшань*. К примеру, живущие в Тайбэе русские, не знающие языка, упорно называют упомянутую станцию метро *Еньшань* — так, как слышат.

Примерно то же происходит со слогами типа *qi* $[\ddot{t}\ddot{u}]$: фраза *Куда ты пойдёшь завтра* 你明天要去哪裡? слышится как 你明天要去哪裡? — *qi* $[\ddot{t}\ddot{u}]$ → *qi* $[\ddot{t}\ddot{e}i]$.

6.5 Переход *-ng* → *n* $[\eta (=i)]$ → $n (=i)$ в четвёртой позиции слога (явления *-eng* 全變 *en* и *-an, -ang* 不分).

Студентов, упорно учат различать конечные звуки, которые русскому слышатся как *-н* и *-нь*, но, по мнению Н. А. Алексахина [2006], скорее, являются модификациями *i*: $\ddot{i}$ & $\ddot{i}$.

Однако в речи на острове такие звуки обычно не дифференцируются. Чаще всего это происходит в слогах *yíng* (→ *yín*), *-eng* (→ *-en*), *-ang* (→ *-an*) (к тому же, в тайваньской фонологии слоги *yíng* & *yín* интерпретируются как сочетания *i + -eng* & *i + -en*, что в континентальной обычно резко отрицается).

Русский переводчик, ориентирующийся на качество звука, а не тон, слышит вместо 綠營 *lù yíng* кемпинг — 錄音 *lù yīn* звукозапись, вместо 曾經 *céng jīng* в прошлом, некогда — *cén jīn*, вместо 幫忙 *bāng máng* помогать — *bān mán* и пр.

6.6 Смешение *l* и *n* (явление *n/l* 不分).

Переходы *l* → *n* и *n* → *l* достаточно типичны для носителей КЯ в южных регионах. На Тайване фраза *Я очень стар* *Wǒ hěn lǎo* *Я стар* может звучать как *Wǒ hěn*

nǎo. Переход типа $n \rightarrow l$, с нашей точки зрения, встречается не так часто: 女護士 *nǚ hùshì* → *lǚ hùshì*, — все же более китайское континентальное явление.

6.7 Не-дифференциация звуков *r* и *l* (явление *l/r* 不分).

Министерство образования на острове требует чёткого произнесения «китайского *r*-» в первой позиции слога. Между тем, даже в пекинской норме четкий акустический идеал отсутствует: пекинцы произносят нечто вроде русского “ж”, дикторы для учебников вполне могут приближать такой звук к русскому “й” или “й-твердому”. В ГЮ *r* часто отождествляют с китайским *l* (чуть более заднеязычным, чем русский), таким образом, фраза 今天好熱喔 *Jīntiān hǎo rè o* Сегодня *оx* как жарко звучит как 今天好樂喔 *Jīntiān hǎo lè o* Сегодня *оx* как весело (при этом не возникает непонимания).

6.8 Отсутствие эризации (явление 無兒化).

Явление на стыке фонологии и морфологии. Эризация — (почти) фузионное слияние суффикса 兒 *-er* с корнем, в результате чего в ПТХ (и в норме, и за пределами) существительные становятся (дискурсивно приемлемыми) уменьшительно-ласкательными: 老頭兒 *lǎotó[u]r* дедушка, 小孩兒 *xiǎohá[i]r* ребёночек, 圖書館兒 *túshūguǎ[n]r* библиотечка, при этом терминальные звуки выпадают. На острове такое исключено в принципе и считается одним из признаков «грубости». В противовес 兒 *-er* в ГЮ более распространён суффикс 子 *-zi* /-цы (опять же, при том, что он часто выпадает там, где принят в пекинском: 鞋拔子 *xiébázi* → 鞋拔 *xiébá* рожок для обуви). Местные жители, в принципе, не любят *-er* в конечной позиции, предпочитая, даже в заимствованиях (в отличие от жителей континента), употреблять просто *-e* вместо, к примеру, 爾-ěr: 香奈兒 *xiǎngnài'è* Шанель, 模特兒 *mótè'é* модель — что создаёт комический эффект: “гусь Шанель”, “модельный гусь”.

6.9 Фузия корня и частицы в южном произношении ($-^2i \rightarrow -w-$). В речи молодых жителей региона г. Тайнань утвердительно 對 *duì* [tu²i⁴] да, правильно сливается с частицами серии 啊 *a* / 喔 *o* / 哦 *o*, при этом конечное $-^2i$ слога пропадает, порождая *-w-* / *-u-* (редукция *-i* + дередукция $-^2 \rightarrow -ə-$ + переход $-ə- \rightarrow -u-$), таким образом, 對啊 / 對喔 будут звучать как *du-wa* / *du-wo*, причём даже не обязательно сохраняется явный четвёртый тон.

6.10 Отсутствие нулевого тона (явление 輕聲消失): в лексических единицах, где «норма» требует нейтрального тона, и где вторая корневая морфема стремится к переходу в аффикс: 先生 *xiānshēng*, 學生 *xuéshēng*, а также 東西 *dōngxī*, 沒關係 *méi guānxi* и др.

6.11 Иной тон в ГЮ. Наиболее частые примеры 俄羅斯 *Россия* *Èluósī* → *Èluósī*, 法國 *Франция* *Fǎguó* → *Fàguó*, в которых в первом случае в первом слоге «вместо» второго — четвёртый тон, во втором случае четвёртый тон — вместо третьего [9, с. 178].

6.12 Полная / частичная смена фонемного состава: 垃圾 *мусор* звучит как *lès(h)è* вместо *lājī*, 說服 *убеждать* как *shuífú* — вместо *shuōfú*, 包括 — *bāoguā* / *bāokuā* вместо *bāokuò* и т. д. [9, с. 178].

6.13 Просодические явления. Не так сложно заметить, что в нормативной континентальной «убеждающей» речи где-то во второй трети высказывания (в комментарии) ставится усиленное фразовое ударение (один из признаков “пекинского” акцента), что жителям острова кажется чуждым и неприятным, особенно в ситуации критики (которая не принята в явном виде; речь должна быть “милой”, не резкой и плавной по просодической интонации).

7. Таким образом, студент, профессионально изучающий КЯ, неизбежно сталкивается с явно выраженными различиями двух стандартов: ПТХ и ГЮ. Следовательно, и преподаватели факультетов китайского языка в России, и сами обучаемые должны понимать лингвистические (равно как и исторические / политические / географические) основы такого расхождения, и, по мере возможности, — владеть ими, а также — уметь объяснять — в рамках постоянно декларируемой нами комплексной системы подготовки квалифицированного / образованного китаиста.

Литература

1. Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка: учебное пособие для вузов. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. 207 с.
2. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. Москва: Воен. ун-т, 1999. 194 с.
3. Ощепкова В. В. Новое лингвистическое направление — контактная вариантология английского языка. Рецензия на учебное пособие З. Г. Прошиной «Контактная вариантология английского языка. World Englishes paradigm. Проблемы теории» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2016. № 6. С. 101–105.
4. Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языковедение и общей фонетике. Москва: Изд-во URSS, 2019. 110 с.
5. Прошина З. Г. Английский язык и культура Восточной Азии: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 474 с.
6. Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка. World Englishes paradigm. Проблемы теории: учебное пособие. Москва: Флинта. Наука, 2017. 208 с.
7. Тан Мэн Вэй. Китайский язык в Китае и на Тайване: Особенности лексического строя и проблемы его изучения // Международная конференция «Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование»: доклады и сообщения. Москва. Улан-Удэ: Ин-т языковедения РАН; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2019. С. 200–204.
8. Тан Мэн Вэй. К вопросу о различиях фонетической системы китайского языка в материковом Китае и на Тайване (в аспекте преподавания китайского языка как иностранного в России) // Преподаватель XXI век, 2020. № 3. С. 173–181.
9. Хэ Ван-шунь. Лунь Тайвань Хуаюйдэ Цзайдихуа (One-Soon Her) 何萬順 論台灣華語的在地化 (On the Indigenization of Taiwan Mandarin) [К вопросу о аборигенизации тайваньского китайского языка] // 《澳門語言學刊》 (Journal of Macau Linguistics Association), 2010. 35.1: P. 19–29.

DIALECT PROCESS AND REGIONAL CHINESE LANGUAGE VARIETIES IN PROFESSIONAL EDUCATION

Vladimir A. Kurdyumov

Dr. Sci. (Philology), Prof.,

Moscow City University

4/1 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, Moscow 129226, Russia

vkplans@gmail.com

Abstract. A Chinese language student should not only focus on learning standard putonghua, but also understand the norms (of the formation) of regional varieties and, ideally, be able to hear, speak and translate. Based on the predicational theory of language, the article introduces the notion of the “dialectal process”, describes the phonetics and a number of determining features of present day Goyu.

Keywords: Goyu, Putonghua, regional variants, dialectal process, phonetics.

УДК 811+378

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-121-126

РАЗГАДЫВАНИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗАГАДОК КАК МЕТОД СТИМУЛИРОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

© **Чистякова Агния Николаевна**

кандидат исторических наук, доцент,

Новосибирский государственный педагогический университет

Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

feng@ya.ru

Аннотация. Неотъемлемой частью изучения китайского языка является курс иероглифики. В уже существующих системах и методиках обучения акцент делается на механический способ запоминания: изучается порядок черт, правильность написания. Другая методика — мнемотехника — визуализация и построение ассоциаций иероглифов с определенными картинками. Автор предлагает в качестве дополнительного метода обучения использовать разгадывание иероглифических загадок и ребусов в процессе обучения китайскому языку и культуре.

Ключевые слова: китайские загадки-ребусы, иероглифическое письмо, идиоматические выражения, омонимия, китайский язык.

Для цитирования

Чистякова А. Н. Разгадывание иероглифических загадок как метод стимулирования изучения китайских иероглифов // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 121–126.

Во многих школах и вузах России ведется преподавание китайского языка. Неотъемлемой составной частью в изучении является курс иероглифики как отдельной дисциплины, так и в сочетании с другими аспектами. Очень важный вопрос для преподавателя вне зависимости от курса обучения — выбор методики для изучения китайских иероглифов. Унифицировать систему преподавания иероглифики трудно: зависит от количества учебных часов, курса обучающихся, специальности и т. д. В уже существующих системах и методиках изучения ключей и иероглифов акцент, в основном, делается на порядок выписывания черт, соблюдения их количества в каждом иероглифе, правильность написания, их красоту. Фактически к каждому учебнику или пособию прилагаются «Прописи»

(А. Ф. Кондрашевский «Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике. Часть 2. Прописи»; Ю. В. Рюнин «Прописи по китайскому иероглифическому письму. 1-ый этап обучения» [3; 4]. Это механический способ запоминания, который дает хорошие результаты. Его недостаток том, что при выборе только данного метода обучения не предпринимается никаких усилий для объяснения взаимосвязи составных частей иероглифов.

Другой популярной методикой является использование визуализации и построение ассоциаций (мнемотехники) иероглифов с определенными картинками. Основной способ запоминания — приём образования ассоциации (связка образов, кодирующих элементы запоминаемой информации). На этой методике построена серия книг «Fun with Chinese Characters» [10], «Chineasy» [9], в которых иероглифы представлены в виде ярких картинок-ассоциаций.

На китайских сайтах стали популярны мнемонические иероглифические загадки:

谜面: 十粒豆入口来 (打一字) 谜底: 喜.

Загадка: *десять бобов вошли в рот (угадайте один иероглиф)*. Ответ: иероглиф 喜 xǐ «радостный, веселый, нравится». Потому что сам иероглиф состоит из ключей: 十 shí «десять», 豆 dòu «бобы» и 口 kǒu «рот» [5].

Однако недостаток мнемонических методов — это неверное применение мнемотехники или использование неверных ассоциаций студентами, которые подменяют осмысленное логическое запоминание механическим заучиванием.

Один из распространенных методов работы с иероглификой в китайской школе — разгадывание иероглифических загадок и ребусов. Примером является изданный в Гуанчжоу «Большой словарь иероглифических загадок» (汉字字谜大典) [7]. В последнее время появились сайты с так называемыми иероглифическими загадками в картинках /иероглифическими ребусами 画谜字谜 /画字谜, по структуре напоминающими привычные нам ребусы.

Само слово появилось из латинской фразы «Non verbis sed rebus» («Не словами, а при помощи вещей»). Латинское слово rebus происходит от res — вещь, предмет. Загадка, в которой искомое слово или фраза изображены комбинацией фигур, букв, знаков [6, с. 420].

Таким образом, в современной понимании, ребус представляет собой загадку, состоящую из изображений предметов (рисунков в сочетании с буквенными композициями и другими знаками), созвучных со словами или частями слов загадки. Несколько ребусов могут быть объединены в одном рисунке или в виде последовательности рисунков с тем, чтобы составить фразу или предложение.

Ребусы представляют собой не только увлекательную игру, которая помогает расширять словарный запас, развивать логику, но и улучшает концентрацию внимания и оперативную память.

Автор статьи, изучив ребусы, ставит задачу выделить особенности иероглифических загадок-ребусов и предлагает варианты использования их в процессе обучения на занятиях по китайскому языку и культуре.

Следует отметить существенное отличие между китайскими и русскими загадками и ребусами, которое заключается, прежде всего, в алфавитном и иероглифическом письме, поэтому различаются методы работы с ними.

В зависимости от сложности ребусы можно разделить на несколько уровней и использовать их на разных этапах обучения. 1) Простые ребусы, так называемые иероглифы-картинки, на которых вместо одного из иероглифических ключей изображение реального предмета, связанного со значением данного иероглифа. 2) Ребусы среднего уровня сложности, на которых один или несколько простых иероглифов составляют слово. 3) Сложные ребусы: несколько иероглифов составляют чэньюй или благопожелательное выражение.

На начальном этапе обучения использование ребусов затруднено, т. к. обучающиеся должны в должной мере овладеть иероглифическими «ключами» (部首) и базовыми иероглифами для их распознавания. На этой стадии ученики разбирают простые ребусы:

Рис. 1¹Простые ребусы

Так, в иероглифах 鹤 hè журавль 鸡 jī «курица», 鸭 yā «утка», 鹅 é «гусь» ключи 鸟 «птица» заменены соответствующими изображениями птиц. А в иероглифах, обозначающих фрукты, некоторые элементы заменены их изображениями: 苹 píng из «яблока» 苹果, 梨 lí «груша», 橙 chéng «апельсин», 柠 níng из «лимона» 柠檬, 莓 méi из «земляники» (草) 莓. В таких случаях обучающимся предлагается восстановить недостающие, замененные картинками, элементы иероглифа и дополнить до слова. Например, написать полностью 柠檬 níngméng «лимон»².

Более сложное задание — угадать, какой иероглиф изображен на картинке и записать его. Например, иероглиф 发 (髮), в данном случае «волосы» (рис. 2), в упрощенном и полном написаниях.

Рис. 2. Упрощенный и полный иероглиф-загадка 发 [1].

¹ Все рисунки взяты из открытых интернет-источников.

² Больше примеров см. [8].

В первом случае изображено лицо и прическа, образующие знак 发 fā из «волосы» 头发, во втором — ножницы, расческа, шпилька и лента, составляющие полное написание иероглифа 髮 fā. В таком варианте иероглифы наглядны и легки для запоминания. Однако трудность для начального этапа — это отгадать полный вариант написания, так как в основном в образовательных программах полные иероглифы даются факультативно.

Загадки-ребусы полезно использовать при изучении животных: такой способ улучшает запоминание написания иероглифов и соотнесения иероглифа со словом. Автор в качестве заданий подобрал ребусы-картинки разной степени сложности (рис. 3).

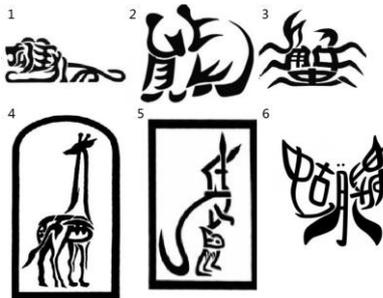

Рис. 3. Животные в ребусах [2].

Ответы: 1. 雄狮 xióngshī «лев», 2. 熊 xióng «медведь», 3. 蟹 xiè «краб»,
4. 长颈鹿 chángjǐnglù «жираф», 5. 袋鼠 dàishǔ «кенгуру», 6. 蝴蝶 húdié «бабочка»

Такое «узнавание» имеет и практическое значение: автором в Пекине в переходе станции метро была сделана фотография социальной рекламы (рис. 4), которая призывает не покупать продукцию из диких животных. На плакате изображены четыре иероглифа 象 虎 熊 人 («слон», «тигр», «медведь» и «человек/гуманность»), но без некоторых черт-элементов, на их месте - капли крови. Подпись гласит: 若象无牙, 虎无骨, 熊无胆, 人? 仁? (Если слон без бивней, тигр без костей, медведь без желчи, [тогда] человек [без]? гуманности/милосердия?).

Рис. 4. Постер из пекинского метро

Сложные иероглифические ребусы — это картинки, составляющие благопожелания или идиоматические выражения.

Рис. 5. Ребусы-благопожелания

1. 财源无限 cáiyuán wúxiàn пожелание безграничного богатства. Это пожелание зашифровано в виде свиньи, потому что свинья считается символом достатка, изобилия и плодородия в Китае. Так как иероглиф 猪 zhū «свинья» созвучен иероглифу 祝 zhù «желать», то вместе это составляет пожелание 祝猪(你) 财源无限 желаем [вам] несметного богатства.

2. 长寿健康 пожелание долгой жизни и здоровья. Обезьяна несет персик, а персик считается символом долголетия. Кроме того, произношение 猴 hóu «обезьяна» созвучно с 寿 shòu «долголетие».

3. 年年有余 (年年有鱼) пожелание на Китайский Новый год «пусть каждый год будет изобильным» (все будет в достатке), так как произношение 鱼 yú «рыба» созвучно с 余 yú «излишек, достаток».

Если при разгадывании предыдущих ребусов требовалась только смекалка и хороший лексический запас, то для понимания последних необходимы знания культурных особенностей, а также необходимо учитывать явления омонимии китайского языка. Часто используется принцип созвучия: происходит замена одного иероглифа другим, близким по звучанию.

Таким образом, автор предлагает использовать иероглифические ребусы в зависимости от их сложности на разных этапах обучения и в различных дисциплинах. Разгадывание ребусов является замечательной разминкой для интеллекта, представляет собой упражнения, укрепляющие память, внимание обучающихся. Единственное отличие от европейских: в отечественной традиции ребусы в картинках предлагаются детям, не умеющим читать, а для начала отгадывания иероглифических ребусов необходимо овладеть базовыми иероглифами.

Литература

1. Изображения с иероглифом 发 [发字图片]. URL: <http://www.yulu365.net/sucai/show-3808.html> (дата обращения: 5.08.2021) (на кит. яз.).
2. Изображения с измененными художественно выполненными шрифтами [美术字体变形图片]. URL: <https://www.photophoto.cn/show/12249722.html> (дата обращения: 5.09.2021) (на кит. яз.).
3. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка. Пособие по иероглифике. Часть 2. Прописи. Москва: Восток – Запад, 2009. 106 с.
4. Рюнин Ю. В. Прописи по китайскому иероглифическому письму. 1-й этап обучения. Москва AST: East-West ACT: Восток-Запад, 2007. 158 с.
5. Сайт с иероглифическими загадками [汉谜网]. URL: <http://www.cmiyu.com/zmmu/20176.html> (дата обращения: 5.08.2021) (на кит. яз.).
6. Словарь иностранных слов. Москва: Русский язык, 1984. 608 с.

7. Сунь Юнчжан [孙 雍 长]. Большой словарь иероглифических загадок [汉字字谜大典]. Гуанчжоу: Гуаньдун цзяюй чубаньшэ, 2000. 804 с. (на кит. яз).
8. Чистякова А. Н. Разгадывание иероглифических загадок-ребусов. Москва-Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2000. 102 с.
9. Shaolan. Chineasy. The New Way to Read Chinese. Harper Design, 2014. 192 p.
10. Tan Huay Peng. Fun with Chinese Characters. Vol. 1. Federal Publication: Singapore, Kuala Lumpur, Hong Kong, 1980. 176 p.

SOLVING HIEROGLYPHIC RIDDLES AND PUZZLES AS A METHOD OF TEACHING CHINESE HIEROGLYPHS

Agniya N. Chistyakova
Cand. Sci. (History), A/Prof.,
Novosibirsk State Pedagogic University
28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia
eng@ya.ru

Abstract. Hieroglyphic writing system forms an integral part of studying Chinese language. The author suggests that teaching Chinese characters by solving various hieroglyphic riddles and puzzles may quicken the process of acquiring the language and culture per se.

Keywords: hieroglyphic characters, teaching Chinese, hieroglyphic riddles-puzzles, Chinese language.

УДК 811.581.11
DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-126-133

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ КИТАЙЦЕВ

© **Литвинцев Олег Сергеевич**
кандидат философских наук,
главный специалист управления по академическим вопросам,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, г. Шэньчжэнь (КНР);
доцент кафедры зарубежной лингвистики и теории языка,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Россия, 655017, г. Абакан, ул. Ленина, 90
litol1982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается языковая репрезентация паттернов китайского когнитивного стиля. Выявляется, что холистический когнитивный стиль проявляется в контекстуальности понимания значения акустических единиц языка, что обуславливает эволюцию лексического состава языка в сторону увеличения количества сложных многоморфемных слов. Правополушарный когнитивный стиль коррелирует с иероглифической системой письма, в которой концептуально конструируется историко-культурный опыт народа, а также проявляется в нацеленности на эмпирическое понимание языка носителями, синтаксическом функционализме и иерархичности.

Ключевые слова: когнитивная теория языка, китайский язык, когнитивные стили, холистический когнитивный стиль.

Для цитирования

Литвинцев О. С. Языковая репрезентация некоторых особенностей когнитивного стиля китайцев // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 126–133.

Теоретическое обоснование и экспериментальное подтверждение различиям когнитивных стилей культур Запада и Востока приходит из разных областей знания: от нейробиологии и когнитивной психологии (R. E. Nisbett, Y. Miyamoto, T. Masuda, D. Oyserman, S.W.S. Lee, J. F. Cantlon, E. M. Brannon, Ю. И. Александров и др.) до антропологии и философии (Вяч. Вс. Иванов, В. С. Степин, А. И. Кобзев, В. Е. Еремеев, И. П. Меркулов, М. В. Рубец и др.).

Формирование тех или иных когнитивных стилей, по-видимому, охватывает большой исторический период и происходит в процессе ген-культурной коэволюции человека — единой биологической и культурной эволюции, в результате которой в каждом конкретном обществе складывается «культурная комплементарность» индивидуальных геномов [1, с. 272].

В таблице 1. представлены основные отличительные черты двух когнитивных стилей — западного и восточного, по обобщенным результатам исследований вышеупомянутых авторов и собственных изысканий.

Таблица 1
Основные отличия восточного и западного когнитивных стилей

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ	западный	восточный
тип мировоззрения	редукционизм	холизм
тип мышления	рациональное, логическое (причинно-следственные связи), абстрактное	интуитивное, коррелятивное (синхронные связи), предметное
тип письменности	алфавитное	иероглифическое
психологическая установка	соперничество, победа	кооперация, гармония
представления о времени	субстанциональное	организмическое
система ценностей	индивидуализм	коллективизм
КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ	западный	восточный
социальная структура	равноправие	иерархия
визуальная фокусировка	объект	фон
языковая фокусировка	сообщение	контекст

Естественным образом языку как важнейшему средству формирования культуры имманентно присущи характеристики соответствующего когнитивного стиля. Наша гипотеза состоит в том, что *язык на всех уровнях предполагает репрезентацию определенных паттернов, характеризующих когнитивный стиль соответствующей культуры*. Ниже рассмотрим наиболее репрезентативные аспекты этого явления.

1. Репрезентация когнитивного стиля на фонемном и морфемном уровнях

Фонемный состав китайского языка (путунхуа) включает 25 согласных и 31 гласную фонемы. Данное количество фонем получено посредством разложения звуковой структуры слога на четыре фонологические позиции, в которых реализуются согласные и гласные фонемы по цифровой формуле 0123, где 0 — позиция реализации согласных фонем, 1 — позиция левого нечета, в которой реализуются три слабых узких гласных, 2 — позиция чета, в которой реализуются сильные связочно-дифференцированные, или тонированные гласные, 3 — позиция правого нечета, в которой реализуются пять слабых гласных. Из этих четырех позиций необходимым звуковым элементом слога является одна из сильных гласных фонем (главных гласных слога), реализующихся в позиции чета [2].

Указанное количество фонем было получено с учетом пяти возможных тонов. Этим настоящая фонемная классификация, разработанная А. Н. Алексахиным отличается от идей Е. Д. Поливанова, который для фонетического анализа путунхуа ввел термин *силлабема* — слог без учета его тональности. По его мнению, *силлабема* описывается в четырех аспектах — согласный звук, неслогообразующий узкий гласный, слогообразующий гласный или сонант (присутствует всегда) и неслогообразующий сонант, то есть конечный элемент дифтонга [4, с. 6].

В китайских работах *силлабема* соответствует понятию «*слог*» (音节). Большинство слов древнекитайского языка представляли собой «*моносиллабемы*» (单音节) — одноморфемные слова, состоящие из одного слога. Однако по мере эволюции культуры и обогащения лексикона они утратили свои доминирующие позиции. В современном путунхуа существуют как одноморфемные многосложные слова (多音节), которые с точки зрения фонетической структуры делятся на четыре вида: слова с аллитерацией или рифмой (连绵词), слова с парными звуками (叠音词), звукоподражательные слова (拟声词), транскрибированные слова (音译词), так и составные слова (合成词) — слова, включающие две и более морфемы. Слова данной группы состоят минимум из двух слогов, каждый из которых имеет собственное значение и может употребляться самостоятельно. В словарном составе современного китайского языка такая лексика преобладает. Причем большинство сложных слов имеют в своей основе две морфемы (рис. 1) [11].

Рис. 1. Лексический состав современного путунхуа

Причины лексической эволюции китайского языка в сторону увеличения количества многосложных слов мы видим в китайском холистическом когнитивном стиле. Когнитивные психологи выделяют две стратегии обработки информации: холистическую, свойственную представителям восточных культур и аналитическую, свойственную Западу. Холистический когнитивный стиль характеризуется более внимательным восприятием контекста сообщения и визуального фона, установлением связей между объектами окружающего мира по принципу их взаимозависимости. Аналитический когнитивный стиль, наоборот, сосредоточен на объектах переднего плана, нежели на контексте сообщения, устанавливает таксономическую связь между объектами [9].

Различие между западной редукционистской когнитивной стратегией и восточной холистической стратегией кроется в том, Луи Ельмслев назвал планом выражения и планом содержания языка. Применительно к языкам западной культуры, план выражения воплощен в материальных (акустических) единицах языка — фонемах-сонемах-номемах, которые соответствуют в плане содержания единицам звука речи-морфемам-словам. Морфемы и слова считаются двусторонними единицами языка, то есть одновременно являются означающим (материальное тело знака) и означаемым (десигнат — значение знака). В китайском языке морфемы в большинстве случаев односложны и обычно соответствуют одному слову (о чем указывалось выше). Но в отличие от языков со звукобуквенным алфавитом, вне контекста и без письменного эквивалента (иероглифа или иероглифов) понять значение слова в большинстве случаев практически невозможно. *Однозначное понимание значения акустической единицы китайского языка — сонемы или номемы — достигается исключительно посредством включения данной единицы в контекст вербального или невербального сообщения.*

К примеру, если вы воскликнете «bà!», то конкретный смысл сообщения будет понятен исходя из прочих условий: возможно вы зовете отца «爸!» или выражаете восхищение по поводу увиденной плотины «坝!» или отвечаете на вопрос о том, как называли предводителя феодалов эпохи Чжоу — «霸».

Окончательное понимание смысла высказывания на китайском языке складывается в процессе раскрытия всего сообщения, когда произносимые звуки сплетаются в единый узор — фон, на котором вырисовываются конкретные объекты / слова, подобно тому как хаотично разбросанные пятна туши кисть мастера гохуа превращает в картину в стиле сеи (写意).

В виду преобладания фонового восприятия выглядит естественным путь увеличения лексического состава языка посредством доминирующего в китайском языке комбинированного словообразования (复合式), которое представляет собой метод создания новой лексики посредством сложения нескольких корневых морфем, вместе производящих новое лексическое значение.

2. Репрезентация когнитивного стиля на лексическом уровне

Согласно глобально-эволюционистским представлениям, образное, правополушарное мышление было характерным свойством архаических культур. С течением времени в процессе ген-культурной коэволюции ввиду развития логико-вербального мышления как стратегии обработки когнитивной информации стал изменяться и тип культуры в сторону левополушарного. Западная цивилизация, по словам И. П. Меркулова, в целом является результатом когнитивной эволюции, приведшей к смене доминирующих когнитивных типов мышления [6, с. 63]. По мнению ученого, развитие вида *homo sapiens* проходило по двум сценариям, которые можно назвать западным и восточным. Правополушарное мышление проявляется в первую очередь в традиции иероглифического письма. Установлена связь между системой письма и работой двух полушарий головного мозга. Иероглифы, в отличие от алфавитного письма, представляют собой неделимые образы, воспринимаемые правым полушарием мозга, и семантически отражаются в сознании независимо от их фонетической составляющей, которая кодируется левым полушарием мозга [5, с. 24]. Как указывает Ю. В. Микадзе, «понимание устной и письменной речи в правом полушарии осуществляется не на основе фонетического анализа, а методом интегрированного, гештальтного сопоставления звукового и графического образа слова с эталонами памяти и последующего связывания этого образа со значением» [7, с. 122].

В этой связи в последние годы популярность в Китае снискала техника освоения иероглифики для детей от 5 до 8 лет, то есть детей с доминантным правым полушарием мозга, именуемая «узнаванием иероглифа через прямое отражение» (直映识字). Данная техника была разработана членом редакционной коллегии экспериментального учебника по китайскому языку для начальной школы Национальной комиссии по образованию Чжан Сюцином (张秀琴). Узнавание иероглифа достигается вписыванием его в легко запоминающуюся ребенку картинку, выражающую значение слова. По оценке китайских ученых, так дети в возрасте 5–8 лет затрачивая 10–20 минут в день, могут освоить 2000–2500 часто используемых китайских иероглифов за 2–3 месяца. Данная техника пропускает направленные на логическое осмысление общие этапы изучения китайских иероглифов,

такие как черты, радикалы и пиньинь, и способствует непосредственному запоминанию интуитивно понятной графики в виде определенного гештальта (рис. 2).

Рис. 2. Узнавание иероглифа через прямое отражение

Экспериментально подтверждено, что «теоретическая» логика левого полушария головного мозга отличается от «эмпирической» логики правого полушария. Разница, как указывает В. Л. Деглин, в том, что теоретическое мышление позволяет решать задачи независимо от знаний о соответствующей реальности, при этом истинность решения верифицируется только мыслительными операциями, но не соотносением с действительностью. Эмпирическое мышление, наоборот, предохраняет от сомнительных выводов, построенных на формально логических основаниях, заставляя сверяться с известным человеку опытом [3, с. 98–123].

Иероглиф есть нечто иное как зафиксированный графически концепт, имеющий вполне конкретное культурно обусловленное содержание. Каждый иероглиф как своего рода квант знаний и представлений китайской культуры способен соединяться с другим определенным иероглифом, образуя концептуальный паттерн с большим содержанием. Так, например, для китайского языкового сознания имеет смысл соединение концептов 骑 и 马, но бессмысленно соединение концепта 骑 с концептом 汽车, поскольку эмпирическое правополушарное мышление не допускает идеи перемещения на автомобиле известным образом сверху. В конечном счете, *в определенном образом складываемых концептах языка в словах, высказываниях и текстах воплощается и ретранслируется весь историко-культурный опыт народа.*

3. Репрезентация когнитивного стиля на грамматическом уровне

Китайский язык — язык преимущественно изолирующего типа. Большой проблемой в период становления китайской грамматической традиции вплоть до середины прошлого века, как известно, был вопрос наличия / отсутствия частей речи в китайском языке. Крупные китайские лингвисты Ма Цзяньчжун, Ли Цзиньси и др. подчеркивали тот факт, что взятое само по себе, китайское слово не имеет никаких признаков частеречной отнесенности, а определить к какой части речи оно принадлежит можно лишь, учитывая его позицию и функцию в предложении. Наиболее радикальных взглядов по этому вопросу придерживался Гао Минкай, который выступал за признание отсутствия частей речи в китайском языке, указывая на то, что фактор синтаксической функции не может явиться непосредственным грамматическим основанием выделения частей речи [8, с. 49–50].

В современной системе образования КНР, концепция частей речи широко используется для обучения европейцев китайскому. Так, в учебнике «现代汉语» Хуан Божуна (黄伯荣) и Ляо Сюйдуна (廖序东), рекомендованном для препода-

вателей китайского языка как иностранного, содержится глава о знаменательных (существительное 名词, местоимение 代词, числительное 数词, счетное слово 量词, глагол 动词, прилагательное 形容词, наречие 副词, звукоподражательные слова 拟声词 и междометия 叹词) и служебных (служебные слова 助词, предлоги 介词, послелогои 后置词, союзы 连词, частицы 语气词) частях речи [11].

Согласно «Новому стандарту учебной программы для начальных школ» (小学语文新课程标准), входящему в «Стандарты обязательной учебной программы китайского образования» (义务教育语文课程标准) китайские школьники должны овладеть знаниями в области грамматики и риторики, в число которых входит классификация слов на существительные, глаголы, прилагательные, числительные, кванторы, местоимения, наречия, предлоги, союзы, вспомогательные слова, модальные частицы и междометия [10].

При этом в серии используемых в начальных школах КНР учебников по китайскому языку и литературе (语文) под редакцией Вэнь Жуминя (温儒敏) раздел «грамматика» присутствует лишь имплицитно, а с классификацией частей речи ученики начальной школы соприкасаются во 2–3 классах. В китайской начальной школе дети получают лишь основные сведения и некоторые навыки определения частей речи. В целом, китайский аналог школьного предмета родного языка и литературы ставит своей целью не овладение теорией и правилами грамматики родного языка, а овладение правильной речью и смыслами культуры в контексте изучения литературных произведений на эмпирическом уровне.

В китайском языке отсутствует система склонений — словоизменений по грамматическим категориям числа, рода, падежа, а также спряжений глагола по числам и лицам. При отсутствии указанных грамматических признаков чрезвычайно актуальной для языка оказывается синтаксическая структура предложения. Привычная для агглютинативных и флективных языков классификация слов по частям речи для понимания китайского языка не столь существенна, сколь понимание синтаксической функции слов и словосочетаний. Морфологический критерий, используемый для опознания частеречной принадлежности слова, здесь применим лишь отчасти (касается лишь аффиксации некоторых местоимений, существительных и видовременных форм глагола). Лексико-семантический критерий лишь накладывает определенные ограничения на возможности перехода слова из одной части речи в другую. Единственными действующими критериями при определении частеречной принадлежности китайского слова являются синтаксический и грамматический критерии. То есть принадлежность слова к той или иной части речи определяется его синтаксической позицией в данном конкретном предложении, а также может быть выявлена благодаря грамматическим маркерам свойственным конкретным частям речи. В этой связи ключевую роль в языке играет порядок слов в предложении. Именно на основании синтаксической позиции в качестве отдельного члена предложения во всех современных учебниках китайского языка выделяют так называемый дополнительный член или компонент (补语), главная характеристика которого заключается в его постпозиции к глагольному и реже адъективному сказуемому.

Таким образом, на грамматическом уровне репрезентацией китайского когнитивного стиля выступают такие черты, как нацеленность на эмпирическое

понимание языка, функционализм, выражающийся в примате синтаксиса над морфологией, иерархичность, проявляющаяся в фиксированном порядке слов в предложении.

Литература

1. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. Москва: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 320 с.
2. Алексахин А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук. Слог: для начинающих и продолжающих изучать китайских язык. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2008. 96 с.
3. Деглин В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека. Амстердам; Киев, 1996. 151 с.
4. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е стер. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
5. Иванов В. В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. Москва: Сов. радио, 1978. 184 с.
6. Меркулов И. П. Когнитивная эволюция Москва: РОССПЭН, 1999. 312 с.
7. Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста: учебное пособие. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 288 с.
8. Шутова Е. И. Проблема частей речи в китаеведении // Вопросы языкознания 2003. № 6. С. 47–64.
9. Nisbett R. E., Masuda T. Culture and point of view // PNAS. Vol. 100(19). 2003. Pp. 11163–11170.
10. Новый стандарт учебной программы для начальных школ, новейшая исправленная версия, 2019 (2019年 最新修订版小学语文新课程标准). URL: <https://wenku.baidu.com/view/4f88ca01178884868762caaedd3383c4ba4cb45b.html> (дата обращения: 1.10.2021).
11. Современный китайский язык в 2-х томах / под ред. Хуан Божуна, Ляо Сюйдуна. Издание пятое. Пекин, 2011 (现代汉语(增订五版)上下册 / 黄伯荣, 廖序东 主编. – 5版. – 北京: 高等教育出版社, 2011.6).

LINGUISTIC REPRESENTATION OF SOME FEATURES
OF THE CHINESE COGNITIVE STYLE

Oleg S. Litvintsev

Cand. Sci. (Philosophy),

Manager of Academic Affairs Department,

MSU-BIT University, Shenzhen (PRC), Shenzhen, China;

Associate Professor of the Department of Foreign Linguistics and Theory of Language

Khakas State University of N. F. Katanov

90 Lenin St., Abakan 655017, Russia

litol1982@mail.ru

Abstract. The article discusses the linguistic representation of patterns of Chinese cognitive style. It is revealed that the holistic cognitive style manifests itself in the contextuality of understanding the meaning of the acoustic units of the language, which causes the evolution of the lexical composition of the language towards an increase in the number of complex multi-morphemic words. The right-hemisphere cognitive style correlates with the hieroglyphic writing system, in which the historical and cultural experience of the people is conceptually constructed, and also manifests itself in the focus on the empirical understanding of the language by native speakers, functionalism and hierarchy in syntax.

Keywords: cognitive theory of language, Chinese language, cognitive styles, holistic cognitive style.

УДК 811.581'11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-134-138

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИСЕМИИ КИТАЙСКОГО ГЛАГОЛА 上

© Шахаева Александра Альбертовна

кандидат филологических наук, доцент,

Московский государственный лингвистический университет,

Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38

shakhaevaal@gmail.com

Аннотация. В статье реализован когнитивный подход к решению проблемы полисемии китайского глагола 上, в результате которого удалось определить компонентный состав и смоделировать ментальную структуру, стоящую за многозначным глаголом. В качестве материала исследования использовались данные современного словаря китайского языка 现代汉语词典 (2008).

Ключевые слова: лексическая семантика, полисемия, глагол, китайский язык, иероглифика.

Для цитирования

Шахаева А. А. Когнитивные основания полисемии китайского глагола 上 // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 134–138.

Современное решение лингвистических проблем строится на основе функционального, в частности когнитивного подхода, в рамках которого языковая деятельность является одним из видов когнитивной деятельности человека. Так, фундаментальные свойства языка, в частности асимметрия языкового знака, получили новый угол обозрения и рассматриваются как продукт когнитивного развития человека. В центре нашего внимания будет полисемия.

А. Д. Кошелев отмечает, что «лексическая многозначность, будучи языковой универсалией, является продуктом когнитивного развития человека, а именно, его дискретного и системного представления мира» [2, с. 695]. Схожую мысль высказывает Г. И. Кустова: «сам факт существования полисемии является главным доказательством когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек НЕ изобретает НОВЫХ знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций [3, с. 22].

В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой ПОЛИСЕМИЯ (полисемантизм) определяется как «наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [4, с. 323].

То есть в процессе освоения мира человеком, дискретные представления о мире находят свое выражение в производных значениях на базе уже существующего основного значения. Таким образом, в основе полисемантических связей слова должно быть какое-то первичное значение, послужившее базой для формирования производных смыслов посредством известных механизмов (метафора, метонимия и синекдоха).

Китайский глагол 上 является многозначным словом, по данным словаря современного китайского языка 现代汉语词典 (2008) у него 14 значений. Представленные значения связаны между собой единой прототипической ситуацией, которая лежит в основе базового значения слова и скрепляет производные значения воедино. Если исходить из того, что прототипическая ситуация отражает базовое (концептуальное по А. М. Кошелеву) представление о мире, которое может совпадать у носителей разных языков, то производные значения этноспецифичны, т. е. отражают коллективные представления носителей конкретного языка, исходя из разных путей категоризации мира, поэтому не совпадают в разных языках.

Прототипическая ситуация понимается нами как источник смыслов и условие единства многозначного слова, которая рассматривалась в монографии Г. И. Кустовой (Типы производных значений и механизмы языкового расширения, 2012). «Основное, базовое, исходное значение слова, связанное с прототипической ситуацией, включает в себе определенный способ концептуализации этой ситуации и предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций. И эта схема лежит в основе как метафорических, так и неметафорических значений» [3, с. 122]. Таким образом, концептуальная схема является тем потенциалом, который реализуется в производных значениях, что объясняет некое семантическое единство многозначного слова.

Проведенный нами этимологический и грамматологический анализ иероглифического знака 上 (см. Шахаева, 2018) позволяет представить когнитивную модель, которая лежит в основе его значения. Модель включает в себя информацию о том, что фигура X движется по маршруту из точки А в направлении к фону — точке Б, которая находится выше точки начала движения, и важной чертой семантики глагола направленного движения 上 в современном китайском языке является *изменение местоположения*, которое и выступает целью движения, т. е. важным аспектом характеристики компонента фона, т. е. точки Б (конечной точки движения), является его позиция относительно начальной точки маршрута, т. к. цель движения фигуры — занять более высокое место по сравнению с тем, которое было в начале маршрута.

Как мы писали ранее, «исходя из природы иероглифической письменности и из особенностей знаков идеографической природы, можно предположить, что идеограммы эксплицируют ментальную картину, концептуализирующую понятие окружающего мира, то есть представляют собой образ-схему ситуаций, которая отражена в семантике знака, т.е. отражают компоненты прототипической ситуации, которая является ресурсом семантической деривации» [6, с. 125]. Здесь можно привести тезис М. В. Софронова «Каждая идеограмма представляла со-

бой, как правило, остроумное описание смысла знака в целом. Оно было текстом, единицами которого выступали элементарные знаки письма. Эти элементарные знаки в целом составляли семантический код, т. е. набор пиктограмм, которые регулярно обозначали некоторый смысл во многих идеограммах. Этот комбинаторный смысл мог отличаться от того значения, который они имели при самостоятельном употреблении» [5, с. 478].

Исходя из этого, мы предполагаем, что все компоненты прототипической ситуации направленного перемещения, которая содержится в базовом значении глагола, описанного выше, так же эксплицитно представлены в графической форме знака 上, где нижняя горизонтальная обозначает начальную точку движения, точку А; вертикальная черта представляет собой маршрут в направлении к фону — точке В, которая находится выше точки начала движения и в иероглифическом знаке обозначена короткой горизонтальной.

Далее обратимся к фактическому материалу из словаря современного китайского языка с целью выявить особенности полисемантических связей. Как известно, исходя из когнитивных механизмов фокусировки (или профилирования) и дефокусировки, глагол в определенном значении высвечивает только часть информации, остальная информация уходит на задний план или искажается совсем. В связи с этим, проанализировав фактические значения из словаря, можно сказать, что в основе полисемантических связей глагола лежат два способа концептуализации прототипической ситуации, которые формируют две группы значений:

1 группа значений восходит к глагольному значению. Объект *X* движется по траектории из точки *A* в точку *B*, где точка начала движения находится ниже конечной точки движения, цель движения — достичь точки *B*.

а) передвижение в направлении вверх 上楼;

б) перемещение какого-либо предмета или информации к вышестоящим по званию или по статусу 上书;

в) метафорический перенос с актуализацией компонента «обрести местоположение, которое находится достаточно высоко относительно остальных» и тем самым стать заметным для окружающих 上报, 上电视;

г) ориентационная метафора, в соответствии с которой расположиться выше точки начала движения связано с идеей о том, что наверху располагается все положительное, физически сильное и т.п. 见困难就上, 见荣誉就让;

2 группа значений глагола. Объект *X* стремится попасть/ присоединиться к поверхности *Y*, при этом *X* по своим размерам меньше, чем *Y*. Данное значение актуализирует компоненты статической ситуации в значении пиктограммы с гадательных надписей: «*X* располагается на поверхности *Y*»:

а) расположить что-то на поверхности 上菜, 上茶;

б) присоединить что-либо к поверхности 上螺丝, 上颜色, 上药, 表该上了, 上扣子;

в) ориентационная метафора, физическую основу которой Дж. Лакофф и М. Джонсон обозначили как «если Вы добавляете некоторое количество субстанции или физических объектов во вместилище или в кучу, уровень содержимого вместилища растёт, а куча увеличивается» [1, с. 39] 上水, 上货; с данной

идеей «соотношение значения движения вверх и увеличения количества» связано использование глагола в таких сочетаниях как 上百人, 上年纪;

г) метафорический перенос в область профессиональной деятельности и переосмысление компонента «поверхность» 上课, 上班.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что концептуальная схема китайского глагола направления движения 上 является источником полисемии (развития производных значений) путем актуализации компонентов динамической или статической ситуации, восходящей к пиктограмме с гадательных надписей. Глагол 上 генетически связан с модификатором направления и результата 上, в связи с чем, на наш взгляд, те элементы семантики, которые были выявлены в представленной статье, открывают перспективы для изучения процесса грамматикализации данного глагола, т. к. когнитивная модель значения глагола не исчезает, а влияет на те или иные преобразования в семантическом и синтагматическом плане.

На наш взгляд, представленное описание когнитивной модели, которая лежит в основе базового (первичного) значения, открывает перспективы для теоретических исследований, связанных с выявлением коллективных представлений носителей китайского языка «о близости разных категорий, иначе говоря, о сцеплении разных понятий» [2, с. 730], для описания особенностей концептуализации носителей китайского языка, так и для прикладных целей, в частности составления словарей и методики преподавания китайского языка.

Литература

1. Дж. Лакофф М. Джонсон Метафоры которыми мы живем. Изд. 3-е. Москва: ЛКИ, 2017. 256 с.
2. Кошелев А. Д. // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. Москва: Языки славянских культур, 2011. 736 с. (Studia philologica). 695–735.
3. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
5. Софронов М. В. Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007. 638 с.
6. Шахаева А. А. Прототипическое значение китайского глагола направления движения 上 SHÀNG. // Oriental Studies. 2018 (4). 122–127. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-122-127> (дата обращения: 10.09.2021).
7. 现代汉语词典. 第 5 版. 北京:中国社会科学院语言研究所词典编辑室商务印书馆, 2008. 1870 页.

THE COGNITIVE BASIS OF CHINESE VERB 上 POLYSEMY

Aleksandra A. Shakhaeva

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,
Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia
sashash@yandex.ru

Abstract. The article aims to explore the relationship between the theoretical modelling and the mental representation of the perceived multiplicity of lexical meanings Chinese verb 上 based on the analysis of the Chinese language dictionary 现代汉语词典 (2008) and contextual uses of the verb.

Keywords: lexical semantics, polysemy, Chinese verb, Chinese language, characters.

УДК 811.581

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-138-144

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО КИТАЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА

© Пруцких Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32
pruta@mail.ru

© Балакина Милена Евгеньевна

студентка,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32
mbalakina99@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа языкового материала, отобранного из электронных молодежных чатов китайской интернет-сети, представлены источники происхождения и способы образования интернет-сленга. Все характеристики иллюстрированы примерами, многие из которых сопровождаются лингвокультурологическими комментариями.

Ключевые слова: китайский язык, Интернет, сленг, сетевое общение, способы образования Интернет-лексики, трудности перевода.

Для цитирования

Пруцких Т. А., Балакина М. Е. Особенности молодежного китайского интернет-сленга // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 138–144.

Совершенно невозможно представить современную жизнь без глобальной сети Интернета, которая проникла во все сферы деятельности человека. Интернет как особая инфотелекоммуникационная среда и как ранее не существовавшая сфера реализации языка принесла с собой новые способы общения, стереотипы речевого поведения, новые формы существования языка, которые являются многомерным пластом для изучения [3, с. 239].

Характеристики интернет-дискурса [2, с. 175–176]

разнообразие технических средств		снятие жестких социальных конвенций и культурных границ		
	возможность незамедлительной обратной связи		слабая социальная регламентированность вербального поведения	
стирание границ между частным и публичным		высокая степень анонимности		продолжительность коммуникативного процесса
	устно-письменный характер		обострение проблемы доверия к информации	
стремление к эмоциональному наполнению текста				затрудненность эмоционального компонента общения
сниженная грамотность		возможность совместить коммуникацию и автокоммуникацию		развитие творческих способностей личности

Китайцы — активные пользователи Интернета, согласно Статистическому отчету о развитии Интернета в Китае, опубликованному Китайским информационным сетевым интернет-центром (CNNIC) в июне 2019 года число китайских пользователей Интернета составляло 854 млн. и увеличилось на 25,98 млн. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Общая доля интернет-пользователей достигла 61,2%, а мобильный Интернет используют 99,1% [9].

Материалом для нашего исследования послужили *сленговые выражения общим количеством 78*, отобранные методом сплошной выборки из молодежных чатов интернет-сети: <https://magazeta.com/>, <https://www.wechat.com/>, <https://weibo.com/>, <https://bkrs.info/> и др. В результате изучения языкового материала, мы определили следующие источники происхождения и способы образования интернет-сленга.

1. *Омонимия*. Благодаря своим фонетическим особенностям, китайский язык считается одним из самых омонимичных в мире. По различным подсчетам количество омонимов в китайской лексике составляет от 10% до 16% [5, с. 197], в интернет-сленге омонимы — самая многочисленная группа.

桑心 sāngxīn (букв. ‘сердце из листьев шелковицы’) вместо 伤心 shāngxīn горевать, печалиться.

杯具 bēi jù (букв. ‘посуда’) вместо 悲剧 bēi jù трагедия, драма.

人参公鸡 rénshēn gōngjī (букв. ‘курица с женьшенем’) вместо 人身攻击 rénshēn gōngjī персональная атака.

Представляется любопытным рассмотреть происхождение одного из самых популярных выражений 2020 года 奥利给 ào lì gěi, которое появилось в 朋友圈 (круг друзей в Вичате) и распространилось по другим социальным сетям.

- По одной из версий автором считается известный в Китае любитель зимнего плавания с ником 冬泳怪鸽, этот блогер пользуется большой популярностью в Интернете и часто в своих видео провозглашает различные речевки, напутствия и позитивные высказывания. Одной из таких была “奥利给”, которая быстро стала мемом.

- На авторство также претендует другая интернет-знаменитость — 双叶湖雷哥, который каждый раз, занимаясь каким-либо делом, выкрикивает “奥利给!”, чтобы подбодрить себя.

- Другая версии появления этой фразы — измененное 给力哦 gěilì ó “Прикольно! Клево!”, потому что, если иероглифы переставить местами, чтение будет созвучно с 奥利给 ào lì gěi.

- Есть мнение, что модная фраза произошла из игрового приема “奥利给” в видеоигре «街头霸王», стала популярной, распространилась по всемирной паутине со значением “加油!” Ура! Вперед! и несет в себе очень позитивный настрой.

2. *Займствования.* В каждом языке встречаются многочисленные заимствования из разных языков, что отражает взаимодействие иноязычных сообществ в самых различных сферах, поэтому и в интернет-сленге заимствования составляют достаточно высокий процент. В китайской интернет-лексике больше всего встречаются англицизмы, записанные иероглифами, созвучными с английским произношением, либо аббревиацией из латинских букв.

呕哏 ōu yè от англ. «Oh, yes!» — восклицание, выражающее счастье, вдохновение или согласие.

爱豆 ài dòu от англ. «idol» — идол, кумир.

蜡笔 làbǐ = lb от англ. «lay back» — отставать, задерживаться.

你蜡笔了 Ты отстал от жизни. Используется в виде lllllllb, и чем больше l, тем больше степень “отсталости”. Еще одним вариантом является аббревиатура nbl: 你 lay back 了.

В настоящее время японская и корейская субкультуры в форме телесериалов, поп-музыки, рекламы, стиля одежды и др. популярны среди китайской молодежи, поэтому неудивительно, что в молодежном интернет-сленге встречаются заимствования из этих языков.

欧巴桑 ōubā sāng (диал. тетя от яп. «обасан»), жарг. раздражительная, ворчливая женщина.

欧巴 ōubā старший брат (калька с корейского «оппа»), обычно о красивом парне [1, с. 166–167].

3. *Аббревиация.* Как один из видов образования сложносокращенных слов первоначально аббревиатура служила для экономии и рационализации языковых усилий, однако в сетевом общении это больше похоже на игровые, шуточные моменты, стремление привлечь внимание собеседника [4, с. 3]. В китайском языке данная модель связана с сокращением начальных букв транскрипции 拼音 (пиньинь).

XSWL 笑死我了 xiào sǐ wǒle (букв. ‘смеяться до смерти’) вместо LOL (laughing out loud);

DBQ 对不起 duìbùqǐ простите, извините;

BS 鄙视 bǐshì ненавидеть, презирать;

GG 哥哥 gēgē парень, брат;

MM 妹妹 mèimèi девушка, сестра;

BC 白痴 báichī идиот, кретин;

JR 贱人 jiànrén низкий, подлый, никуда негодный человек, бран. негодяйка.

Разнообразие и количество аббревиатур в китайском языке уже настолько велико, что современные толковые словари включают объяснения буквенных слов, а для расшифровки сокращенной лексики интернет-коммуникации издаются специальные справочники.

4. *Сжатие сложного словосочетания или предложения.* Новые лексические единицы образуются через выпадение некоторых элементов из сложного словосочетания или предложения при сохранении смысла исходного выражения. Данный тип сленговых выражений следует отнести к компьютерным жаргонизмам, поскольку компьютерная коммуникация требует от пользователей высокой скорости реакции, передачи большого объема данных за короткое время, что возможно при сжатии информации [6, с. 469].

高富帅 gāo fù shuài образовано от трех слов: 高大 gāodà (высокий), 富有 fùyǒu (богатый), 帅气 shuàiqì (красивый) — и обозначает красивого мужчину, как правило, высокого роста, с хорошим материальным положением;

躺枪 tǎng qiāng от 躺着中枪 tǎngzhe zhōng qiāng (букв. ‘выстрел в положении лежа’) подвергнуться критике без причины.

5. *Словосложение.* Такой вид словообразования, при котором в результате сложения двух или более знаменательных слов, образуется новая лексическая единица.

网虫 wǎngchóng интернетчик, люди, которые подолгу сидят в Интернете:

网 wǎng сеть, Интернет + 虫 chóng насекомое, червяк.

小气鬼 xiǎoqì guǐ скупец, скупердяй: 小气 xiǎoqì скупой, мелочный + 鬼 guǐ черт. 灌水 guàn shuǐ (букв. ‘лить воду’) заполнять веб-сайт «пустыми» статьями; писать тексты, восхваляющие собственный веб-сайт.

6. *Междометия.* Изобилие, многообразие и активное использование междометий — это одна из особенностей китайского языка. Яркая эмоциональная окраска, побудительная функция и лаконичность определили использование междометий в качестве интернет-сленга.

哇! wā возникло wa! от англ. «wow!»,

唉 āi выражает сожаление,

哦 ó выражает удивление.

7. *Комбинации цифр.* Данный вид больше других похож на кодирование информации, поскольку требуется расшифровка используемых комбинаций цифр. Ввод иероглифов на компьютере, даже для опытного китайского пользователя, занимает гораздо больше времени, чем набор цифр.

521 wǔ ài nǐ = 我爱你 wǒ ài nǐ «Я люблю тебя».

44 xièxiè = 谢谢 xièxiè «Спасибо».

995 jiù jiù wǒ = 救救我 jiùjiù wǒ Выручи (спаси) меня!

7456 qì sǐ wǒ liù = 气死我了 qìsǐ wǒ le Бесит меня!

596 wǒ zǒu le = 我走了 wǒ zǒule Я ухожу.

88 bā bā, 81bā yī, 886 bā bā liù «пока», прощай, от англ. «bye-bye!» [10].

8. *Диалекты.* Особый статус диалектов в китайском языке обеспечивает их присутствие во всех языковых сферах, поэтому неудивительно, что они встречаются и в Интернете.

瓜皮 guāpí (букв. ‘корка тыквы’) балбес, тупица (диал. пров. Шэньси).

猴塞雷 hóu sāi léi вместо 好厉害 hǎo lìhài здорово, молодцы (кантонский диал.).

Полученные результаты можно представить в виде диаграммы.

Диаграмма 1

При сравнении систем двух различных языков, перевод играет значительную роль, стремясь стать отражением оригинала. Переводя сленговые выражения, необходимо учитывать особенности контекста, в котором они применяются. Характерными признаками большого количества сленгизмов являются языковая подвижность и стилистическая маркированность, осложняющие перевод [7, с. 453]. Из-за противоречивости, неоднозначности, завуалированности значения сленговых выражений, перед переводчиком встает сложная задача наиболее адекватной передачи данных лексических единиц без искажения смысла и задумки автора текста.

Рассмотрим два примера популярных сленговых выражений 2020 года [8].

1. “光盘”是指将盘子里的东西吃光。“光盘行动”旨在让人们培养节约习惯，养成珍惜粮食，反对浪费的习惯。对“舌尖上的浪费说不，居安思危，牢记“谁知盘中餐，粒粒皆辛苦”。

«Чистые тарелки» означает «съесть до последней крошки». «Движение чистых тарелок» направлено на воспитание у людей привычки экономить, бережно относиться к еде и бороться с привычкой излишних трат. Скажите «нет» тем из-

лишним расходам, которые Вы транжирите на питание, будьте готовы к опасностям в мирное время и помните, что «Каждый знает, с каким трудом достается каждая рисинка китайской еды».

В Китае уже несколько лет идет активная борьба с пищевыми отходами, владельцы ресторанов, например, предлагают скидки за просьбу «завернуть остатки еды с собой». В России нет такой кампании, а значит не получится подобрать эквивалент, более того, переводчику необходимо будет ознакомиться с дополнительной информацией.

2. “秋天的第一杯奶茶”是指秋天来了，情侣、好友或家人之间以请喝奶茶之名发红包，表达亲密之情。金额多为 52.0 元 谐音“我爱你”。

«Первая осенняя чашка чая с молоком» означает, когда наступает осень, влюбленные, друзья или члены семьи под предлогом приглашения выпить чая с молоком, дарят красные конверты, чтобы выразить чувства душевной близости. Денежная сумма чаще всего будет в размере 52 юаней, потому что произнесение данных цифр созвучно с фразой «Я тебя люблю!».

Экстралингвистическая информация заключается в том, что дарение красных конвертов — это древняя китайская традиция, которая соблюдается до сих пор, когда в Новый год по восточному календарю представители старшего поколения семьи дарят красные конверты с деньгами детям, а в настоящее время уже принято обмениваться такими денежными «хунбао» с друзьями и коллегами.

Для передачи правильного смысла таких сленговых выражений можно воспользоваться дословным или описательным переводом, также необходимы дополнительные лингвокультурологические комментарии.

Обобщая результаты исследования способов и особенностей словообразования в сленге китайского языка, можно сделать следующие выводы:

1) В китайском языке существует несколько способов словообразования сленга, каждый из которых по-своему продуктивен.

2) Некоторые способы смешиваются, таким образом создавая новые подгруппы. Например, аббревиация и комбинация цифр: O2O — online to offline, 3Q — thank you.

3) Одним из самых продуктивных остается словосложение, однако, поскольку Интернет помогает расширять границы нашего мировоззрения, такой способ как заимствование из других языков, тоже становится частотным, особенно из английского.

4) Большая часть интернет-сленга представляет собой неологизмы, выполняющие не только номинативную, но и эмотивную функции.

5) При переводе интернет-сленга возникают сложности, решить которые возможно с помощью специальных разъяснений.

Язык меняется вслед за изменением условий взаимодействия людей — сейчас можно говорить о формировании нового сетевого образа жизни и мышления, который оказывает серьезное влияние на языковую ситуацию, буквально порождает новый стиль интернет-общения в китайском языке. Это заслуживает внимания и изучения, чтобы понимать современные языковые процессы и поддерживать высокий уровень владения китайским языком.

Литература

1. Ван Синхуа. Особенности пополнения лексического состава китайского молодежного жаргона // XX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Т. II: Филология. Ч. 1: Русский язык и литература. Томск, 2016. 304 с.
2. Иванова Т. С. Интернет как особая коммуникативная среда // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1 (05). С. 175–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-osobaya-kommunikativnaya-sreda-2/viewer> (дата обращения: 18.09.2021).
3. Карпов Э. С. Функционирование сленга в контексте медиапространства интернета // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2, № 6. С. 238–243.
4. Кувшинская Ю. М. Аббревиация в речи интернет-форумов. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/01/17/1327304435/2kuvshinskaja.pdf> (дата обращения: 19.09.2021).
5. Семенов А. Л. Лексика китайского языка. Москва: Восток–Запад, 2005. 310 с.
6. Чжэн Циньфан. Анализ интернет-сленга в современном китайском языке с точки зрения его происхождения // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 467–469.
7. Ян Е. А. Интернет-сленг в современном китайском языке: социолингвистический аспект перевода // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 451–454.
8. 2020 niándù shí dà wǎngluò yòngyǔ fābù 2020 年度十大网络用语发布 [Опубликованные лучшие 10 интернет-выражений 2020 г.] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1685427406905257051&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 19.09.2021).
9. Zhōngguó hùliánwǎng fāzhǎn bàogào, 2019 中国互联网发展报告, 2019 [Китайский статистический отчет о развитии Интернета за 2019 г.] // Китайский информационный сетевой интернет-центр. URL: <https://clck.ru/MqBXR2> (дата обращения: 17.09.2021).
10. Xīnhuá wǎngluò yǔyán cídiǎn 新华网络语言辞典 [Словарь интернет-языка «Синьхуа»]. Пекин: Коммерческое изд-во, 2012. 233 с.

FEATURES OF YOUTH CHINESE INTERNET SLANG

Tatiana A. Prutckikh

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,
Saint Petersburg State University of Economics
30–32 Griboedov canal emb., St. Petersburg 191023, Russia
pruta@mail.ru

Milena E. Balakina

a student,
Saint Petersburg State University of Economics
30–32 Griboedov canal emb., St. Petersburg 191023, Russia
mbalakina99@mail.ru

Abstract. The article has a good overview and deep analysis of linguistic material from digital messengers popular among Chinese young people as well as the origin and ways of forming Internet slang. All features are well illustrated with examples and besides, many of them have linguistic and cultural commentaries.

Keywords: Chinese language, Internet, slang, network communication, ways of forming Internet vocabulary, translation difficulties.

УДК 811.581.11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-145-151

ОБУЧЕНИЕ РЕФЕРИРОВАНИЮ ТЕКСТОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

© Смолова Мария Анатольевна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры китайского языка Института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет
Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4/1
smolovaMA@mgpu.ru

Аннотация. В статье сквозь призму вызовов постнеклассической науки (антропоцентричности, коммуникативности, профессионализации, субъектности) рассмотрены три проблемы, с которыми сталкивается современный преподаватель китайского языка в процессе обучения реферированию на китайском языке студентов языкового вуза: меняющиеся требования государственных образовательных стандартов, нехватка учебных пособий по реферированию на китайском языке, низкая мотивация студентов к обучению такому виду деятельности.

Ключевые слова: реферирование на китайском языке, обучение китайскому языку, реферирование, аннотирование, языковой вуз.

Для цитирования

Смолова М. А. Обучение реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза: современные вызовы // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 145–151.

Обучение реферированию в языковом вузе в его традиционном понимании нуждается в переосмыслении и обновлении основных компонентов, характеризующих его, – цели и содержания. Эти изменения продиктованы вызовами современной постнеклассической лингводидактической науки: антропоцентричности, коммуникативности, междисциплинарности, субъектности знания [5]. В данной работе сквозь призму этих вызовов мы рассмотрим лишь некоторые проблемы: меняющиеся требования социального заказа, нехватка учебных пособий, соответствующих этим требованиям, низкая мотивация самих обучающихся овладевать умениями реферирования на китайском языке.

Итак, первая проблема, с которой сталкивается преподаватель китайского языка, обучающий реферированию будущих востоковедов-филологов, — это меняющиеся требования социального заказа, которые преподаватель должен учитывать при разработке рабочей программы дисциплины и фонда оценочных средств. Иначе говоря, это проблема определения цели и содержания обучения реферированию на китайском на современном этапе. Для того, чтобы проследить динамику целеполагания, мы сопоставили четыре поколения государственных образовательных стандартов по направлению «Востоковедение и африканистика» на уровне бакалавриата

[1, 6, 7, 8]. Анализ нормативных документов показал, что с каждым новым стандартом требования к овладению способностью реферировать формулируются все более абстрактно и обобщенно. Подробнее можно ознакомиться в таблице 1.

Таблица 1

Реферирование как цель обучения в государственных образовательных стандартах

Поколение стандартов	Требования к обязательному минимуму ООП (2000), к результатам освоения ООП (2010, 2014, 2021)
2000 (II)	Письмо. Виды речевых произведений: аннотация, реферат.
2010 (III)	Способность понимать, излагать и критически анализировать информацию о Востоке, свободно общаться на основном восточном языке, устно и письменно переводить с восточного языка и на восточный язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера (ПК-3), уметь излагать и критически анализировать массив данных на восточном языке и представлять результаты исследований (ПК-11), уметь реферировать и аннотировать в результате прохождения практики.
2014 (III+)	Способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением ИКТ технологий (ОПК-1), а также компетенции из предыдущего стандарта — ПК-3, ПК-11.
2020 (III++)	Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач (УК-1), способен осуществлять анализ профессиональной информации (ОПК-4), способен осуществлять профессиональную коммуникацию в устной и письменной формах на восточном языке.

В стандарте последнего поколения (III++) [8] способность реферировать мы можем соотнести с универсальными информационной и коммуникативной (деловой, профессиональной) компетенциями, а также общепрофессиональными компетенциями, составляющими основу для проведения научно-исследовательской и информационно-аналитической видов профессиональной деятельности. Иными словами, под реферированием понимается деятельность по аналитико-синтетической переработке профессиональной информации. Для уточнения вопроса о том, что означает «профессиональная», мы обратились к анализу видов профессиональной деятельности, представленных в нормативных образовательных документах (табл. 2).

Интерпретация представленных в таблице данных позволяет говорить о том, что реферирование как вид профессиональной деятельности соотносится с научно-информационной или библиографической (научно-исследовательской, экспертно-аналитической) и референтской или переводческой сферами. И в таком случае в содержание обучения реферированию входит обучение библиографическому (научно-информационному) реферированию и аннотированию (написанию рефератов и аннотаций на русском языке к китайским изданиям), научному реферированию и аннотированию (написанию авторских пристатейных аннотаций, тезисов на научные конференции), переводческому реферированию (сокращенному переводу массива данных на китайском языке). Именно такие виды реферирования (подробнее о видах реферирования на китайском языке в сопоставле-

нии с русскими жанрами см. нашу работу [4]) будут отвечать вызову профессионализации высшего языкового образования.

Таблица 2

Реферирование как вид профессиональной деятельности в разных государственных образовательных стандартах

Поколение стандартов	Виды профессиональной деятельности
2000 (II)	Библиотечно-архивная, научно-исследовательская, педагогическая
2010 (III)	Научно-исследовательская, учебно-образовательная, экспертно-аналитическая, практическая и организационная
2014 (III+)	Научно-исследовательская, педагогическая, экспертно-аналитическая, практическая и организационно-управленческая
2020 (III++)	Дипломатическая, организационно-управленческая, экспертно-аналитическая, научно-исследовательская, проектная, информационно-коммуникационная, переводческая

Следующая проблема при обучении реферированию на китайском языке — это нехватка учебных пособий по реферированию, ориентированных на студентов-китаистов филологического профиля и соответствующих требованиям междисциплинарности и коммуникативности. Имеются пособия О. П. Попова «Теория и практика реферирования» (1994 г.), Н. К. Хузиятовой (в соавторстве) «Перевод и реферирование с китайского на русский и с русского на китайский» (2012 г.), а также недавно изданное учебно-методическое пособие А. В. Семенова «Реферирование и аннотирование на русском и китайском языках» (2019 г.). О. П. Попов [2] предлагает теоретические основы реферирования и аннотирования на русском языке, а также дает упражнения на реферативный перевод текстов по военной тематике (с китайского языка на русский). Н. К. Хузиятова [9] представляет тексты газетно-публицистического стиля на китайском языке, которые требуется перевести на русский язык и отреферировать. Ни в одном из этих пособий не было дано образцов реферирования и аннотирования, как должны выглядеть продукты этой деятельности на китайском языке. Именно эту лакуну заполняет пособие А. В. Семенова [3], где описаны все возможные типы реферативных текстов на китайском и русском языках, а также, что является крайне ценным, даны примеры этих текстов. Однако, жанровый репертуар, представленный в учебно-практической части пособия, является, на наш взгляд, несколько бедным — это новости о деятельности Си Цзиньпина, либо тексты его выступлений. Такая тематическая «узость» не отвечает вызовам коммуникативности и междисциплинарности современного высшего языкового образования. Как показал анализ образовательных документов, сферы профессиональной деятельности востоковедов-филологов не ограничиваются дипломатической и организационно-управленческими, переводческими направлениями, но включают в себя и научно-исследовательскую, информационную. Помимо российских пособий, есть также китайские учебники по китайской научной речи и прикладному письму [10, 11]. Однако там раскрываются лишь вопросы составления автореферата (аннотации) и монографического учебно-научного реферата на китайском

языке, что также является недостаточным. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, во-первых, имеющихся пособий по реферированию на китайском языке крайне мало, во-вторых, они лишь отчасти решают проблему профессионализации языкового образования. Ни одно из этих пособий нельзя использовать в качестве основного пособия по обучению реферированию на китайском языке студентам филологического профиля.

Наконец, мы переходим к третьей проблеме. Это низкая мотивация самих студентов овладеть способностью реферировать на китайском языке, которая связана с имеющимся у них негативным опытом написания рефератов на русском языке. Мы провели анкетирование среди студентов 4 курса (направлений подготовки «Востоковедение и африканистика», «Лингвистика», китайский язык) с целью определения их (студентов) эмоционально-ценностного отношения к реферированию и аннотированию. Всего было опрошено 112 человек (в период с 2017 по 2021 годы). Мы попросили студентов назвать ассоциации, которые возникают при словах «реферат» и «аннотация» (в таблицах 3 и 4 приведены фрагменты ответов респондентов). Около половины опрошенных продемонстрировали негативное отношение к реферированию, тогда как к аннотированию, в целом, отношение положительно-нейтральное.

Таблица 3

Ассоциации студентов 4 курса с понятием «реферат»

Положительно-нейтральное отношение	Негативное отношение
<ul style="list-style-type: none"> – Научная работа, презентация, правильное оформление (текстового документа), задание в рамках дисциплины, интерес – Домашнее задание, сборник знаний по определённой теме, лёгкое оформление – Лаконичность, доклад, тезис, стандартность, длинный текст – Поиск информации, написание текста определённого формата, часто сокращение текста. – компиляция, сжатый пересказ – Достаточно комфортный вид деятельности, который легко выполняется, знаком и понятен всем – Трудная работа, подготовка, поиск информации, сдача проекта – Ассоциация - необходимо донести смысл прочитанного своими словами, вникнуть в тему и объяснить её простым языком тем, кто не вникал. В случае, если тема интересная, эмоции положительные, а в случае, если тема выбрана не мной - скука. – Упорство – Возникают ассоциации со словом структура, ограниченность и перефразирование. 	<ul style="list-style-type: none"> – Усталость, грустно немножко – Скука, уныние, тишина – Долго, сложно, монотонная работа, боль – Негативные. В голове тут же возникает мысль о необходимости что-то читать и что-то писать и о путанице, которая связана с непониманием, что именно необходимо сделать, какая именно стоит цель за этой работой. – Отрицательные. Учёба, компьютер, время, крайний срок. – Скорее отрицательные; учеба, крайний срок, нервы – Что-то обязательное, нудное, давящее

Ассоциации студентов 4 курса с понятием «аннотация»

Положительно-нейтральное отношение	Негативное отношение
<ul style="list-style-type: none"> – Научная статья, определенность, четкость в выражении, выжимка самого главного, тезисы – Книга, статья, сложно писать – Краткость, четкость, интерес – Приковывающая взгляд, захватывающая внимание – Ответственность; правильно передать основную суть – Что-то легкое, быстрое, краткое – Положительные эмоции, связанные с интересом к материалу, т. к. зачастую необходимо написать аннотацию на один источник, более глубоко погружаешься в тему. – Написание ёмкого, краткого текста, описание статьи / книги / фильма. Эмоции также зависят от интереса к объекту аннотирования. – Сжатый пересказ по названиям глав. – Нечто не такое объемное, как реферат, потому воспринимается легче и чуть с большим интересом. – Более приятные, чем от слова реферат. – Воображение рисует маленькие брошюры к фильму в кинотеатре или же небольшое описание книги на заднем форзаце – Ограниченное количество слов, необходимых для раскрытия содержания статьи. – Маленькая статья, обзор, описание, агитация. – Аннотация к статье, краткое содержание статьи. – Книжная аннотация на задней обложке книги. – Ассоциации приятные, так как зачастую грамотно составленная аннотация сразу даёт понять, есть смысл покупать конкретную книгу или нет. 	<ul style="list-style-type: none"> – Скука, уныние – Грустные, так как это всегда было сложно для меня – Опустошение – Непонимание

Анализ эмоционально-мотивационного фона (отношения студентов к реферированию и аннотированию) позволил нам сделать следующие выводы. Во-первых, «реферат» респонденты понимают скорее как школьное или вузовское домашнее задание, требующее самостоятельного изучения материала, который не является интересным для студента, отнимает очень много времени и сил, вызывает тревогу и скуку. Во-вторых, к «аннотации» респонденты относятся с гораздо большим энтузиазмом, чем к «реферату», соотнося аннотирование с кратким описанием научных публикаций (аннотация к статье), художественных изданий (аннотация на книгу), фильмов. Такое положительное отношение к аннотированию мы связываем с отсутствием распространенной практики написания аннотаций в школе и вузе как учебного задания, а также тем, что аннотации, как правило, пишутся по одному источнику, который интересен респонденту. В-третьих, мы проследили динамику отношения к реферированию у студентов, обучающихся в 2017–2018 гг. и в 2021, и обнаружили, что у нынешнего поколения респондентов имеется более позитивный опыт реферативной деятельности в

вузе («знакомый и понятный всем вид деятельности», «хорошо знаю, как писать рефераты, с этим нет никаких трудностей»). Тем не менее, реферирование по-прежнему является менее привлекательным нежели аннотирование. Все вышесказанное означает, что при обучении реферированию преподаватель должен учитывать негативные факторы, которые влияют на мотивацию студентов.

Анализ ответов респондентов на вопрос об опыте чтения на родном и китайском языках позволил выстроить график (рис. 1), который показывает корреляцию между испытываемыми студентами трудностями при понимании данной литературы и частотностью их чтения. Самыми сложными для понимания являются те тексты, с которыми студенты сталкиваются реже всего, — научные (из 112 респондентов 14% отметили, что читают такие тексты, 38% назвали эти тексты трудными для понимания) и официально-деловые (частотность 2%, трудность 41%). Наименьшую трудность вызывает чтение публицистической литературы (частотность 22%, трудность 3%). Такое положение дел свидетельствует о том, что реферирование и аннотирование должно осуществляться не только и не столько на материале публицистической литературы, но и научно-исследовательской, а также официально-деловой, что будет отвечать вызовам междисциплинарности и профессионализации.

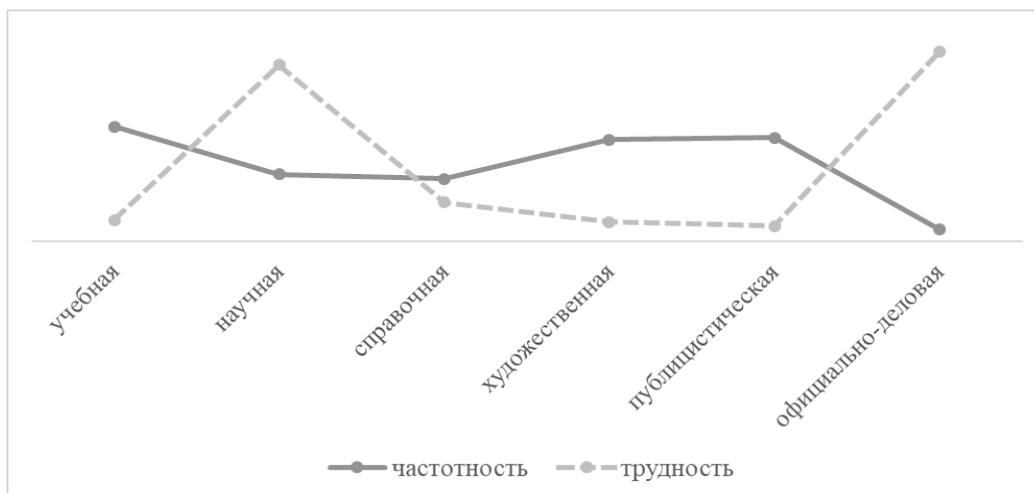

Рис. 1. Опыт чтения на родном и китайском языках

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем отметить следующее. В обучении реферированию на китайском языке преподавателю языкового вуза необходимо разработать такую технологию обучения, которая будет способна отвечать современным вызовам: междисциплинарности и профессионализации языкового образования, антропоцентричности, коммуникативности и субъектности знания. Иными словами, обучение реферированию должно быть профессионально и лично значимым, учитывающим социокультурные факторы профессиональной и академической коммуникации, опосредованной текстами рефератов и аннотаций на китайском и русском языках, а также индивидуально-психологические факторы, влияющие на эффективность подобной коммуникации.

Литература

1. ГОС ВПО 022800 «Востоковедение, африканистика (уровень специалитета)». 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduscan.net/standart/030801> (дата обращения: 23.09.2021).
2. Попов О. П. Теория и практика реферирования: китайский язык: учебное пособие / О. П. Попов. Москва: Воен. акад. экономики, финансов и права, 1994. Ч. 1. 189 с.
3. Семенов А. В. Реферирование и аннотирование на русском и китайском языках: учебно-методическое пособие / А. В. Семенов, Т. Г. Семенова. Москва: Шанс, 2019. 292 с.
4. Смолова М. А. Обучение реферированию текстов на китайском языке студентов языкового вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / М. А. Смолова. Москва, 2019. 349 с.
5. Тарева Е. Г. Языковое образование в эпоху постмодернизма: кризис системности или новая системность? / Е. Г. Тарева // Язык и культура. 2021. № 53. С. 270–289.
6. ФГОС ВПО 032100 «Востоковедение и африканистика (квалификация (степень) «бакалавр»)». 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/3/20111115115520.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).
7. ФГОС ВО 58.03.01 «Востоковедение и африканистика (уровень бакалавриата)». 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/58.03.01.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).
8. ФГОС ВО 58.03.01 «Востоковедение и африканистика (уровень бакалавриата)». 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Вак/580301_B_3_10092020.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
9. Хузиятова Н. К. Перевод и реферирование с китайского языка на русский и с русского на китайский: учебное пособие / Н. К. Хузиятова, Н. И. Шевцова, Ц. Цзяньпин, М. Е. Панина. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2012. 124 с.
10. Ли Ин. Люсюэшэн бие луньвэнь сецзо цзяочэн / Ли Ин, Дэн Шулань. – Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2012. 236 с. 李英. 留学生毕业论文写作教程. 李英, 邓淑兰. 北京: 北京大学出版社, 2012. 236 页 [Ли Ин. Написание выпускной квалификационной работы студентами-иностранцами: учебное пособие / Ли Ин, Дэн Шулань. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2012. 236 с.].
11. Чжан Цзяньян. Инюнь сецзо аньли юй суньянь / Чжан Цзяньян. – Ди эр бань. Бэйцзин: Бэйшида чубаньшэ, 2015. 314 с. 张江艳. 应用写作案例与训练 / 张江艳. 北京: 北师大出版社, 2015. 314 页. [Чжан Цзяньян. Примеры прикладного письма и обучение / Чжан Цзяньян. Пекин: Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2015. 314 с.].

TEACHING UNIVERSITY STUDENTS TO WRITE SUMMARIES IN CHINESE:
MODERN DAY CHALLENGES

Maria A. Smolova

Cand. Sci. (Pedagogy), Senior Lecturer,
Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages,
Moscow City University
4/1 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, Moscow 129226, Russia
smolovaMA@mgpu.ru

Abstract. The paper, through the prism of the challenges of post-non-classical science (anthropocentricity, communication, professionalization, subjectivity), considers three problems of teaching language university students to write summaries and abstracts in Chinese: changing requirements of state educational standards, lack of textbooks on summary writing in Chinese, low motivation of students to learn this type of activity.

Keywords: summarizing in Chinese, teaching Chinese, summary writing, abstract, language university.

УДК 811.58:81

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-152-157

АДАПТАЦИЯ ЯПОНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© Хайдапова Марина Бато-Очировна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
khaimarina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ассимиляции японских заимствований в китайском языке, определяются закономерности и специфика данного процесса. Представленный материал анализируется с точки зрения грамматических и семантических трансформаций японских лексических единиц в ходе адаптации к нормам китайского языка. В грамматическом плане, отмечается стремление к корнесложению, утрата японскими словами грамматических аффиксов и служебных слов, а также изменение порядка следования компонентов двусложных слов глагольно-объектного типа. С точки зрения семантики, имеет место изменение семантического объема заимствованных слов и замена лексем, обусловленная несовпадением значений или различиями в оттенке слова в японском и китайском языках.

Ключевые слова: китайский язык, японские заимствования, адаптация, трансформация.

Для цитирования

Хайдапова М. Б.-О. Адаптация японских заимствований в китайском языке // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 152–157.

Японские заимствования в китайском языке занимают особое положение среди заимствований из других языков, что определяется историческим развитием этих стран, общим ареалом синографической культуры (汉字文化圈 ханьцзы вэньхуа цюань). Заметим, что термин 汉字文化圈 тоже относится к заимствованиям из японского языка, а создан был в конце 50-х гг. XX века известным японским ученым, профессором Камэи Такаси (亀井孝, 1912–1995). История создания данного термина описана в монографии китайского лингвиста Хэ Цюньсюна «Китайские иероглифы в Японии» [4, с. 173–175].

На протяжении длительной истории взаимных контактов Китая и Японии в языках этих стран непрерывно происходили процессы взаимовлияния. Так, если в древности китайская иероглифическая письменная культура распространилась на сопредельные страны, в том числе Японию, и повлияла на формирование японской письменной традиции, то впоследствии, особенно в период сер. XIX в. — нач. XX в., из интенсивно модернизирующейся Японии в Китай вместе с передовыми идеями пришло и огромное количество новой лексики, в основном из

научно-технической сферы, которая имела «китайский облик», благодаря общей иероглифической письменной традиции. В процессе перевода западной лексики японцы создали много новых слов путем комбинации иероглифов, и эти слова пришли в китайский язык как вторичные и обратные заимствования.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался новой волной японских заимствований, в этот период в китайский язык из японского пришли и продолжают приходить в основном слова из области повседневного обихода, молодежной поп-культуры, аниме, компьютерных игр, большую роль в этом сыграло развитие интернета.

Теме японских заимствований посвящено немало трудов китайских лингвистов. Это и известные работы Ван Ли [1], Гао Минкя и Лю Чжэнтаня [2] и других классиков китайского языкознания, и более новые публикации, из которых можно отметить книги Ши Ювэя [6], а также Цуй Иня и Дин Вэньбо [5]. Это труды по истории китайского языка, монографии по иностранным заимствованиям в целом и отдельно по японским заимствованиям, а также многочисленные статьи.

Что касается отечественных исследовательских работ по японским заимствованиям в китайском языке, заметим, что пока нет комплексных трудов по данному направлению, есть работы, рассматривающие отдельные аспекты данного исследовательского поля, среди которых можно назвать магистерские диссертации и отдельные статьи, краткие сведения о японских заимствованиях имеются также в учебных пособиях по лексикологии. Действительно, в отечественном Китаеведении на сегодняшний день нет относительно полного монографического описания японских заимствований, и данная статья, в которой будут рассмотрены особенности адаптации японских заимствований в китайском языке, призвана внести небольшой вклад в изучение этой обширной темы.

В статье исследуются изменения, которые претерпела японская лексика в ходе адаптации к нормам китайского языка, определяются закономерности и специфика данного процесса. Примеры с пояснениями взяты из статьи Гу Цзяньпин «Явная и скрытая ассимиляция японских заимствований в китайском языке» [3], однако представленный материал проанализирован и структурирован нами несколько иначе, с позиций грамматических и семантических трансформаций.

1. Грамматическая адаптация

1.1. Утрата японским словом суффикса

На примере слова 写手 ‘человек, занимающийся написанием текстов, литературным творчеством’, которое уже укоренилось в современном китайском языке, рассмотрим одну из моделей грамматической адаптации японского заимствования, а именно, утрату японского суффикса, записываемого каной (хираганой).

Китайский язык носит корневой характер, и древнекитайская лексема 書 содержит и сему действия, и сему предметности. В свое время при адаптации к реалиям японского языка был добавлен записанный каной показатель глагола < (ku), так, в японском языке слово 書 < (kaku) — это глагол, означающий ‘писать (кит. 书写); писать (сочинения), создавать (литературные произведения) (кит. 写作)’, а японское слово 書き (kaki) представляет собой субстантивирован-

ное употребление глагола 書く (kaku). Так, 書き手 (kakite) в японском языке означает ‘мастер написания текстов, литературных сочинений’.

В процессе адаптации к нормам китайского языка японское слово 書き手 (kakite) претерпело двухэтапную трансформацию. Во-первых, убрали записываемый знаком хираганы суффикс き (ki), соответственно получилось 書手. Во-вторых, глагольное значение 書 ‘писать’ заменено на 写, поскольку в современном китайском языке, 书 (書) используется больше не как глагол, а как существительное со значением ‘книга’. Таким образом, в результате двухуровневой адаптации японское слово 書き手 в китайском языке закрепилось в виде 写手.

1.2. Удаление служебного слова (частицы)

Японское слово 味の素 (aji-no-moto) означает ‘глутамат натрия (усилитель вкуса, приправа)’, в китайском языке ему соответствует слово 味精. の (no) — это определительная частица, близкая по функции китайской определительной частице 的. В таком значении японская частица の (no) проникла в китайский язык в начале XX века, и слово 味の素 (aji-no-moto) пришло в китайский язык именно в то время. Подобных слов с частицей の (no) заимствовалось немало, но поскольку эта записанная каной частица не вписывалась в формат китайского языка (во-первых, грамматические отношения в китайских словах в основном выражаются порядком следования лексем; во-вторых, инородной была сама графика знаков каны), поэтому японские слова с этой частицей при вхождении в китайский язык либо теряли ее, либо она заменялась китайской 的. Так, японское слово 味の素 (aji-no-moto), утратив частицу の (no), в форме 味素, а затем и трансформировавшись в 味精, укоренилось в китайском языке. В настоящее время оно до сих пор употребляется в виде 味素 в диалекте Фучжоу.

1.3. Изменение японской структуры «O+V» на китайскую «V+O»

В японском языке порядок следования компонентов в глагольно-объектных структурах обратный китайскому — объект предшествует глаголу, например: 骨接 ‘контакт с костью’, 皮切 ‘разрез кожи’, 步行不能 ‘абазия, неспособность ходить’, 品质保证 ‘гарантия качества’. В китайском языке глагольно-объектные отношения в подавляющем большинстве случаев выражаются по модели «V+O».

На примере слова 洗手间 ‘туалет, уборная’ можно посмотреть подобную трансформацию. В процессе ассимиляции японского слова お手洗い (o te arai) сначала были удалены записанные знаками каны грамматические показатели お (o) и い (i), осталось 手洗, где объект предшествует глаголу. И поскольку в китайском распространена структура «V+O», то компоненты поменяли местами, и получилось 洗手, которое является глагольно-объектным словосочетанием ‘мыть руки’, а не словом, и по смыслу напрямую не соотносилось с понятием ‘туалет’ (ср. 厕所 букв. ‘место с краю, в сторонке’). Поскольку туалет — это некое строение, добавили еще третий компонент 间, тем самым и словосочетание трансформировали в слово, и конкретизировали значение. Кроме того, получили более деликатное наименование, по сравнению с уже имевшимся в китайском языке 厕所.

2. Семантическая адаптация

2.1. Замена морфемы из-за несоответствия значений в японском и китайском языках

яп. 宅急便 (takkyūbin) → кит. 宅急送 ‘курьерская служба доставки’

В японском языке 便 (bin) имеет значения ‘почта, почтовая корреспонденция’ (邮件, 邮递邮件). Соответственно, 急便 означает ‘экспресс-почта’ (快递的邮件), а 宅急便 имеет значение ‘экспресс-почта с доставкой на дом, или курьерская служба доставки’ (送到家的快递邮件).

В китайском языке 便 не имеет значения ‘почта, почтовая корреспонденция’. В сочетании с другими словами легко может возникнуть ассоциация “急着要‘方便’” ‘срочно надо в туалет’ (эвфемизм ‘方便’ для 大小便). В связи с этим и поменяли морфему с неподходящей ассоциацией 便 на 送 со значением ‘доставлять, доставка’. В свое время заимствованное из японского языка слово 郵便局 (郵便局 Yūbinkyoku) ‘почта’ на том же основании трансформировали в 邮电局.

2.2. Изменение семантического объема заимствованного слова

В процессе адаптации заимствованных иноязычных слов нередко происходят семантические изменения, такие как сужение или расширение первоначального значения, это относится и к японским заимствованиям в китайском языке. Например, японское 畳 (たたみ tatami) пришло в китайский язык во второй половине XIX века, и наряду с тем, что были разные варианты транслитерации этого слова (榻榻米, 踏踏咪), возникали и различия в понимании его значения. Некоторые понимали значение этого слова как ‘комната в японском стиле’, соответственно возникали выражения типа 睡踏踏咪房间 ‘спать в комнате татами’, 装修一间踏踏咪房间. Другие понимали это слово как ‘японский матрас на кровать’, так возникло выражение 睡“踏踏咪垫子” ‘спать на татами’. На самом деле, японское слово 畳 (たたみ tatami) означает ‘соломенный коврик, который расстилают на полу в японской комнате’. В традиционной японской комнате нет кровати, вместо нее на пол с татами расстилают футон 敷布団 (shikibuton) ‘японский матрас, состоящий из слоев хлопчатобумажной ткани и наполнителя, который на ночь стелют на пол, а утром убирают на хранение’, т. е. татами и постельная принадлежность футон разные вещи. Очевидно, что в первом случае имело место расширение значения слова «татами», а во втором — либо татами путали с футоном, либо семантический объем «татами» также увеличивался за счет такого синкретичного, нераздельного понимания японского слова. Всё это было вызвано незнанием деталей реалий японской культуры.

2.3. Замена слова (компонента сложного слова) из-за различия в его оттенках в японском и китайском языках

яп. 自動販売機 (jidō hanbaiki) → кит. 自动售货机 ‘торговый автомат’

Одинаковые по морфемно-иероглифическому составу слова японского и китайского языков могут различаться оттенком. Например, нейтральное по окраске японское слово (компонент сложного слова) в китайском языке может иметь негативный оттенок, поэтому происходит замена синонимом с более нейтральным оттенком.

Японское 販売 (hanbai) ‘продавать’ достаточно нейтральное слово, употребляется в обычных сочетаниях типа 販売協定 (кит. 买卖协定) ‘договор купли-продажи’, 販売促進 (кит. 促进销售) ‘продвижение продаж, стимулировать продажи’. Китай заимствовал такое достижение техники, как торговые автоматы, но японское слово 自動販売機 частично преобразовал, поскольку слово 贩卖 в современном китайском языке очень часто имеет отрицательный оттенок (‘перекупать’, ‘барыжничать’ и др.), широко употребляется в выражениях, связанных с нарушением закона, порядка, норм морали (贩卖毒品 ‘торговать наркотиками’, 贩卖妇女儿童 ‘торговать женщинами и детьми’, 贩卖黑奴 ‘работоторговля’, 贩卖假药 ‘торговать поддельными лекарствами’, 贩卖假币 ‘торговать фальшивыми деньгами’, 贩卖私货 ‘торговать контрабандным товаром’ и т. п.). Контекст употребления 贩卖 как нейтрального слова в китайском языке довольно ограниченный (贩卖水果、牲畜 shēngchù、农产品 ‘торговать фруктами, домашним скотом, сельскохозяйственной продукцией’). По этой причине при заимствовании японского 自動販売機 (jidō hanbaiki) ‘торговый автомат’ компонент 贩卖 заменили на 售货, в результате получилось 自动售货机.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что в процессе заимствования японских слов и их адаптации к нормам китайского языка прослеживаются две особенности: в грамматическом плане, это стремление к корнесложению, отказ от японских грамматических аффиксов и служебных слов, а также изменение порядка следования компонентов двусложных слов глагольно-объектного типа. С точки зрения семантической адаптации японских заимствований, можно отметить расширение семантического объема заимствованных слов и замену лексем, обусловленную несовпадением значений или различиями в оттенке слова в японском и китайском языках.

Литература

1. Ван Ли. Ханьюй шигао // Ван Ли вэньци. Ди цю цюань. Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 1988. 王力. 汉语史稿 [M] // 王力文集. 第九卷. 济南: 山东教育出版社, 1988. [Ван Ли. История китайского языка // Собрание трудов Ван Ли. Т. 9. Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 1988].
2. Гао Минкай, Лю Чжэнтань. Сяньдай ханьюй вайлайцы яньцзю. Beijing: Вэньцзы гайгэ чубаньшэ, 1958. 高名凯, 刘正埏. 现代汉语外来词研究 [M]. 北京: 文字改革出版社, 1958. [Гао Минкай, Лю Чжэнтань. Исследование заимствованных слов современного китайского языка. Пекин: Вэньцзы гайгэ чубаньшэ, 1958].
3. Гу Цзянпин. Ханьюй дуй жиной цзецы дэ сяньсин гайцзао юй иньсин сишоу // Чанцзян сюэшу, 2009. № 4. С. 112-117. 顾江萍. 汉语对日语借词的显性改造与隐性吸收 [J]. 长江学术. 2009年04期. 112-117页. [Гу Цзянпин. Явная и скрытая ассимиляция японских заимствований в китайском языке // Чанцзян сюэшу, 2009. № 4. С. 112-117].
4. Хэ Цюньсюн. Ханьцзы цзай Жибэнь. Сянган: Шаньу иньшугуань, 2001. 何群雄. 汉字在日本. 香港: 商務印書館, 2001. [Хэ Цюньсюн. Китайские иероглифы в Японии. Гонконг: Шаньу иньшугуань, 2001].
5. Цуй Инь, Дин Вэньбо. Жи юань вайлайцы таньюань. Гуанчжоу: Шицзе тушу чубань гуандун юсянь гунсы, 2013. 崔崑, 丁文博. 日源外来词探源 [M]. 广州: 世界图书出版广东有限公司, 2013. [Цуй Инь, Дин Вэньбо. Поиск истоков заимствованных слов японского происхождения. Гуанчжоу: Шицзе тушу чубань гуандун юсянь гунсы, 2013].
6. Ши Ювэй. Ханьюй вайлайцы. Бэйцзин: Шаньу иньшугуань, 2013. 史有为. 汉语外来词 [M]. 北京: 商务印书馆, 2013. 史 Ювэй. [Ханьюй вайлайцы. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2013].

THE ADAPTATION OF JAPANESE LOANWORDS
INTO CHINESE

Marina B.-O. Khaidapova

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,

Head of Department of Far East Countries Philology,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

khaimarina@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of assimilation of Japanese loanwords in Chinese, reveals the regularities and specificity of this process. The presented material is analyzed in terms of grammatical and semantic transformations of Japanese words in the process of adaptation to the norms of Chinese. In grammatical terms, there is a tendency towards word composition, the loss of grammatical affixes and service words, as well as a change in the order of components of disyllabic words of the verb-object type. From the point of view of semantics, there is a change in semantic volume of borrowed words and a substitution of lexemes due to the mismatch of meanings or differences in the shade of the same word in Japanese and Chinese.

Keywords: Chinese, Japanese loanwords, adaptation, transformation.

УДК 811.581.11

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-158-165

**СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ
РЕЧЕВОГО АКТА ПОЗДРАВЛЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

© **Дондоков Доржи Дондокович**

старший преподаватель кафедры китайской филологии

Института востоковедения,

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48

dondokovdd@herzen.spb.ru

Аннотация. В статье описываются особенности раскрытия ритуализированности китайской культуры в языке. Анализируются способы вербальной репрезентации речевого акта поздравления, поводом которого выступают различные праздники и события, в постах в Wechat, отобранных нами самостоятельно, а также извлеченных из Leiden Weibo Corpus. Установлено, что 100-летний юбилей Коммунистической партии Китайской Народной Республики стал ключевым событием июля 2021 года для носителей китайской лингвокультуры. Анализ данных, извлечённых из Leiden Weibo Corpus, показывает, что национальная специфика китайской культуры отражается в способах языковой объективации речевого акта поздравления, поводом которого служит Новый год по лунному календарю 春节, в некоторых из которых упоминается год дракона по восточному гороскопу 龙年.

Ключевые слова: китайский интернет-дискурс, Wechat, речевой акт поздравления, китайская лингвокультура, прагмалингвистика.

Для цитирования

Дондоков Д. Д. Способы языковой объективации речевого акта поздравления в китайском интернет-дискурсе // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 158–165.

Ритуализированность китайской лингвокультуры

В ходе анализа постов в Wechat — продуктов дискурсивной деятельности китайской языковой личности было выявлено, что чаще всего в «Моментях» Wechat вербально воплощается речевой акт поздравления. Речевой акт поздравления относится к подклассу экспрессивных речевых актов — социативам, которые «в социологии называют церемониальными действиями» [Цит. по: 3, с. 62].

Результаты краудсорсингового исследования, участниками которого стали носители китайской лингвокультуры, показали, что среди популярных стереотипов о Китае и китайцах в ответах респондентов фигурируют стереотипы о ритуале и церемониях (“礼仪之邦” ‘страна церемоний/ритуалов’, “对礼仪文化知识如同古代的理解” ‘понимание знаний о ритуале как в древности’). Также следует отметить, что одной из пяти констант китайской культуры (五常 ‘пять постоянств’) является концепт 礼 ‘ритуал’, который вербализуется в одном из ключевых, по мнению участников краудсорсингового исследования, слов китайской культуры — слове 礼 ‘ритуал’. Цзоу Хун называет ритуал 礼 *ли* универсальным концептом китайской лингвокультуры [4, с. 145], Е. Ф. Серебренникова, А. П. Хадеева рассматривают 礼 *ли* в качестве ключевого понятия «ритуально-религиозной сферы жизни китайского этноса» [2, с. 709]. Описывая собственную культуру, 11 респондентов-носителей китайской лингвокультуры упомянули ритуал 礼/礼仪. Вместе с тем один участник краудсорсингового исследования указал на ослабление влияния традиционного китайского ритуала:

(1) 传统中国文化礼仪逐渐淡漠 ‘традиционный китайский ритуал ли постепенно растворяется’.

Одним из средств вербализации концепта 礼 ‘ритуал’ можно считать упомянутый тремя респондентами четырёхслог “礼尚往来” ‘услуга за услугу’.

Кроме этого, концепт 礼 ‘ритуал’ вербализуется в других четырёхсловах, упомянутых респондентами:

(2) 以礼待人 ‘вежливо относится к людям’

(3) 克己复礼 ‘обуздать себя и вернуться к ли’

(4) “以礼相待” ‘вежливое отношение’.

Один респондент привёл цитату из «Ли цзи»:

(5) “礼尚往来，往而不来，非礼也；来而不往，亦非礼也”

Ли чтут взаимность: оказать милость, но не получить благодарность — не [соответствует] ли; принять милость, но не отблагодарить — также не [соответствует] ли [1, с. 148].

Ниже приводится анализ способов языковой объективации речевого акта поздравления в постах, продуцируемых китайскими языковыми личностями в Wechat.

Способы языкового воплощения речевого акта поздравления в Wechat

Посты в Wechat, в которых вербально воплощается речевой акт поздравления, были разделены по поводу для поздравления. Одним из частых поводов для поздравления является один из переходных ритуалов — день рождения. В отдельный блок следует выделить поздравления детей с днём рождения от их матерей:

(6) LY: 信任是成长的第一把钥匙

七岁的你独自踏上旅程

迈出一小步

成长一大步

愿你平安 康健喜乐 [6]

‘Доверие — первый ключ к взрослению
Семилетняя ты самостоятельно вступаешь на путь
Делаешь один маленький шаг
Взрослеешь на один большой этап
Желаю тебе благополучия, здоровья и радости!’

(7) **XX**: 长势喜人的小淘气鬼：两周岁生日快乐！愿你在成长的道路上，遇见彩色的梦和超多小美好，麻麻会继续陪你一起寻找快乐星球的！ [6].

‘Милая шалунишка, с двухлетием! Желаю на пути взросления видеть цветные сны и много прекрасного, мама будет продолжать с тобой вместе искать звезду радости!’

(8) **SX**: 月亮姐姐 7 岁了!

过去的 7 年，
我当妈，
你当娃，
咱们合作的不错。

余生，
还是我当妈，
你当娃。
咱们再接再厉！

记得爸爸妈妈爱你！我们会尽全力做好你的坚实后盾，而你只管健康、快乐就好！ [6].

‘С 7-летием, Юэлян!
За прошедшие 7 лет,
Я была матерью,
Ты – ребёнком,
Мы неплохо сотрудничаем.

Дальше
Я так же буду матерью,
А ты будешь ребёнком.

Дальше — больше!

Помни, что родители любят тебя! Мы приложим все усилия, чтобы быть твоим надёжным тылом, а ты только будь здорова и весела’.

В примерах (6) и (7) используется метафора пути — 成长的道路 ‘путь взросления’, 旅程 ‘путь, маршрут’, в примере (7) XX использует “麻麻”, используемое в интернет-дискурсе вместо нормативного 妈妈 ‘мама’.

Праздники как повод для поздравления

Поводом для следующей группы поздравлений послужил День матери. День матери 母亲节 в Китае, как и во многих странах мира, отмечается во второе вос-

кресенье мая. Этот праздник и поздравления по его поводу нашли своё отражение и в постах пользователей Wechat:

(9) **SX**: 这辈子我欠我妈的, 算是还不上! 送啥觉得都显得不够, 索性给我妈放了天假!

7年前, 老天又给我送来了贴心的小棉袄儿。这娃早早就开始给我准备今儿的礼物了。红包是这小孩儿大半夜趁我睡觉的时候儿, 偷偷放在我枕边儿的。200块, 大手笔, 有点儿小感动! 我爱我妈, 我爱给我娃当妈!

希望当妈的天天都过母亲节, 照顾好自己身体, 因为当孩子的, 需要我们! [6].

‘Этой жизнью я должна своей маме, можно сказать, в неоплатном долгу! Что бы я ни дарила, кажется, что недостаточно, лучше всего устроить выходной маме!

Семь лет назад Бог подарил мне заботливую дочь. Она заранее начала готовить мне сегодняшний подарок. Красный конверт она незаметно положила рядом с моей подушкой глубокой ночью, воспользовавшись моментом, когда я заснула. 200 юаней, большая сумма, немного растрогана! Я люблю мою маму, и мне нравится быть матерью моей дочери!

Пусть мамы каждый день отмечают День матери, заботятся о здоровье, потому что мы нужны детям!’

(10) **LJ**: 祝天下的母亲们节日快乐! 🌹🌹🌹

祺哥的稚嫩的小画作, 为母很开森 [6].

‘Поздравляю всех матерей с праздником!

Нежная картина Ци, как мать очень довольна’.

(11) **X**: 两个宝贝自己用零花钱请我吃了顿烧烤, 母亲节的第一份礼物 🎁🎁 [6].

‘Обе дочки на свои деньги угостили меня шашлыками, первый подарок на День матери’.

В примере (9) использован нестандартный эквивалент для слова «дочь» в китайском языке “小棉袄儿” ‘опора для родителей (о дочери)’, образованный из морфемы 小 ‘маленький’ и 棉袄 ‘ватник’. В постах родителей в Wechat прослеживается тенденция добавлять после имён детей слова 哥 ‘старший брат’, 姐姐 ‘старшая сестра’, так в своих постах SJ называет дочь Юэлян 月亮姐姐, а LJ своего сына в примере (10) назвала 祺哥. Также в примере (10) использован интернет-сленг, слово 开森 употреблено вместо нормативного 开心 ‘рад’.

В следующую группу выделены поздравления, поводом которых стал Международный женский день. В следующих ниже поздравлениях концепт «женщина» объективируется в лексической единице “女神” «женщина, девушка», образованной из морфемы “女” ‘женщина’ и “神” ‘бог, богиня’:

(12) **XX**: 看见彼此, 听见彼此, 心里装着美好, 眼中的你闪闪发光。愿女神们笑容常开, 美丽常伴!

‘Видеть и слышать друг друга, хранить прекрасное в сердце, в глазах ты сияй. Желаю девушкам часто улыбаться и красота пусть неизменно сопровождает их!’

(13) **BE**: 多读书, 给女人以智慧和优雅; 多锻炼, 给女人以线条和健康; 爱和善良, 让女人变得夺目; 胸中的自信, 来源于不断的学习。优雅、睿智、善良、健康和自信, 是女人们最好的衣服。祝女神们节日快乐! [6].

‘Чтение книг делает женщин мудрыми и изящными; физические упражнения делают женщин стройными и здоровыми; любовь и доброта делают женщин привлекательными; внутренняя уверенность в себе приходит от постоянной учебы. Изящность, доброта, здоровье и уверенность в себе — лучшая одежда женщин. Поздравляю женщин с праздником!’

Профессиональные праздники также становятся поводом для поздравления. В указанных ниже постах вербализуется речевой акт поздравления, поводом которого стал День учителя в Китае.

(14) **LJ**: 祝各位教育工作者, 教师节快乐! [6].

‘Всех работников образовательной сферы поздравляю с Днём учителя!’

(15) **XX**: 祝我的老师们、同仁们教师节快乐! [6].

‘Поздравляю моих учителей и коллег с Днём учителя!’

Китайская мечта, КПК и её столетие

В рамках краудсорсингового исследования был изучен концепт 中国梦 ‘китайская мечта’. Для трёх респондентов китайская мечта оказалась связанной с коммунизмом и Коммунистической партией Китая:

(16) 在我看来, 中国梦, 是我们中华民族早日实现共产主义, 团结一心地进行祖国的发展, 国家富人人富! ‘По-моему китайская мечта — это скорая реализация коммунизма китайской нацией, рука об руку развивать родину, страна богата и люди богаты!’

(17) 国富民强, 实现共产党人的初心 ‘богатая и сильная страна, реализация первоначальных намерений коммунистов’

(18) 共产党为统治人民给予的安非他命 ‘амфетамин, который даёт Компартия управляемому народу’.

В ходе анализа событийного аспекта китайского интернет-дискурса на материале постов в Wechat было установлено, что 100-летний юбилей Коммунистической партии Китайской Народной Республики стал ключевым событием июля 2021 года для носителей китайской лингвокультуры. Прагмалингвистический анализ показывает, что среди речевых актов, чаще всего вербализуемых в постах в Wechat в июле 2021 года, является речевой акт поздравления, поводом которого послужило вышеназванное событие — столетие Компартии Китая. Примеры языкового воплощения указанного речевого акта приведены ниже:

(19) **LJ**: 庆祝#中国共产党成立 100 周年

7月1日共享纪录片《我是共产党员》《红色记忆》视觉盛宴

共贺百年华诞, 祝福祖国繁荣富强! [6]

‘Отмечаем #100-летие КПК

Вместе смотрим документальный фильм «Я член КПК» Зрелище «Красные воспоминания»

Поздравляем со столетием, желаем Родине процветания и могущества!’

(20) **HSY**: 祝贺伟大的中国共产党成立 100 周年! 祝愿祖国繁荣昌盛! [6].

‘Поздравляю великую Компартию Китая со 100-летием! Желая Родине процветания’.

Успехи адресата как повод для поздравления

Поводом для поздравления в посте преподавателя китайского языка как иностранного одного из вузов Тяньцзиня (КНР) SX послужило успешное окончание университета. В поздравлении SX сравнивает молодость с радугой, использует чэньюй “前程似锦” ‘прекрасные перспективы’, а в конце использует популярную в китайском интернет-пространстве цитату “归来仍是少年” ‘возвращаясь, оставаться молодыми’:

(21) 孩子们毕业快乐!

本科毕业并不意味着结束。新的征程即将开启。青春如虹，未来可期。愿你们不忘初心，前程似锦，愿你们在各自的未来里闪闪发光，归来仍是少年! [6] (к посту прикреплены фотографии с выпускного студентов-иностранцев китайского вуза).

‘С окончанием вуза, дети!

Окончание бакалавриата вовсе не означает конец. Новый путь только начинается. Молодость похожа на радугу, надежды на будущее. Желая вам оставаться верными первоначальной цели, прекрасных перспектив, желаю вам сиять в будущем каждого из вас, и возвращаясь, оставаться молодыми’.

Реализация речевого акта поздравления в китайском языке (на материале данных Leiden Weibo Corpus)

В качестве стандартной формулы поздравления в китайском языке используется следующая графическая модель:

(Название праздника/события) + 快乐!

В Leiden Weibo Corpus по запросу “快乐” было найдено 146761 вхождений, среди которых встречается множество способов языкового воплощения речевого акта поздравления, поводом которого служит день рождения — посты, где упоминается фраза “生日快乐” ‘С днём рождения’. Многие поздравления начинаются с глагола 祝 ‘желать’, в некоторых примерах в препозиции к глаголу стоит слово 提前 ‘заранее’. Среди поводов для поздравления выступают следующие праздники:

а) Новый год, в том числе и по лунному календарю:

(22) 新年快乐! [5] ‘С Новым годом!’

(23) 提前祝你春节快乐! [5] ‘Заранее поздравляю тебя с Праздником Весны!’

(24) 祝你龙年快乐 [5] ‘Поздравляю тебя с новым годом дракона!’

(25) 祝大家龙年快乐! [5] ‘Поздравляю всех с новым годом дракона!’

(26) 新春快乐 [5] ‘С новой весной!’

б) Свадьбы и годовщины свадьбы:

(27) 结婚快乐啊 [5] ‘С днём свадьбы!’

(28) 新婚快乐 [5] ‘С бракосочетанием!’

(29) 姨妈生快生快，过几天是你和姨爹结婚 30 周年，银婚哇哇哇，祝你们身体健健康康，等着你们的金婚 [5] ‘Тётушка, поздравляю с днём рождения, че-

рез несколько у вас с дядей тридцатая годовщина свадьбы, серебряная свадьба, желаю вам здоровья, жду вашу золотую свадьбу’.

в) Рождество:

(30) 圣诞快乐 [5] ‘С Рождеством!’

г) Среди поводов для поздравления встречается понедельник:

(31) 周一快乐 [5] ‘С понедельником!’

Из примеров выше следует, что поводом для поздравления выступают не только китайские праздники, но и международные, а также различные события (свадьбы, годовщины свадеб, понедельник). Можно констатировать, что национальную специфику китайской культуры в способах вербальной репрезентации речевого акта поздравления отражает Новый год по лунному календарю 春节 как повод для поздравления, в некоторых из них упоминается год дракона по восточному гороскопу 龙年.

Выводы

Можно заключить, церемониальность и ритуализированность китайской культуры отражается в способах языковой объективации одного из чаще всего вербализуемых в «Моментях» Wechat речевых актов — речевого акта поздравления, поводом которого выступают различные праздники и события. Прагматический анализ показывает, что среди речевых актов, чаще всего вербализуемым в постах в Wechat, опубликованных в июле 2021 года, является речевой акт поздравления, поводом которого послужило ключевое в указанном месяце для носителей китайской лингвокультуры событие — столетие Компартии Китая. Анализ данных, извлечённых из Leiden Weibo Corpus, показывает, что национальная специфика китайской культуры отражается в способах языковой объективации речевого акта поздравления, поводом которого служит Новый год по лунному календарю 春节 и упоминаемый в них год дракона по восточному гороскопу 龙年.

Литература

1. Кейдун И. Б. «Ли цзи»: Перевод первой главы («Цюй ли») // Религиоведение. № 1. С. 147–163.
2. Серебrenникова Е. Ф., Хадеева А. П. Ритуал в семиотическом измерении пространства китайской культуры // Общество и государство в Китае. 2014. Т. 44. № 2. С. 707–713.
3. Трофимова Н. А. Штрихи к портретам социативных речевых актов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8. № 34. С. 61–74.
4. Цзоу Х. Эволюция содержания понятия ритуала «ли» в китайской литературе // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 145–149.
5. Leiden Weibo Corpus. URL: <http://leidenweibocorpus.nl> (дата обращения: 17.09.2021).
6. Wechat. URL: <https://www.wechat.com/> (дата обращения: 15.08.2021).

LANGUAGE REPRESENTATION
OF CONGRATULATION SPEECH ACT
IN THE CHINESE INTERNET DISCOURSE

Dorzhi D. Dondokov

Senior Lecture,
Chinese Philology Department, Institute of Oriental Studies,
Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russia
dondokovdd@herzen.spb.ru

Abstract. The paper describes how ritualized characteristics of Chinese culture are represented in the language. The paper analyzes the ways of verbal representation of speech act of congratulation on different holidays and events. Analysis is based on the material of Wechat posts selected by the author and the data extracted from Leiden Weibo Corpus. The study shows that 100th anniversary of the Chinese Communist Party has become the key event of July of 2021 for Chinese. The study also shows that national specifics of Chinese culture is represented in the ways of language representation of the congratulation speech act (matter of congratulation is Chinese New Year) where the Year of Dragon is mentioned.

Keywords: Chinese Internet discourse, Wechat, speech act of congratulation, Chinese linguaculture, pragmalinguistics.

УДК: 82-312.4, 821.581

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-165-172

**ЖУРНАЛ «МИР ДЕТЕКТИВА» — ВАЖНОЕ ЗВЕНО
В РАЗВИТИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В КИТАЕ**

© **Митькина Евгения Иосифовна**

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e.mitkina@spbu.ru

Аннотация. В начале XX века в Китае появились переводы зарубежных детективов, пользовавшиеся большой популярностью. Китайские авторы начали пробовать писать свои произведения этого жанра. Издатели активно публиковали их в отдельных рубриках. В 1923 году издатель Шэнь Чжифан решил основать журнал, который целиком был посвящен детективам — «Мир детектива» (*Чжэньтань шицзе*, 偵探世界). В журнале было много рубрик, в которых авторы размещали свои произведения по категориям, а потом из этого разнообразия читатель мог выбрать то, что ему по душе. Также в журнале публиковали статьи, посвященные самому жанру, различным профессиональным знаниям, разным интересным фактам, имевшим место в ходе расследований, а также статьи, представлявшие читателям зарубежные произведения детективного жанра. Несмотря на то, что журнал просуществовал всего год, он стал заметным явлением на литературной арене того времени и настоящей вехой в развитии и популяризации детективного жанра в Китае.

Ключевые слова: китайская литература, китайская литература XX века, детективный жанр, периодика Китая, «Мир детектива», Шэнь Чжифан, Чжао Тяокуан.

Для цитирования

Митькина Е. И. Журнал «Мир детектива» — важное звено в развитии детективного жанра в Китае // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 165–172.

В конце правления династии Цин и в начале Китайской республики переводы детективных романов стали главной движущей силой переводческого бума, начиная с того момента, как в 1896 году Чжан Куньдэ (张坤德) перевел произведение А. Конан Дойля. Как сказал А Ин (阿英) в книге «История прозы конца династии Цин», «в то время, можно сказать, не было переводчика, который не переводил бы детективы, если переведенных романов была тысяча, то пятьсот из них — это были бы детективные произведения» [1, с. 254]. Читательская активность стимулировала взрывной рост числа таких переводов, которые стали гарантом продаж журналов и газет, печатавших их.

В такой ситуации писатели стали не только переводить зарубежные детективы, но и начали создавать и печатать свои собственные произведения данного жанра. Лучшие из них — Чэн Сяоцин (程小青, 1893–1976), Сунь Ляохун (孙了红, 1897–1958) — все они начинали как переводчики. И переводчики книг других жанров стали также пробовать себя в сочинении детективов. Естественно редакторы и издатели не могли упустить такую прекрасную возможность и активно публиковали в своих журналах и газетах детективные произведения, некоторые заводили целую рубрику, а другие издавали специальное приложение. Типичными представителями можно считать журналы «Полумесяц» (*Баньюэ*, 半月) и «Фиалка» (*Цзылолань*, 紫罗兰), которые редактировал Чжоу Шоуцзюань (周瘦鹃, 1895–1968).

В это время издатель Шэнь Чжифан (沈知方, 1883–1939) также увидел эту «золотую жилу» и задумал издать профессиональный журнал, основывающийся именно на детективных произведениях. Он руководил книгоиздательством «Мир» (*Шицзе шуцзюй*, 世界书局), обладал «нюхом» на бестселлеры, хорошо понимал пристрастия читателей и умел принимать смелые решения. Он не стал уподобляться другим журналам, создавая рубрику или приложение, а основал целый журнал «Мир детектива» (*Чжэньтань шицзе*, 侦探世界), в котором детективные произведения занимали главенствующее положение. Шэнь Чжифан, хорошо разбиравшийся в бизнесе, сначала организовал перевод «Полного собрания приключений Шерлока Холмса» (*Фуэрмосы таньянь цюаньцзи*, 福尔摩斯探案全集) на байхуа, затем организовал издание таких популярных журналов как «Радость» (*Куай хо*, 快活) и «Красный журнал» (*Хун цзачжи*, 红杂志). Он не мог не заметить стремительного развития детективного жанра и понял, что это может принести пользу его издательству «Мир», поэтому появление журнала «Мир де-

тектива» стало результатом сопряжения развития самого жанра и концепции издателя «Мир».

Кроме того, в журнале печатали романы о боевых искусствах или, как их еще называют, «рыцарские романы» (*уся сяошо*, 武侠小说) и авантюрные романы (*маосянь сяошо*, 冒险小说). Благодаря большому количеству места, журнал мог публиковать не только художественные произведения, но и теоретические работы, посвященные детективному жанру, что внесло огромный вклад в становление и развитие жанра.

«Мир детектива» был основан в июне 1923 года. Изданием и печатью «Мира детектива» занималось издательство «Мир» (世界书局, World Book Company). Главный офис издательства располагался в доме 390 по улице Сымалу (в наст. время — Фучжоулу¹), а типография — на улице Сицюэцзянлу в районе Чжабэй в Шанхае. Представительства издательства сначала имелись в Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Фэнтяне (ныне Шэньян), Гуанчжоу и Чанша, а затем журналы распространялись по всей стране. Вероятно, и сеть, изначально организованная Шэнь Чжифаном для издания учебников, также способствовала распространению «Мира детектива».

Шэнь Чжифан полагал, что детективные произведения не только могут помочь развлечь читателей, но и научить методам детективных расследований. И такой подход тоже сыграл решающую роль в создании журнала. После его создания Шэнь Чжифан не участвовал лично в редакторской работе, однако эти его идеи и отношение к детективным произведениям воплощались в публикуемом материале. Так, например, были опубликованы несколько произведений, отражавших такой подход. Главными героями их были обычные люди, обожавшие детективные произведения и мечтавшие применить на практике полученные из них знания, поэтому называли себя детективами и везде искали дела для расследования. Местами это было комично, но в этом явно прослеживался подход Шэнь Чжифана. Большая часть повестей из «Мира детектива» так и не стали выдающимся явлением в литературе, однако они внесли свой вклад в популяризацию и развитие жанра в Китае. Можно сказать, что в Китае при создании детективных произведений вечно стояла проблема баланса между «популяризацией знаний» и «развлечением», которые зачастую не могли между собой согласоваться. Журнал «Мир детектива», благодаря возможности публиковать большие, содержательные произведения, в значительной степени смягчал и даже объединял эти два противоречащих элемента.

В журнале были разные рубрики, в которых авторы размещали свои произведения по категориям, а потом из этого разнообразия читатель мог выбрать то, что ему по душе. Кроме детективов в журнале публиковали статьи, посвященные самому жанру, различным профессиональным знаниям, разным интересным фактам, имевшим место в ходе расследований, а также статьи, представлявшие читателям зарубежные произведения детективного жанра.

«Мир детектива», распространявшийся по всей стране, давал возможность шанхайцам из рыцарских и авантюрных романов узнать, как живут люди за пре-

---

¹ В начале XX века здесь располагались офисы многих издательств. В настоящее время здесь находятся как офисы книгоиздателей, так и множество книжных магазинов.

делами их города, а жителям других мест, в свою очередь, через детективные произведения прочувствовать великолепие городской жизни Шанхая¹, непредсказуемость добра и зла в человеческих сердцах. Кроме того, переведенные произведения давали представления о разных событиях и явлениях в других странах.

Хотя в то время в Китае и наблюдался всплеск переводов, создания и чтения детективных произведений, но, по мнению Шэнь Чжифана, этого было недостаточно. Шэнь Чжифан считал, что общество в то время было полно хитрости, коварства и лжи, общественные нравы ухудшались, люди стали злее, и чтобы защитить себя — лучше всего обрести так называемый «детективный интеллект». Детективные романы родились в период между двумя техническими революциями в Европе, где значение научных концепций и идеи верховенства закона были беспрецедентно велики. Однако в 1923–1924 наука в Китае еще была достаточно отсталой, и речи не шло о верховенстве закона, что не способствовало созданию почвы для детективных романов. В то же время развивающееся Движение 4-го мая заставило прогрессивных людей осознать важность науки, демократии, верховенства закона. Шэнь Чжифан, как и многие прогрессивные люди, надеявшиеся изменить Китай с помощью литературы, считал, что детективные романы могут продвигать в массы эти идеи.

Шэнь Чжифан полагал, что романы, печатавшиеся в «Мире детектива», могли сыграть роль «аллегорического убеждения», читателю требовались определенные детективные знания, чтобы увидеть зло и опасности вокруг. Что еще более важно, Шэнь Чжифан надеялся посредством журнала создать в будущем бизнес, связанный с частным сыском. Он понимал, что задача журнала — не только образовывать читателя, но и вносить свою лепту в дело становления частного сыска. Методы раскрытия преступлений, описываемые в детективных романах, — это научные методы. Если они смогут побудить людей, интересующихся детективами, встать на путь изучения этих методов, то тогда это — благое дело. Общей задачей и мечтой китайских авторов того времени было использование детективных произведений в качестве средства просвещения.

Объясняя выбор названия журнала, Шэнь Чжифан говорил, что хотя в журнале печатаются детективные (*чжэньтань*), рыцарские (*уся*) и авантюрные (*маосянь*) произведения, детективов в нем больше всего, поэтому журнал и был назван «Мир детектива» [3]. Что же касается тех произведений, которые не имели ярко выраженной связи с детективами, Шэнь Чжифан считал, что и они могли заинтересовать читателя. Поэтому их тоже включали в число публикаций. Однако детективные работы занимали большую часть объема журнала. Шэнь Чжифан был бизнесменом, причем бизнесменом, готовым идти на риск. Он прекрасно понимал, что по сравнению с распространенными в стране произведениями на социальные темы детективы составляют лишь одну десятую долю, тем не менее, все равно начал издавать «Мир детектива». Кропотливая работа редакторов и авторов «Мира детектива» за год существования журнала действительно реализовала миссию, указанную в «Декларации» Шэнь Чжифана.

Во втором номере журнала были опубликованы «Краткие правила представления рукописей» (*Тоугао цзяньчжан*, 投稿简章) [Цит. по 2, с. 11]. Заслужи-

¹ Местом действия большинства детективных произведений был Шанхай.

вают внимания следующие три момента. Прежде всего, в «Кратких правилах» четко указано, что тематика романов, опубликованных в «Мире детектива», включает детективы, жанр *уся*, приключения и т. д. Кроме романов можно публиковать различные рассказы и эссе, относящиеся к этим жанрам, поэтому в журнале можно видеть множество небольших произведений. Во-вторых, в «Кратких правилах» упоминается «детективная наука». Чувствовалось, что редакция журнала находилась под глубоким влиянием западной детективной культуры. Они постепенно отказались от старого китайского метода рассмотрения дел и стали сознательно рассматривать детективные дела как особый вид науки. Кроме того, они призывали авторов присылать фотографии в надежде использовать этот интуитивно понятный способ, чтобы познакомить читателей с детективами. В-третьих, редакция «Мира детектива» придавала большое значение вопросу авторских прав на произведения, особо заявляя, что «после публикации авторские права принадлежат издательству», что также может рассматриваться как прогрессивное явление для китайских литераторов.

У журнала изначально было четыре редактора: Янь Духэ (严独鹤), Лу Даньань (陆澹庵), Чэн Сяоцин (程小青) и Ши Цзицзюнь (施济群). Начиная с тринадцатого номера к команде редакторов присоединился Чжао Тяокуан (赵茗狂). Янь Духэ и Чэн Сяоцин были номинальными редакторами, основную роль играли Лу Даньань и Ши Цзицзюнь, а с 13-го номера — Чжао Тяокуан. Тот, кто был основным редактором, отвечал за написание колонки, аналогичной современной «Слово редактора». Обращение Лу Даньаня под названием «Собираю остатки туши» (*Цзи юй чжуй мо*, 辑余赘墨) было опубликовано в конце номеров 1, 2, 3, 4, 6. Колонка Ши Цзицзюня называлась «Речь редактора» (*Бяньцзичжэ янь*, 编辑者言) и печаталась в номерах 5, 8, 9, 10, 11, 12 после оглавления (в седьмом номере колонку под таким же названием составил Лу Даньань). Чжао Тяокуан назвал свое Слово редактора — «Лишние речи» (*Бяньюй сохуа*, 编余琐话), оно было опубликовано в номерах 13–23 после оглавления, в 24 номере он сменил название на «Прощайте, господа» (*Бе и чжуйцзюнь*, 别矣诸君). Редактирование — это часть процесса создания журнала, и мнение редакторов о стиле и направлении развития журнала играет решающую роль. Стиль журнала «Мир детектива» явно поменялся, когда бразды правления перешли к Чжао Тяокуану, таким образом, можно выделить два этапа развития журнала: когда редакторами были Лу Даньань и Ши Цзицзюнь и когда редактором стал Чжао Тяокуан. Журнал, издававшийся на каждом из этих этапов, явно и существенно отличается по разным аспектам, четко отражая влияние стиля редакторской работы.

Во-первых, поменялся стиль обложки. Можно сказать, что он, в принципе, был единым: в отличие от других журналов на обложке не размещалась фотография или какая-то картинка во всю ширину, они могли занимать максимум одну треть обложки, название журнала (четыре иероглифа) было написано вертикально. Картинка напоминала картинки из детских журналов: играющие дети, что-то обсуждающие взрослые и т. д. Стоит отметить, что у всех персонажей были длинные косы как во времена династии Цин, что словно подчеркивало связь журнала с судебными романами в жанре *гуньань*. С тринадцатого номера шрифт иероглифов был изменен, показывая, что и содержание тоже меняется. В послед-

них же двух выпусках редакторы, вероятно, уже понимали, что журнал скоро закроется, и вернули изначальное оформление. Эти перемены деталей, скорее всего, были видны и читателям, которые по ним догадывались, что хотят сказать редакторы.

Во-вторых, начиная с 13-го номера, когда Чжао Тяокуан стал редактором, в журнале появилось разделение на рубрики. В «Лишних речах» редактора он писал: «Кроме того, мы добавили четыре рубрики: «Рассказ на 5 минут» (*У фэньчжун сяошо*, 五分钟小说), «Беседы о детективах» (*Чжэньтань таньхуахуэй*, 侦探谈话会), «Детектив на экране» (*Иньмушан дэ чжэньтань*, 银幕上的侦探) и «Любитель детектива» (*Чжэньтань ми*, 侦探迷). Хотя я не осмелюсь утверждать, что тут будет собрано все самое лучшее, но мы действительно стремимся отобрать квинтэссенцию, не знаю, как вам, господа... Кроме уже сказанного, в следующем номере будут еще два вещи, о которых я должен вам сообщить: первое — будет добавлен сборник рассказов «Четки для молитвы Будде», детективный и юмористический одновременно, созданный мной в сотрудничестве с Сюй Чжодаем (徐桌呆) и Ху Цзичэнем (胡寄尘)... Второе — будет объявлена награда за лучший детективный роман, правила огласим в следующем номере. Занявшие первые три места получают золотые медали или украшения из серебра в форме щита. Просим читателей обратить особое внимание! Для повышения интереса читателей мы хотели бы с 15-го номера добавить рубрику «Другой мир», где будут печататься юмористические произведения. Мы надеемся, что читатели после усиленных размышлений над множеством детективных произведений смогут тут найти отдохновение. Надеемся, что вы, господа, поддержите нас. Если есть прекрасные произведения, то вам особенно рады» [Цит. по 2, с. 14].

В-третьих, произошло изменение редакторской позиции. Мнение Лу Даньяня было изложено в первом номере в статье «Собираю остатки туши»: главное — это детективные произведения, а рыцарские и приключенческие — второстепенные. Причина в том, что эти типы романов по своей сути связаны с детективными, поэтому их тоже можно публиковать в журнале «Мир детектива». Эта идея практически совпадала с тезисами Шэнь Чжифана и повлияла на выбор материала для публикаций. В самом начале журнал следовал такой политике Шэнь Чжифана и Лу Даньяня, но позднее из-за того, что только детективные произведения не могли поддерживать жизнь журнала, пришлось добавить и произведения смежных жанров. После того, как редактором стал Чжао Тяокуан, редакционная политика заметно изменилась, так как у него было больше опыта. Он добавил много новых рубрик, категории которых были понятны и могли объединять читателей по интересам. Сам Чжао Тяокуан был мастером юмористических детективов, и его интерес к таким произведениям не мог не отразиться на выборе произведений для публикации. Чжао Тяокуан, помимо «Мира детектива», был редактором еще таких двух известных журналов того времени, как «Мир игр» (*Юси шицзе*, 游戏世界) и «Красная роза» (*Хун мэйгуэй*, 红玫瑰). Он обладал четким видением редакторской работы, тонко чувствовал настроение читателей и умело способствовал развитию популярных жанров, в том числе и детективов. Он всегда уделял особое внимание тому, чтобы журнал шел в ногу с эпохой, поэтому с того момента, как Чжао стал главным редактором, в «Мире детектива»

стало появляться все больше теоретических статей, посвященных детективному жанру, что, несомненно, способствовало его развитию в Китае. Кроме того, он искал новые пути и в журнальных рубриках: предложил новые колонки, а также создал колонку, специально чтобы дать читателям возможность почувствовать себя детективами, — «Любитель детектива». В этой рубрике давалось описание некой ситуации-преступления и картинка с подсказкой, затем задавался вопрос читателям с просьбой провести расследование. В конце 1923 года Чжао Тяокуан еще организовал конкурс коротких рассказов с призами, на этот конкурс было прислано более двухсот рассказов, из которых отобрали десять лучших для вручения призов, а занявшие первые три места рассказы были напечатаны в 21-м номере.

Чжао Тяокуан также уделял особое внимание китайским авторам, поэтому с того момента, как он стал главным редактором «Мира детектива», стали появляться новые имена (до этого печатались, в основном, переводы и произведения известных авторов). И хотя печатали одно-два их произведения, тем не менее, это была отличная возможность для развития детективного жанра.

Авторов «Мира детектива» можно условно разделить на три типа. Первый — те авторы, которые писали, главным образом, именно детективные произведения. Большинство из них — это известные в мире детективов Чэн Сяоцин, Сунь Ляохун, Лу Даньань, Сюй Чжодай, Чжан Шэво, Чжао Тяокуан, Юй Тяньфэнь, Чжан Биу, Ван Тяньхэнь и др. Второй тип — это писатели, специализировавшиеся больше на приключенческих романах и романах в жанре *уся*. Это Яо Миньай (姚民哀), Сян Кайжань (向恺然), Хэ Хаймин (何海鸣), Ван Диньань (王定庵), Чжэн Имэй (郑逸梅) и др. И третий тип — это авторы, опубликовавшие в «Мире детектива» всего одно произведение, среди них — Ян Сяочжун (杨小仲), И Люй (怡绿), Чжун Яо (钟瑶), У Юйбай (吴羽白), госпожа Айна (爱娜女士) и др.

Первый тип, в свою очередь, также можно разделить еще на три типа. Первый — это такие авторы как Чэн Сяоцин, Сунь Ляохун, Лу Даньань, создавшие всем известные, яркие образы сыщиков, в их произведениях описывалось расследование какого-либо преступления. Кроме художественной прозы они публиковали в журнале еще и большое количество теоретических статей. Авторы второго типа публиковали либо только свои переводы зарубежных детективов, либо переводы составляли в их опубликованном творчестве подавляющее большинство. Таким был, например, автор, работавший под псевдонимом, взятом из «Неофициальной истории конфуцианцев» — господин Ма Эр (马二先生). Третий тип авторов — непрофессиональные писатели, добившиеся, тем не менее, определенной популярности, и выработавшие особый писательский стиль. Детективная завязка их произведений была скорее уловкой для выражения своей точки зрения в отношении определенных социальных событий и проблем общества.

Несмотря на высокую популярность жанра, в результате после года работы журнала редакция обнаружила три основные проблемы, которые препятствовали дальнейшему выпуску: во-первых, писателей-прозаиков в то время было очень много, однако тех, кто был способен писать настоящие, качественные детективы — немного. Во-вторых, редакторы журнала не справлялись с наплывом присылаемых произведений. Журнал выпускался два раза в месяц, присылаемых рассказов бы-

ло огромное количество, редакторы физически не успевали проработать весь присылаемый материал, в результате страдало качество — в ближайшие номера могли пойти не самые удачные работы. В-третьих, трудно было угодить вкусам абсолютно всех читателей, недовольных голосов было много. Таким образом, единственный на тот момент, специализировавшийся на детективах, журнал в итоге прекратил свое существование. Тем не менее, «Мир детектива» можно считать важным звеном в популяризации жанра детектива и в развитии детективного жанра в Китае.

Литература

1. А Ин. Вань Цин сяошо ши. 阿英. 晚清小说史. История прозы конца династии Цин. Нанкин: Цзянсу вэньи чубаньшэ, 2017. 266 с.
2. Нью Цянь. «Чжэньтань шицзе» цзачжи яньцзю. 牛倩. 《侦探世界》杂志研究. Исследования журнала «Мир детектива». Чанчунь: Цзилинь дасюэ, 2012. 58 с.
3. Шэнь Чжифан. «Чжэньтань шицзе» сюаньянь. 沈知方. 《侦探世界》宣言. Декларация «Мира детектива». URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4b9736750102wzi4.html (дата обращения: 10.09.2021).

“THE DETECTIVE WORLD” MAGAZINE:
AN IMPORTANT LINK IN THE DEVELOPMENT
OF DETECTIVE GENRE IN CHINA

Evgenia I. Mitkina

Cand. Sci. (Philology), A/Prof.,

Saint-Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

e.mitkina@spbu.ru

Abstract. At the beginning of the twentieth century, translations of foreign detectives appeared in China, and it was very popular. Chinese authors began to write their works of this genre. The publishers actively published them in separate columns. In 1923, publisher Shen Zhifang decided to found a magazine that was entirely devoted to detectives — "The Detective World" (*Zhentan shijie*, 侦探世界). The magazine had many sections in which the authors placed their works by category, and then from this variety the reader could choose what he liked. The magazine also published theoretical articles on the genre itself, various professional knowledge, various interesting facts that took place in the course of investigations, as well as articles presenting foreign works of the detective genre to readers. Despite the fact that the magazine lasted only a year, it became a noticeable phenomenon in the literary arena of that time and a real milestone in the development and popularization of the detective genre in China.

Keywords: Chinese literature, Chinese literature of the twentieth century, detective genre, periodicals of China, "The Detective World", Shen Zhifang, Zhao Tiaokuang.

УДК 821.161.1

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-173-179

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА «ЛАНЬТИНЦЫ»

© **Пороль Полина Вадимовна**

кандидат филологических наук,

Российский университет дружбы народов

Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

lady.linova2017@yandex.ru

Аннотация. Современному литературоведению хорошо известно предисловие к древнему сборнику «*兰亭集*» (*Lántíng jí*), но сами поэтические тексты сборника, собранные известным каллиграфом Ван Сичжи, как правило, не привлекали внимания ученых. В настоящей статье предлагается перевод и интерпретация первого стихотворения сборника. При рассмотрении текста применялся герменевтический подход, использовались сравнительно-исторический и структурно-семиотический методы с целью установления значений поэтической лексики.

Ключевые слова: китайская поэзия, «Ланьтинцзы» («Собрание стихов павильона орхидей»), образ, эстетика.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

Для цитирования

Пороль П. В. Об одном стихотворении из поэтического цикла «Ланьтинцзы» // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 173–179.

Согласно историческим данным, 3 марта 353 года нашей эры (династия Восточная Цзинь) известный каллиграф, художник и писатель Ван Сичжи, занимавший тогда должность министра, пригласил к себе своих приятелей, тоже выдающихся людей — Се Аня, Сунь Чо и других на берег реки совершить *修禊* (*xīūxī*) весеннее жертвоприношение для отвращения несчастий. Там и родилось известнейшее в литературе Китая *兰亭集序* (*Lántíng jí xù*), «Предисловие из Павильона орхидей». Согласно легенде, создавая предисловие, Ван Сичжи, уже охмелевший от вина, взял кисть из уса крысы и на удивление всем быстро строил иероглиф за иероглифом. Но что же стало с самими текстами, к которым Ван Сичжи написал предисловие? Поэтические тексты сборника, как правило, не привлекали внимания ученых — до настоящего дня нет даже переводов стихотворений «*兰亭集*» (*Lántíng jí*) на современный китайский язык. Известно, что собрание состоит из 37 стихотворений. «*兰亭集*» (*Lántíng jí*) или *兰亭诗* (*Lántíng shī*) — «Собрание стихов павильона орхидей»: «поэтическая антология, составленная

знаменитым каллиграфом Ван Сичжи (IV в.). В нее вошли стихотворные экспромты, созданные в день Праздника 3-го дня 3-го месяца, устроенного Ван Сичжи в 353-м в имении своего друга Се Аня (314–385) — представителя могущественного, южного аристократического клана, собравшего вокруг себя плеяду литераторов, художников и философов. Владения Се Аня находились в уезде Гуйцзи (совр. уезд Шаосин пров. Чжэцзян), в местности, славящейся своей живописной природой <...> *пиришественная церемония на берегу реки, когда помимо всего прочего чарки с вином пускают по течению и поэты обмениваются своими экспромтами* (курсив — наш. П. В. Пороль)» [2, с. 320–321].

Целью нашего исследования стало обращение к семантике первого стихотворения сборника, написанного самим Ван Сичжи.

Обратимся к тексту стихотворения 右将军令稽内史王羲之 (Yòu jiāngjūn lìng jī nèi shǐ wángxīzhī):

代谢鳞次。忽然以周。欣此暮春。和气载柔。咏彼舞雩。异世同流。迺携齐契。散怀一丘。

悠悠大象运。轮转不停际。陶化非吾因。去来非吾制。宗统竟安在。即顺理自泰。有心未能悟。

适足缠利害。未若任所遇。逍遥良辰会。三春启群品。寄畅在所因。仰望碧天际。俯瞰绿水滨。

寥朗无涯观。寓目理自陈。大矣造化功。万殊靡不均。群籁虽参差。适我无非亲。猗与二三子。

莫匪齐所托。造真探玄根。涉世若过客。前识非所期。虚室是我宅。远想千载外。何必谢曩昔。

相与无相与。形骸自脱落。鉴明去尘垢。止则鄙吝生。体之固未易。三觴解天刑。方寸无停主。

矜伐将自平。虽无丝与竹。玄泉有清声。虽无啸与歌。咏言有余馨。取乐在一朝。寄之齐千龄。

合散固其常。脩短定无始。造新不暂停。一往不再起。于今为神奇。信宿同尘滓。谁能无此慨。

散之在推理。言立同不朽。河清非所俟。

Это четырехсловное стихотворение жанра ши (诗), 四言诗 (sìyánshī), относится к древнему стилю. Например, выдающимся творением жанра 四言诗 (sìyánshī) является «Шицзин» (诗经). В «Чжоу И» (周易) также встречаются тексты, написанные в жанре 四言诗 (sìyánshī). 四言诗 (sìyánshī) распространяется во времена династии Западная Чжоу (西周), в династии Западная Хань стихотворения этого жанра также могут состоять из пяти слов. После династии Восточная Хань пятисловные тексты в жанре 四言诗 (sìyánshī) вытесняют четырехсловные. Известны четырехсловные стихотворения выдающегося поэта Китая Цао Цао (曹操) и других поэтов (陶渊明, 嵇康, 韩愈, 柳宗元 и др.). Однако расцветом жанра 四言诗 было время династии Западная Чжоу (西周). Ланьтинцзы относится к периоду 魏晋南北朝 (wèi jìn nánběicháo) эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (общий термин для исторического периода 220–589).

Рассмотрим первую строку стихотворения:

代谢鳞次。忽然以周。
Dàixiè lín cì. Hūrán yǐ zhōu.
欣此暮春。和气载柔。
Xīn cǐ mùchūn. Héqì zài róu.

Смена времён года происходит своим чередом.
Но всегда неожиданно (замыкается круг).
Радуюсь поздней весне. Гармония начинается с
мира (спокойствия, ветра и солнца).

咏彼舞雩。异世同流。
Yǒng bǐ wǔ yú. Yìshì tóng liú.

Воспеваю алтарь духов дождя У Юэ. Династии
меняются, традиции передаются.

迺携齐契。散怀一丘。
Nǎi xié qí qì. Sǎn huái yī qiū.

О, близкие по духу люди! Стремимся постичь
мирозданье, собравшись у подножия горы.

Стихотворение восходит к учению Конфуция. При переводе текста интересно обратить внимание на некоторые, семантически глубокие лексемы, которые отображают особенности эстетики древнего текста:

鳞次 (lín cì) — «упорядоченно, как рыба чешуя»;

以周 (yǐ zhōu) — «согласно циклу»; в китайском языке известна чэньюй 周而复始 (zhōu ér fùshǐ) — «сделать оборот (круг) и начать снова»; «описывать круг за кругом, совершать кругооборот»; «периодически повторяться»;

欣 (xīn): 喜欢, 开心 — «радоваться»; известна чэньюй 欣欣向荣 (xīnxīn xiàngróng), которая переводится как «бурный расцвет», «расцветать».

舞雩 (wǔyú) — реминисценция из книги Конфуция, где встречается такое выражение: 风乎舞雩, 咏而归 (Fēng hū wǔ yú, yǒng ér guī). 舞雩 — это алтарь, который находится на возвышенном месте в Цюйфу близ реки Ихэ. Император государства Лу (鲁国 lǔguó) молился там для ниспослания дождя. Конфуций посетил это место со своими учениками. Существует версия, что это место находится в провинции Шаньдун. Поэты Ланьтинцзы собираются в павильоне подобно тому, как Конфуций со своими учениками собрался в 舞雩.

Фраза 异世同流 невольно отсылает к неодаосизму, метафизике. Китайские поэты, в чьих текстах есть философия Конфуция, особенно склонны к 出世 уходу от мира, они далеки от 入世. Обращаясь к истории, можно с уверенностью сказать, что выдающиеся люди интересовались учением Чжуанцзы и Лаоцзы, учение Конфуция так распространено не было. Ван Сичжи обращается не только к даосизму, но и учению Конфуция.

散怀 (sǎn huái) — успокоиться, расслабиться, наслаждаться природой чтобы достичь веселье духа и понять изменения, происходящие в природе. Люди обращаются к природе, чтобы достичь истины (когда пишут стихи и пьют вино);

一丘 (yī qiū) — холм; «холм» стилистически проигрывает; но павильон находится у подножия холма, где недалеко протекает река. Этот павильон — жилище Ван Сичжи, где он создавал свои знаменитые каллиграфические работы).

В следующих строках решается вопрос бытийности человека:

悠悠大象运。轮转无停际。Yōuyōu dà xiàng yùn. lúnzhuǎn wú tíng jì.	Мирно идет ход Вселенной. Вращается, не останавливаясь.
陶化非吾因。去来非吾制。Yōuyōu dà xiàng yùn. lúnzhuǎn wú tíng jì.	Созидается, не имея на то причины. Приходим и уходим, не распоряжаясь (своей жизнью).
宗统竟安在。即顺理自泰。Zōng tǒng jìng ān zài. Jí shùn lǐ zì tài.	Всё-таки в чём заключается смысл Бытия? Если покоряешься Тому, кто управляет твоей жизнью, тогда обретаешь покой.
有心未能悟。	Умышленно — не постигнешь.
Yǒuxīn wèi néng wù.	

Лексема 未能悟 — «невозможно постичь» восходит к учению Чжуанцзы: 顺应自然，顺应天命 — «Если человек относится к Времени как к приобретению и утрате, будет иметь спокойствие, если сожалеет — не может постигнуть суть и погружается в страдание».

适足缠利害。未若任所遇。Shì zú chán lìhài. Wèi ruò rèn suǒ yù.	Нужно быть сильным. Лучше принимать всё, что тебе дается.
逍遥良辰会。三春启群品。Xiāoyáo liángchén huì. Sānchūn qǐ qún pǐn.	И будешь блаженствовать на встрече (с друзьями). Весной начинается возрождение природы.
寄畅在所因。仰望碧天际。Jì chàng zài suǒ yīn. Yǎngwàng bì tiānjì.	Во всём есть причина для веселия. Смотрю вверх на небо цвета яшмы.
俯瞰绿水滨。Fùkàn lǜ shuǐ bīn.	Смотрю вниз на лазурь прибрежной воды.

三春 (sānchūn) — весна, потому что весна состоит из трех месяцев: 阴历：一月：孟春，二月：仲春，三月：季春。

Фраза 仰望碧天际 восходит к «Чжоу И».

寥朗无涯观，寓目理自陈。Fùkàn lǜ shuǐ bīn, liáo lǎng wú yá guān.	Бескрайний, светлый, бесконечный пейзаж останавливает на себе взор и законы (мироздания) сами рассказывают о себе.
大矣造化功。万殊靡不均。Dà yǐ zàohuà gōng. Wàn shū mí bù jūn.	Какой чудесный подвиг Создателя! В природе нет дисгармонии.
群籁虽参差。适我无非亲。Qún lài suī cēncī. Shì wǒ wúfēi qīn.	Множество звуков, хотя и неодинаковы. Но, совпадая с моим настроением, становятся близки мне.
猗与二三子。Yī yǔ èrsānzi.	О, вы!

矣 (yǐ) — конечная частица в древнекитайском языке, подчёркивающая завершенность действия или становление качества 多么.

Лексема 群籁 (qún lài) — «разные звуки в природе», «множество звуков» восходит к учению Чжуанцзы;

猗与 (yīyú) — «О!», заимствование из «Шицзина»: 《诗·周颂·潜》：“猗与漆沮，潜有多鱼。” («О, как прекрасны реки Ци и Цзю, в красной воде много рыб обитает (питается)»)

莫匪齐所托。造真探玄根。
Mò fěi qí suǒ tuō. Zào zhēn tàn xuán gēn.

涉世若过客。前识非所期。Shèshì ruò guòkè. Qián shì fēi suǒ qī.
虚室是我宅。远想千载外。
Xū shì shì wǒ zhái. Yuǎn xiǎng qiān zǎi wài.

何必谢曩昔。
Hé bì xiè nǎng xī.

Неужели у нас нет общего духовного пристанища? Чтобы познать Истину Создателя и тайну развития разных вещей.

Жизнь показывает нам, что мы здесь только гости. Предвидение — не то, чего мы ожидаем.

Сердце — мой храм. Всматриваюсь в глубину тысячелетий.

Не нужно сравнивать себя с предками.

前识 (qián shí) — «Предвидение». Восходит к Лаоцзы.

«Предвидение — это начало Дао, но это и начало глупости, потому что предвидение есть правильное и неправильное». «Предвидение — начало простоты». В китайском языке есть чэньюй 大智若愚 (dà zhì ruò yú) с двумя схожими значениями: 1) большая мудрость, подобная глупости (об умном образованном человеке, который не умеет или не хочет себя показать); 2) истинный ум всегда скромен; мудрый человек в жизни не выделяется от остальных; окружающие считают мудреца глупцом за его простоту), умный человек — простой человек.

相与无相与。形骸自脱落。Xiāng yǔ wú xiāng yǔ. Xínghái zì tuōluò.

鉴明去尘垢。止则鄙吝生。
Jiàn míng qù chén gòu. Zhǐ zé bǐlìn shēng.

体之固未易。三觴解天刑。Tǐ zhī gù wèi yì. Sān shāng jiě tiānxíng.
方寸无停主。

Fāngcùn wú tíng zhǔ.
矜伐将自平。虽无丝与竹。Jīn fá jiāng zì píng. Suī wú sī yǔ zhú.

玄泉有清声。虽无啸与歌。Xuán quán yǒu qīng shēng. Suī wú xiào yǔ gē.

咏言有余馨。取乐在一朝。Yǒng yán yǒuyú xīn. Qǔlè zài yī zhāo.

寄之齐千龄。Jì zhī qíqiānlíng.

Дружба не ограничивается долгом (не касается выгоды). Душа сама освобождается от своего тела (не касается мещанских предрассудков).

Оттрясает прах. Иначе — возродится всё греховное обличье.

Неизбежность плоти. С помощью трех стаканов постигается истина.

[Если] сердце не останавливается (на чём-то одном).

Легкомыслие само собой исчезнет. Хотя нет ни струн, ни флейты.

У ручья, текущего по камням – чистый звук. Хотя некому высвистеть песенку.

От чтения стихотворений уже довольно аромата (чтения стихотворений довольно, чтобы выразить наши чувства). Насладиться мгновением.

Мгновение или тысячелетие — всё одно.

虽无丝与竹。玄泉有清声。 — Отклик на предисловие. Эта фраза есть в «Предисловии к Павильону».

合散固其常。脩短定无始。
Hé sàn gù qí cháng. Xiū duǎn dìng
wú shǐ.
造新不暂停。一往不再起。
Zào xīn bù zàntíng. Yī wǎng bù zàiqǐ.
于今为神奇。信宿同尘滓。
Yú jīn wéi shénqí. Xìnsù tóng chén
zǐ.
谁能无此慨。
Shéi néng wú cǐ kǎi.
散之在推理。言立同不朽。
Sàn zhī zài tuīlǐ. Yán lì tóng bùxiǔ.
河清非所俟。
Héqīng fēi suǒ qí.

Жизнь и смерть неизменны в своём постоянстве.
Длинное и короткое не имеют ни начала, ни конца.
Новое и старое непрерывно. То, что проходит — не возвращается.
Сейчас — это чудо. Но вдруг — подобно пыли (превращается в пыль).
У каждого бывают такие тяжелые раздумья.
Которые можно развеять, обратившись к древним. Стихотворение, прочтенное на собрании [людей] — вечно.
Но невозможно ждать, пока Жёлтая река очистится.

Фраза 脩短定无始 восходит к произведению Чжуанцзы «Осенняя вода»: “万物一齐，孰短孰长？道无终始，物有死生” (Wànwù yīqí, shú duǎn shú zhǎng? Dào wú zhōng shǐ, wù yǒu sǐshēng), которую можно проинтерпретировать следующим образом: всё одинаковое: что короче, что длиннее — нет конца (у всего есть смерть). Смерть — другая форма пребывания, возрождение другой жизни. Жизнь — новая форма смерти, смерть — новая форма жизни. Это просто изменение формы существования.

Лексема 尘滓 (chénzǐ) — «мелкая пыль». В предисловии к «Ланьтинцзы» есть такие слова: “向之所欣，俯仰之间，已为陈迹” (Xiàng zhī suǒ xīn, fǔyǎng zhī jiān, yǐ wéi chénjì) — «то, что было любимым в прошлом, мгновенно оборачивается пустотой» — мысль, восходящая к философии Чжуанцзы и Лаоцзы.

В философии древних «создать стихотворение» и означало «постичь мироздание». Интерпретируя текст из сборника «Ланьтинцзы», мы прикасаемся к удивительной форме мышления китайского человека древности. Однако, философские реминисценции, встречающиеся в тексте, восходят не только к известным учениям Китая, но и к христианской традиции, что позволяет говорить нам о сложной и все еще малоизученной проблеме Логоса и Дао, начало изучения которой было положено в трудах В. М. Алексеева: «Греческий логос и китайское дао» [1, с. 264].

Изучение поэтического цикла «Ланьтинцзы» открывает новые смыслы поэзии Древнего Китая.

Литература

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2. Москва: Восточная литература, 2003. 511 с.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Москва: Вост. лит., 2006. Т. 3. 876 с.

3. Малявин В. В. Чжуан-Цзы. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 306 с.

4. Lántíng jí. Wén ài yì biān. Hángzhōu: Zhèjiāng shèyǐng chūbǎn. 2014.10. 144 Yè 兰亭集. 文爱意编. 杭州: 浙江摄影出版. 2014. 144 叶 [«Ланьтинцзы». Под редакцией Вэнь Айи. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянской фотосъемки. 2014. 144 с.].

ABOUT ONE POEM
FROM THE POETRY CYCLE «LANTINZI»

Polina V. Porol
Cand. Sci. (Philology),
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia
lady.linova2017@yandex.ru

Abstract. Modern literary criticism is well aware of the preface to the ancient collection "兰亭集" (Lántíng jí), but the poetic texts of the collection themselves, collected by the famous calligrapher Wang Xichzhi, as a rule, did not attract the attention of scholars. This article offers a translation and interpretation of the first poem in the collection. When considering the text, a hermeneutic approach was used, comparative-historical and structural-semiotic methods were used in order to establish the meanings of poetic vocabulary.

Keywords: Chinese poetry, «Lantingzi» (Collected Poems of the Orchid Pavilion), image, aesthetics.

УДК 81-139
DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-179-183

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ УЧЕНОГО
В КИТАЙСКОМ МЕДИА ДИСКУРСЕ**

© **Моргун Виктория Геннадиевна**
преподаватель кафедры восточных языков ИФиЯК,
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
morgun.vichka@bk.ru

Аннотация. Целью данной статьи является репрезентация образа учёного в современном китайском медиа-дискурсе. В ходе исследования проанализирована совокупность метафорических значений, проявляющихся в китайском языке и формирующих представление о современном ученом. Результаты исследования систематизированы на основе концептуальных метафор: ученый-спортсмен, ученый-основатель, ученый-политик).

Ключевые слова: лингвокультурология, медиа-дискурс, концепт, концептуальная метафора, китайский язык.

Для цитирования

Моргун В. Г. Метафорический образ ученого в китайском медиа дискурсе // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021

г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 179–183.

Глобализация мировых общественных, научных и культурных процессов неизбежно приводит к расширению информационного и коммуникативного пространства; в свою очередь, стремительное развитие массовой коммуникации определяет глобальность изменений, происходящих в общественном сознании. Как известно, средства массовой информации воздействуют на общественное сознание, устанавливая связь между отдельными свойствами личности и ее специфическими особенностями [1, с. 29]. В то же время использование концептуальных метафор в медиа-дискурсе отражает взаимодействие языка, мышления и культуры, а также позволяет более глубоко изучить структуры коллективного бессознательного поведения [2, с. 75] и национальную картину мира отдельного народа.

В последние десятилетия Китай стремительно развивается. Большой заслугой в этом развитии является повышение мотивации китайских граждан к научной деятельности. Привлекая и различным способом стимулируя современную молодежь к исследовательским проектам, правительство Китая закладывает прочный фундамент долгосрочного процветания своего государства. Немаловажную роль в подобной мотивации играют лингвистические технологии. Воздействуя на население через изобразительно-выразительные средства языка, авторы медиа-дискурса формируют положительный и аттрактивный во многих смыслах образ ученого, которым непременно хочется стать.

Таким образом, целью данной статьи является изучение языковых средств, в частности — концептуальных метафор, активно используемых при конструировании образа ученого в китайском медиа-дискурсе.

Материалом исследования послужили тексты статей о различных ученых, представленные в современных китайскоязычных СМИ, и собранных на основе сплошной выборки из интернет-издания 人民日报 (Жэньминь Жибао) в количестве 150 статей. С целью детального анализа из всего многообразия было отобрано 90 исследовательских единиц, представляющих концептуальные метафоры.

В работе использовались следующие методы: 1) дискурсивный анализ текста; 2) метод моделирования образа; 3) метод концептуального анализа, а также 4) описательный метод при анализе метафор и изложении полученных результатов.

В медиа-дискурсе ключевым носителем является текст, поскольку именно с помощью текста раскрывается содержание и суть послания, адресованного получателю информации, а также формируется образ описываемого объекта (в нашем случае «учёного») как коммуникативной личности, обладающей определённым стилем и манерой поведения. Необходимо также отметить, что данный образ рассматривается нами как единый комплекс вербальных и невербальных компонентов коммуникации адресата (целевая аудитория) и адресанта (автора) [3, с. 53].

В результате анализа нам удалось выявить следующие наиболее частотные метафоры ученого в китайском медиа-дискурсе: ученый-спортсмен, ученый-основатель и ученый-политик.

В настоящее время основным вектором для развития молодежи в Китае является спорт, в связи с чем многие авторы статей используют спортивную лексику для вовлечения молодого читателя в процесс информирования о значимых событиях и интерпретации авторской позиции. Так, например, в одной из статей применяется метафора «учёный-нападающий»: 一线科学家, 除拥有扎实的专业知识外, 还最懂得哪些地方应该向公众说明 (букв.: Ученые-нападающие, помимо профессионального опыта, лучше всего знают, что следует доносить до общественности) [6]. Данная метафора позволяет читателю осознать важную роль учёного в современном мире (一线科学家 — ученый-нападающий с большим багажом знаний и опыта), а также понять принцип его работы (最懂得哪些地方应该向公众说明 — какие аспекты следует разъяснять общественности). Автор доносит мысль, что ученый — это атакующий игрок, который находится рядом с воротами (новыми открытиями) и основной целью которого является забивание голов, то есть новых и важных открытий для научного сообщества.

Другие авторы отмечают, что последователь определенной идеи, научные деятели — это «бомбардиры» (进球者), которые имеют высокую результативность, развивая свою научную область. 不是所有的科学家都能胜任“前锋”角色, 但出色、有效的“进球者”一定是科学家 (букв.: Не все ученые способны на роль «нападающего», но они могут быть блестящими и результативными «бомбардирами») [6]. В качестве других языковых средств, описывающих учёного как спортсмена, авторы использовали следующие конструкции: 科学家是拳击运动员 — ученый — это боксер, 犯规的打击 — запрещенный удар, 游泳家 — пловец, 游泳能手 — искусный пловец, 深深潜入水中 — глубоко нырять, 游泳者随波漂浮 — отдалиться воле волн и другие.

В следующем примере китайские авторы используют концептуальную метафору «ученый-основатель» как структурообразующий элемент, который позволяет многочисленной аудитории понять общий смысл текста и проникнуться родительскими чувствами к новому изобретению: 他是我国研究与发展杂交水稻的开创者, 也是世界上第一个成功地利用水稻杂种优势的科学家, 被誉为“杂交水稻之父” (букв.: Он является пионером исследований и разработок гибридного риса в нашей стране и первым ученым в мире, который успешно использовал преимущества гибридного риса. Он известен как «отец гибридного риса») [4]. Посредством пунктуационно выделенной метафоры автор статьи формирует систему представлений и знаний о деятельности ученого, как основателя, который стал причастен к жизни нового изобретения. Кроме того, автор отмечает, что он, как и любой отец был со своим изобретением с самого начала (开创者 — создатель, первооткрыватель) и знает все его преимущества и недостатки (成功地利用优势 — успешно использовал преимущества).

В другом примере концептуальной метафоры «ученый-отец», автор статьи «Научный подход основателя оптики» цитирует слова китайского изобретателя с целью имплицитной демонстрации скромности ученого по отношению к своим великим достижениям: 2009年12月, 在中国光学科技馆论证会上, 年过九旬的王大珩委托秘书恳请与会者: 请不要再叫我“中国光学之父”了 (букв.: В декабре

2009 года, на демонстрационном собрании Китайского музея оптической науки и техники, Ван Дахэн, которому было более 90 лет, обратился к доверенному секретарю с просьбой передать участникам перестать называть его «отцом китайской оптики») [7]. Несмотря на народное признание огромного вклада Ван Дахэна в индустрию оптики, сам изобретатель предпочитает оставаться в тени (*请不要再叫我 — «не называйте меня так»*).

Стоит отметить, что в китайском медиа-дискурсе для традиционного способа репрезентации учёного-основателя часто используются следующие словосочетания: *父亲为人坦率* — отец честен с людьми, *科学家跟父亲一样苦干了一辈子* — ученый, как и отец вкалывает, *科学家的慈父* — ученый отец, *投靠科学的父亲* — опираться на помощь ученого отца, *建立* — создавать, *开办* — открывать, *对科学作出贡献* — сделать вклад в науку, *发现* — открытие и так далее.

Рассмотрим менее употребляемый метафорический образ учёного в китайском медиа-дискурсе — «ученый-политик»: *科学家许振超荣获“全国优秀共产党员”“改革先锋”“全国五一劳动奖章”“全国道德模范”等* (букв.: Ученому Сюй Чжэньчао были присвоены звания «Национальный выдающийся член Коммунистической партии», «Пионер реформ» и «Национальный пример добродетели», он также был награжден медалью «Национальная медаль за первомайский труд» и другое) [5]. В данной статье приводится перечень заслуг ученого, которые были даны на государственном уровне за большой вклад в развитие страны (*全国优秀共产党员 — национальный выдающийся член Коммунистической партии», 改革先锋 — пионер реформ и т. д.*).

В другом примере было отмечено, что ученый — это человек с определенным политическим видением и талантом, который понимает для кого и с какой целью создаются его изобретения: *科学家是指那些在长期的政治实践中涌现出来的具有一定政治远见和政治才干* (букв.: Ученый — это человек обладающий политической дальновидностью и политическими талантами, которые проявляются в результате долгосрочной политической практики). Кроме того, в примерах, описывающих «ученого-политика», часто встречались следующие лексические единицы: *成为一名政治家* — стать политиком, *做成大事* — делать великие дела, *科学家定要政治家* — ученому необходимо быть настоящим политиком, *科学家是有远见的政治家* — ученый — это дальновидный политик, *医国手* — государственный деятель и другие.

Проведенный анализ позволил выявить, что через конструирование образа ученого в китайском медиа дискурсе рассматривается ценностный план дискурсивной личности китайского ученого, представленный набором концептуальных метафор, способствующих представлению новой идеологии и пропаганды данной профессии.

Кроме того, было отмечено, что основными метафорами конструирования образа ученого являются онтологические метафоры (ученый-спортсмен, ученый-основатель, ученый-политик), которые оказывают активное воздействие на воображение читателя, на подсознательном уровне формируя его эмоции и впечатления от прочитанного, делая содержание статей более экспрессивным и эмоциональным, а образ ученого приближенным к бытовым реалиям, что позволяет популяризировать научную деятельность и повысить статус профессии ученого через отраслевые метафоры.

Литература

1. Буркова Л. В. Влияние глобальной информатизации на массовое сознание // Вестник Московского государственного областного университета, 2018. С. 28–37. DOI: 10.18384/2310-7227-2018-2-28-37.
2. Калташкина Е. Ю. Роль и значение концептуальной метафоры в британском политическом медиа-дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета, 2021. № 28(282). Вып. 70. С. 74–79.
3. Малышева Е. В. Коммуникативные маркеры медийного дискурса Д. Трампа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: материалы международной научно-практической конференции. 2018. Вып. 3(20). Т. 2. С. 52–56.
4. Ду Жоюань, Сунь Чао. “Цзацзяошуй даочжи фу” юаньлунпин юаньши — и дао цзиши ваньцзя лян цзу. Жэньминь жибао. 2021 нянь. 4 бань. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0523/c64387-32110818.html> 杜若原、孙超。“杂交水稻之父”袁隆平院士——一稻济世 万家粮足。人民日报。2021年。4版。URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0523/c64387-32110818.html> [Юань Лунпин, Сунь Чао. Рис академика Юань Лунпина «отца гибридного риса» обеспечивает едой все семьи. Народная ежедневная газета. 2021. Вып. 4. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0523/c64387-32110818.html>] (дата обращения: 24.08.2021).
5. Сяо Цзясинь. Гань цзюгань илю чжэнцзю чжэнди и. Жэньминь жибао. 2021 нянь. 7 бань. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0610/c64387-32127249.html> 肖家鑫。干就干一流争就争第一。人民日报。2021年。07版。URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0610/c64387-32127249.html> [Сяо Цзясинь. Делайте всё лучше всех, стремитесь к первенству. Народный ежедневный журнал. 2021. Вып. 7. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0610/c64387-32127249.html>] (дата обращения: 17.08.2021).
6. Юй Сьлуань. Кэсюэцзя лай тигэн хао. Жэньминь жибао. 2012 нянь. URL: <http://cpc.people.com.cn/pinglun/n/2012/1206/c78779-19809764.html> 喻思变。科学家来踢更好。人民日报。2012年。URL: <http://cpc.people.com.cn/pinglun/n/2012/1206/c78779-19809764.html> [Ю Сикуань. Учёным нужно играть лучше. Народная ежедневная газета. 2012. URL: <http://cpc.people.com.cn/pinglun/n/2012/1206/c78779-19809764.html>] (дата обращения: 12.06.2021).
7. Юй Синань. Чжунго гуансюэ шиэ дянцзи жэнь вандахан — юн кэсюэ дэ тайду дуйдай кэсюэ. Жэньминь жибао. 2021 нянь. 11 бань. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0219/c64387-32031295.html> 喻思南。中国光学事业奠基人王大珩——用科学的态度对待科学。人民日报。2021年。11版。URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0219/c64387-32031295.html> [Ю Синань. Научный подход Ван Дахэна, как основателя оптической индустрии Китая. Народный ежедневный журнал. 2021. Вып. 11. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0219/c64387-32031295.html>] (дата обращения: 09.09.2021).

THE METAPHORICAL IMAGE OF A SCIENTIST
IN THE CHINESE MEDIA DISCOURSE

Victoria G. Morgun

Lecturer of the Oriental Languages Department,
School of Philology and Language Communication,
Siberian Federal University
79 Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041, Russia
morgun.vichka@bk.ru

Abstract. The purpose of this article is to represent the image of a scientist in the modern Chinese media discourse. In the course of the study, the set of metaphorical meanings that manifest themselves in the Chinese language and form an idea of a modern scientist is analyzed. The results of the study are systematized on the basis of conceptual metaphors: a scientist-athlete, a scientist-founder, a scientist-politician).

Keywords: linguoculturology, media discourse, concept, conceptual metaphor, the Chinese language.

УДК 10.02

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-184-190

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: ЕДИНСТВО МНЕНИЙ ИЛИ КОНФЛИКТ ДИСКУРСОВ?

© **Мутасова Александра Петровна**

старший преподаватель кафедры восточных языков,
Институт филологии и языковой коммуникации,
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
amutasova@sfu-kras.ru

Аннотация. Современное медиа пространство является полем существования и взаимодействия разнородных дискурсов. Однако вопрос о возможности сосуществования полярных дискурсов в рамках медиа китайской лингвокультуры остается открытым. Настоящее исследование посвящено анализу дискурсов официальных и неофициальных медиаканалов на предмет их консенсусной или диссонансной направленности.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурсивная власть, дискурсивная власть адресата, лингвокультура Китая.

Для цитирования

Мутасова А. П. Современный китайский медиадискурс: единство мнений или конфликт дискурсов? // *Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 184–190.*

В рамках масс-медийного пространства постоянно происходит коммуникация, участниками которой становятся миллионы людей, придерживающихся разных мнений и ценностных ориентиров. В связи с этим медиадискурс является благодатной почвой для существования, конкуренции и взаимодействия разнородных дискурсов. Однако, в то же время, медиа выступает как один из мощнейших инструментов воздействия со стороны властных структур, способных нивелировать вклад конкурирующих дискурсов в пространство общественного мнения. Поэтому исследование китайского медиа пространства на предмет консенсусной или диссонансной направленности представляет большую ценность.

В рамках современных лингвистических исследований дискурс медиа пространства или медиадискурс рассматривается как особый тип дискурса, реализуемый через медиа канал, так и в качестве «своеобразного объединения различных типов соприкасающихся дискурсов» [5, с. 28] в зависимости от подхода к изучению данного феномена. В настоящем исследовании понятие медиадискурса трактуется как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [3, с. 182]. Среди характерных признаков медиадискурса можно выделить публичность, массовую направленность, многосоставность и многофункциональность. Кроме того, медиадискурс обладает большим потенциалом для осу-

ществления идеологического контроля внутри конкретного лингвокультурного пространства. «Являясь, по существу, площадкой для реализации других дискурсов, средства массовой информации, в первую очередь, производят и транслируют смыслы, которые формируют повестку дня и влияют на формирование картины мира представителей массовых аудиторий» [1, с. 128].

В связи с вышеупомянутым, наиболее подходящим инструментом для исследования дискурсивных процессов медиа пространства Китая мы считаем критический дискурс анализ. Согласно Рут Водак «критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного (сигнализируемого, конституируемого, законодательно закрепленного и т. д.) в языке или дискурсе» [2, с. 286]. В качестве основных параметров критического исследования дискурса можно выделить лингвистические признаки текста, общественно-политический контекст, на фоне которого формируется отдельно взятый дискурс, а также социальная практика, то есть влияние, которое оказывает дискурс на переосмысление социальных структур и их последующие изменения.

Изменения социального порядка, формируемые идеологическим контролем над дискурсивным пространством, могут быть выявлены посредством анализа медиадискурсов на предмет наличия или отсутствия в них диссонансной направленности. Поскольку именно конкурирующие, противоположные дискурсы создают такой социальный порядок, в котором в равной мере слышен голос каждого участника.

С целью выявить наличие или отсутствие диссонансной направленности в медиадискурсе Китая мы сравнили как одни и те же события представлены в официальных и неофициальных медиа. Компаративный анализ статей включает следующие этапы: 1) сравнение текстового объема; 2) сравнение тематической направленности; 3) сравнение представленных презентем. Согласно А. В. Оляничу, презентема — это «информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него» [4, с. 213].

В качестве примера рассмотрим три новостные статьи, посвященные реформе по передаче полномочий самоуправления государственным предприятиям. Тексты были взяты с сайта газеты «Жэньминьжибао», а также из двух неофициальных источников — новостных порталов 新浪网 «Сина» и 搜狐新闻 «Соуху синьвэнь». Все три статьи имеют примерно одинаковый объем: текст «Жэньминь жибао» включает 2016 знаков, текст «Сина» включает 2517 знаков, а текст «Соуху синьвэнь» — 2022 знака.

По тематической направленности тексты несколько отличаются друг от друга. Так информативное содержание текста с портала «Соухусиньвэнь», который был опубликован месяцем раньше других, направлено на выражение ожиданий, связанных с проведением новой реформы. Об этом говорит частотное использование модальных глаголов необходимости, всего 13 упоминаний: 要 «нужно» — 9, 需要 «необходимо» — 1, 应该 «должно» — 1. Текст официального портала «Жэньминь жибао» предоставляет информацию о сущности реформы, а также

этапах и планах ее осуществления. Об этом свидетельствует структура текста, которая включает вступление и три тематических параграфа: «落实商业类国企自主经营权» / «осуществление передачи прав самоуправления коммерческим государственным предприятиям», «首份授权放权清单将推出» / «в скором времени появится первый список предприятий, которым будут переданы права на самоуправление», «严谨务实不“一刀切”» / «Тщательное осуществление (проекта) не может “стричь под одну гребенку”». Кроме того, первый тематический параграф включает перечисление: «本次改革的重点举措有五个方面...一是确定了权责边界...二是分类开展授权放权...三是加强企业行权能力建设...四是完善监督监管体系...五是坚持和加强党的全面领导» / «Действия по реформированию включают пять направлений... первое это утвердить разграничение ответственности... второе это классифицировать осуществление передачи прав... третье это усилить потенциал реализации прав предприятий... четвертое это улучшить систему надзора и управления... пятое это поддерживать и укреплять всестороннее руководство партии». Текст портала «Сина» носит более экспланаторный характер, в нем поясняется сущность реформы и объясняется значение каждого этапа проведения реформы. Доказательством тому служит вопросительная форма заголовков структурных частей: «国企激励模式有哪些» / «какие есть модели поддержки государственных предприятий», «国企激励改革谁来批» / «кто будет ратифицировать реформу поддержки государственных предприятий»; а также частотное употребление пояснительных конструкций и глаголов: «是指» / «подразумевается, имеется ввиду», «其实不然» / «на самом деле это не так», «实际上» / «на самом деле», «所谓...又称...是指» / «так называемое... и также называемое... подразумевает», «其实» / «на самом деле», «因此» / «поэтому», «对此» / «ввиду этого».

Что касается представленных в текстах средств дискурсивного воздействия, можно сказать, что все три статьи объединены одной целью — репрезентовать положительный образ реформы. В основном данная цель реализуется посредством презентемы «реформа даст государственным предприятиям больше свободы и стимулирует их к развитию», основанной на использовании лексических единиц со значениями «право»: 权力 / право, власть и «самостоятельность»: 自我 / сам, 自主 / самоуправление, 进行自我约束 / осуществлять собственное дисциплинирование, 不做干预 / не вмешиваться; единиц со значениями «развитие и возможности»: 生机 / жизнеспособность, 活力 / потенциал, 运行 / функционировать, 能力 / способность, 激励 / стимул; а также единиц со значением «выгода»: 有利于 / быть выгодным, 优惠 / льготный, благоприятный и «укрепление»: 加强 / усиливать, 增强 / укреплять.

Дискурсы, посвященные предложению депутата Всекитайских народных представителей Чжан Баоянь увеличить меру уголовного наказания за торговлю людьми, также послужили показательным материалом. Данное событие вызвало у нас большой интерес, поскольку, несмотря на активное обсуждение данного вопроса на платформах неофициальных медиа, оно не было освещено крупными официальными источниками. Некоторые сайты, связанные с официальными но-

востными издательствами, упоминали предложение Чжан Баоянь. Например, на сайте Центрального комитета комсомола 中国青年网 «Чжунгуо цинниань ван» в статье «两会大家谈|人大代表张宝艳: 我的公益进行时» / «все обсуждают конференцию ВСНП и НПКСК | депутат ВСНП Чжан Баоянь: мое время заниматься благотворительностью»: 为了更好地为百姓发声, 今年两会, 张宝艳关注的领域更加广泛: 希望能够加大对拐卖妇女儿童犯罪分子的量刑力度; 希望全国幼儿园统一安装监控系统。 / «Чтобы ещё лучше передавать голос народа, в этом году на конференции ВСНП и НПКСК, Чжан Баоянь расширила поле своего внимания: надеюсь увеличить меры наказания для торговцев женщинами и детьми; надеюсь, что детские сады всей страны будут иметь общую систему контроля». А также на сайте 中国报协网 «Чжунгуо баосье ван» в статье «2019 年两会热词折射民生期待» / «Вопросы ВСНП и НПКСК 2019 популярны у народа»: 全国人大代表张宝艳提议拐卖妇女儿童罪最高调至死刑, 引发热议, 部分网友表示支持, 认为“人贩子就应该重惩、严惩” / «депутат ВСНП Чжан Баоянь предложила установить смертную казнь в качестве высшей меры наказания за преступления в похищении женщин и детей, что вызвало горячие споры, многие интернет-пользователи выразили свою поддержку, считая “торговля людьми должна быть жестоко наказана, сурово наказана”». Тем не менее, объем текста, посвященный непосредственно данному вопросу, ничтожно мал в сравнении с текстами, представленными в неофициальных медиа, — всего 68 знаков в одном источнике и 53 в другом. Тексты из неофициальных источников представлены в разном объеме: статья на сайте «Соуху» включает 514 знаков, статья на сайте «Байду» — 1329 знаков.

Основной тематической направленностью текстов из неофициальных источников является освещение важности проблемы борьбы с похищением детей и женщин в Китае. Тем не менее, угол отражения проблемы несколько различается. Так статья в «Соуху» имеет более призывный характер, в дискурсивное пространство текста имплицитно встроены лозунги, которые выделены структурно (каждый лозунг начинается с нового абзаца) и графически (жирным шрифтом): «为了让那些贩卖儿童的罪恶不再僵而不死» / «Ради того, чтобы эти бандиты, которые продают детей были ни живы, ни мертвы»; «为了让你我的孩子永远不会落入那人间地狱» / «Ради того, чтобы наши дети никогда не попали в тюрьму к этим людям». Кроме того, автор использует просьбы, выраженные как имплицитно: «值得大家转发疾呼» / «Стоит того, чтобы распространить и выказать поддержку», «希望...这个提议被更多人看到, 被更多人支持» / «Надеюсь...это предложение увидит больше людей, поддержит больше людей», так и эксплицитно: «需要你我共同呼吁» / «нужна наша общая поддержка», «请让更多人加入到我们一同支持张宝艳女士提法案通过» / «пожалуйста, давайте сделаем так, чтобы больше людей присоединились к нам и поддержали проект госпожи Чжан Баоянь». Статья на сайте «Байду» больше фокусируется на том, какие результаты уже достигнуты в борьбе с проблемой: «找回儿童 2980 名, 找回率达 97.6%» / «было найдено 2980 пропавших детей, процент найденных составляет 97,6%». А также внимание уделяется тому, как данная проблема обсуждается в интерне-

те, о чем свидетельствуют встроенные в пространство статьи отрывки бесед из социальных сетей.

В плане используемых дискурсивных средств два текста объединяет использование презентемы «проблема похищения детей и женщин очень важна и актуальна для всех». С целью показать актуальность проблемы для широких слоев общества используются лексемы 热搜 / популярно в поиске, 热议 / горячо обсуждается, метафорическая идеома «迫在眉睫» / «давит на брови и ресницы (не терпит отлагательства)», а также аргументативная стратегия привлечения фактических данных: «网友点赞高达 20 多万» / «количество пользователей, поставивших лайк, достигает более 200 000». Кроме того, авторы текстов используют концепт «несчастья» для того, чтобы продемонстрировать, что проблема действительно весьма негативно сказывается на развитии общества. В статье с портала «Соуху» данный концепт формируется за счет метафор: «饱尝失去孩子的撕心裂肺、滴血之痛» / «вдоволь хлебнуть душераздирающую боль потери ребенка», «以泪洗面» / «умыться слезами», «走在黑暗边缘家庭» / «семьи, которые ходят по краю мрака». В статье с сайта «Байду» используется специальная лексика, описывающая драматические последствия похищения детей и женщин: «犯罪过程中, 还可能伴有强奸、虐待、非法拘禁、侮辱、殴打、强迫卖淫甚至致人死亡等罪行, 更有可能导致亲属自杀、精神失常等后果» / «преступления могут сопровождаться изнасилованиями, мучением, незаконным заключением, оскорблениями, избиением, принуждением к проституции вплоть до действий, приводящих к гибели человека, и ещё более вероятно к самоубийству, психическим расстройствам и другим последствиям».

Таким образом, анализ репрезентации социально значимых событий в различных СМИ источниках демонстрирует, что неофициальные источники информации обладают малым потенциалом к производству конкурирующих дискурсов. Точка зрения на события, отражаемая неофициальными медиа, или полностью совпадает с точкой зрения официальных источников информации, или игнорируется ими. В связи с этим мы можем сделать вывод, что медиадискурс новостных организаций в китайской лингвокультуре имеет преимущественно консенсусную направленность.

Тем не менее, следует отметить, что не только медиа каналы способны оказывать влияние на построения дискурса, дискурсивная власть в современном медиа пространстве переходит в руки многомиллионной аудитории интернет-пользователей, которые благодаря современным технологиям обрели «голос» и возможность активно участвовать в медиа коммуникации [6, с. 163–166].

В качестве подтверждения данного заключения приводим кейс, в котором комментарии пользователей повлияли на дискурсивные практики официального медиа канала. 24 апреля 2019 года некоторые интернет-пользователи опубликовали информацию о том, что в Нанкинском технологическом училище незаконно зачисляли студентов. 26 апреля 2019 года в интернете также распространилась новость о том, что на территории данного училища были избиты несколько студентов. Несмотря на то, что данная ситуация вызвала большой общественный резонанс в социальных сетях и на неофициальных новостных порталах, издательство газеты «Жэньминьжибао» не публиковало никаких сообщений по этому

поводу. В связи с этим, читатели страницы «Жэньминьжибао» в «Вэйбо», пользуясь возможностью оставлять комментарии к новостям, стали обращаться к издательству с требованиями опубликовать информацию об обстановке в Нанкинском технологическом училище. В комментариях участники использовали стратегии напоминания, вопроса, просьбы, обвинения и угрозы. Комментарии-напоминания представляют собой краткие сообщения, содержащие название города 南京 / Нанкин или краткое название училища 南应 / Нанкинский технологический, для привлечения внимания также активно используются эмодзи. Стратегия вопроса реализуется синтаксически при помощи вопросительных знаков «南应? ? 可回应吗? ? ? » / «Нанкин??? Можно ответ???» или на лексическом уровне при помощи вопросительных слов 为啥 / почему, 是吧 / действительно ли. Просьбы формируются за счет использования глаголов со значением «просить»: 求 / просить, требовать, 请 / просить, пожалуйста. Кроме того, модальность просьбы создается благодаря компонентам количества действия: 了解下呗 «расскажите немного», 回应一下 «отреагируйте немного». Обвинительные комментарии используют глагол 报道 / докладывать, сообщать в сочетании с отрицательными частицами 没有 / ещё не, 不 / не. При этом на уровне контекста используется императивная тональность «别发这种鸡汤了» / «хватит публиковать слащавые истории», а также создается драматический эффект «南京有些人的青春正在被糟蹋你也不报道» / «В Нанкине некоторым молодым людям испортили жизнь». Некоторые пользователи в своих комментариях угрожают издательству тем, что будут без остановки отправлять сообщения о Нанкине, пока не появится официальная информация: «你不调查我就一直发南应» / «Если вы не разберётесь, все время буду отправлять Нанкинский технологический».

Результатом данных дискурсивных практик пользователей «Вэйбо» стало то, что 29 апреля 2019 года издательство «Жэньминьжибао» опубликовало на странице в Вэйбо официальное сообщение о ситуации в Нанкине. Данный пост достаточно краткий, объем текста составляет 101 знак. При этом сообщение сохраняет разговорный стиль, свойственный для всего пространства социальных сетей. Так тональность заголовка звучит неформально благодаря глаголу 来 / подходить: 官方通报来了 / подошла официальная информация, а также использованию эмодзи, изображающего микрофон, в начале заголовка. Основной презентемой сообщения является стратегия убеждения. На лексическом уровне используются единицы, демонстрирующие, что по данной ситуации ведутся проверки: «处理问题» / «решать проблему», «同有关方面相应展开» / «соответствующие проверки заинтересованных сторон», «严格依法依规处理» / «разбираться строго в соответствии с законом и правилами». Эффект убеждения усиливается благодаря ссылке на авторитетный источник: в тексте сообщения присутствует прямая интернет-ссылка на страницу Управления по трудовым ресурсам и социальному обеспечению в Нанкине, а также прикреплен текст официального доклада данного Управления.

Таким образом, данный случай демонстрирует, что даже в относительно закрытом для проявления диссонансных черт медиапространстве Китая, адресаты имеют возможность высказывать свое мнение, даже если оно вступает в кон-

фликт с общепринятым дискурсом. Кроме того, оставляя комментарии к сообщениям новостных источников, интернет-пользователи сами становятся авторами дискурсов, которые способны оказывать определенное влияние на дальнейшие действия тех представителей медиа, в руках которых сосредоточено больше дискурсивной власти.

Литература

1. Алексеева А. Е. Дискурсивные особенности текстов СМИ: публичность и достоверность // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 6. С. 124–129.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. Вып. 4(38). С. 286–291.
3. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 13(184). Вып. 22. С. 181–187.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
5. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. Т. 2. Вып. 16. С. 26–31.
6. Zhao J. State, market and media: the changing Chinese nationalistic discourse since the 1980s. The Chinese University of Hong Kong, 2011. 270 p.

MODERN CHINESE MEDIA DISCOURSE:
UNITY OF OPINION OR CONFLICT OF DISCOURSES?

Aleksandra P. Mutasova

Senior lecturer of the Oriental Languages Department,
School of Philology and Language Communication,
Siberian Federal University
79 Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041, Russia
E-mail: amutasova@sfu-kras.ru

Abstract. Different heterogeneous discourses exist and interact in the modern media space. However, the question whether polar discourses can co-exist within the modern Chinese media remains open. This research analyzes discourses of official and unofficial media channels to reveal their consensus or dissonance nature.

Keywords: media discourse, discourse power, recipient discourse power, Chinese linguoculture.

УДК 811.581'42

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-190-194

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА,
НАЗЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА,
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

© **Пигалева Мария Владиславовна**

старший преподаватель,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
pigaleva-m@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты одного из этапов психолингвистического эксперимента, направленного на выявление значимых для китайцев произведений искусства. Предпринимается попытка интерпретировать полученные результаты и выявить прецедентные имена в области искусства для китайской молодежи.

Ключевые слова: искусство, произведение искусства, эксперимент, прецедентное имя.

Для цитирования

Пигалева М. В. Прецедентные имена, называющие произведения искусства, в языковом сознании китайской молодежи // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 190–194.

В последние годы наблюдается усиление интереса к китайскому языку и культуре, что обуславливается укреплением политической и экономической роли Китая в мире, его техническими и научными достижениями. Китай представляет собой пример страны с богатой культурой и традициями, прошедшими через века и до сих пор находящими отражение в разнообразных языковых фактах. Особую лингвистическую ценность представляют прецедентные феномены — языковые факты, которые известны большей части представителей лингвокультурного сообщества и которые определяют его специфику.

Прецедентные феномены — это факты, известные большинству представителей лингвокультурного сообщества, к которым часто апеллируют и которые актуальны в эмоциональном и/или познавательном плане [4, с. 116]. Изучение прецедентных феноменов позволяет получить более полное представление о культуре и снижает риск коммуникационной неудачи. Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и другие исследователи московской лингвокультурологической школы выделяют четыре вида прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст [3, с. 83]. В данной статье мы обращаемся к прецедентным именам — именам собственным, связанным с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств [4, с. 114]. Исследование прецедентных имен в китайскоязычном дискурсе представлено в работах Н. Н. Воропаева [1, 2]. В словаре-справочнике «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи» исследователь акцентирует внимание на широкой известности этого вида прецедентного феномена и на том, что, став известным, прецедентное имя имеет шансы «усилить свою прецедентность» при соответствующих условиях и потребностях общества [1, с. 20]. Искусство является одновременно и духовной потребностью общества в красоте, и способом удовлетворить эту потребность в виде создания эстетически привлекательных материальных объектов, и названия многих произведений искусства стали прецедентными феноменами, содержащими различные инварианты восприятия представителями неодинаковых лингвокультур. Проведение психолингвистического эксперимента позволит выделить важные для информантов произведения

искусства и выявить представления китайцев об искусстве, выраженные через прецедентные имена.

В 2020 г. в рамках психолингвистического исследования концепта 艺术 (искусство) нами был проведен направленный эксперимент, в котором приняли участие молодые люди китайской национальности в возрасте от 18 до 30 лет. Общее число информантов — 44 человека, выборка сбалансирована по полу. Исследование представляло собой анкетирование, где информантам предлагалось ответить на три вопроса на китайском языке:

1. Что такое искусство?
2. Укажите признаки искусства;
3. Укажите 3 произведения искусства.

На последний вопрос было получено 124 реакции, называющие произведения искусства, каждая из которых была соотнесена с видом искусства, а также со страной и временем создания. В данной статье мы попытаемся интерпретировать полученные нами результаты, анализируя каждую из указанных категорий. Отталкиваясь от того, что характерной чертой любого прецедентного феномена является его воспроизводимость большинством представителей того или иного общества, мы укажем только те произведения искусства, которые воспроизводились информантам многократно (более 3-х раз), поскольку это может свидетельствовать о возможности апелляции не только к денотату, но и к набору соответствующих ему дифференциальных признаков.

Указанные произведения представляют следующие виды искусства (далее в порядке уменьшения количества элементов): «Живопись» (72 реакции); «Скульптура» (16 реакций); «Литература», «Архитектура», «Музыка» (по 9 реакций каждая); «Театр» (5 реакций); «Декоративно-прикладное искусство» (4 реакции), «Кино» (3 реакции). Подобное распределение объяснимо спецификой самих видов искусства: чаще всего информанты вспоминали статические визуальные виды искусства, чей образ легче всего воспроизводится памятью — произведения живописи, скульптуры, архитектуры. Далее следуют временные и динамические виды искусства — музыка и литература, поскольку и то, и другое является неотъемлемой частью как учебной, так и повседневной жизни молодых людей. И в конце, со значительным отрывом, идут зрелищные виды искусства — театр и кино. Они сочетают в себе множество элементов, и, возможно, не сразу актуализируются в сознании китайских молодых людей. Отдельно стоит отметить упоминание декоративно-прикладного искусства — его присутствие в реакциях молодых людей представляет особый интерес. Респонденты упоминают вырезки из бумаги (剪纸), танскую трехцветную керамику (唐三彩) и фарфор Цинхуа (青花瓷). Указанные объекты являются важными компонентами искусства и культуры Китая, прославившими страну на весь мир и до сих пор являющимися визитной карточкой Китая и, хотя не все из них представляют собой прецедентные феномены, все же считаем необходимым упомянуть и их как важное связующее звено между древней и современной культурой Китая.

Обратимся к времени создания и странам указанных произведений искусства. Респонденты упомянули произведения искусства следующих стран: Китай (37 реакций), Италия (30 реакций), Нидерланды (18 реакций), Франция (14 реак-

ций), Россия (12 реакций), Австрия и Греция (по три реакции каждая), Норвегия (2 реакции), Япония, США и Германии (по одной реакции соответственно). Подобный выбор необходимо рассматривать в совокупности с историческим периодом создания произведений. Так, итальянское искусство упоминалось информантами чаще всего после национального, и указанные произведения относятся преимущественно к периоду Возрождения (2-я пол. XV — нач. XVI в.): это реакции «Мона Лиза»/ «Улыбка Моны Лизы» («蒙娜丽莎»/ «蒙娜丽莎的微笑») и «Тайная вечеря» («最后的晚餐») Леонардо да Винчи, «Давид» («大卫») Микеланджело, «Спящая Венера» (沉睡的维纳斯) Джорджоне да Кастельфранко. Примечательно то, что из упоминавших работу «Мона Лиза» часть информантов назвало название картины, а часть упомянуло улыбку — важную деталь, сделавшую картину узнаваемой во всем мире.

Национальное искусство Китая представлено различными эпохами, но преобладающее число указанных работ относится к периоду до XII в. Среди них чаще всего упоминались живописная панорама Чжан Цзэдуаня «По реке в День поминовения усопших» («清明上河图») (XII в), знаменитая работа Ван Сичжи «Предисловие из Павильона орхидей» («兰亭集序») (IV в) и «Пять быков» («五牛图») (VIII в). Упоминание классических древних произведений искусства демонстрирует традиционность китайцев и более обширное знание древней истории своей страны, чем ее других исторических периодов. Из нидерландского искусства китайские информанты неоднократно упоминали «Девушку с жемчужной сережкой» («油画戴珍珠耳环的少女») (XVII в) и работы Ван Гога: «Звездное небо» («星空») и «Подсолнухи» («向日葵») (XIX в). Искусство Франции представлено работами XIX в: произведениями импрессиониста К. Моне «Впечатление. Восходящее солнце» («日出·印象») и «Кувшинки», а также скульптурой О. Родена «Мыслитель» («思考者»). Из русского искусства чаще всего упоминались картина И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» («尔加河上的纤夫»), а также балет «Лебединое озеро» («天鹅湖»). Присутствие реакций, называющих произведения русских деятелей искусства, обосновано тем, что многие из китайских информантов — студенты подготовительных групп или бакалавриата российских вузов, и за время учебы они изучают русский язык и культуру.

Для китайского общества характерна традиционность, в связи с чем мы видим обращение к древним образам и произведениям искусства имперского Китая (221 г. до н. э. — 1911 г. н. э.). Это подтверждает и присутствие упоминаний произведений декоративно-прикладного искусства, которое до сих пор является важной составляющей современной культуры Китая. Обращение к зарубежному искусству обусловлено учебными факторами: указанные произведения европейского искусства представляют собой сокровища мировой цивилизации, изучаемые в рамках школьного курса мировой художественной культуры, а упоминание в реакциях произведений русской живописи и музыки может отсылать к возможному получению образования на территории Российской Федерации. Дальнейшее сравнение полученных результатов с ответами русских информантов позволит выделить общие реакции и инварианты их восприятия представителями обеих национальностей.

Литература

1. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая. Москва: ВКН, 2018. 384 с.
2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 27 с.
3. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей; редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
4. Морозова Н. Все об искусстве: виды, произведения и примеры, история жанров и функции. URL: <https://art-dot.ru/iskusstvo/> (дата обращения: 07.09.2021).
5. Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; ответственный редактор М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2018. 192 с.

PRECEDENT NAMES OF ARTWORKS
IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF CHINESE YOUNG PEOPLE

Mariia V. Pigaleva

Senior Lecture,
Perm State University
15 Bukireva St., Perm 614990, Russia
pigaleva-m@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of one of the stages of a psycholinguistic experiment aimed at identifying works of art that are significant for the Chinese people. An attempt is made to interpret the results obtained and identify precedent names in the field of art for Chinese young people.

Keywords: art, artwork, experiment, precedent name.

УДК 821.58

DOI: 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-194-198

**ПОЭЗИЯ КАК ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ В РОМАНЕ «СТЕКЛО»
СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ БЭЙ ЦУНЯ**

© **Дышенов Александр Валерьевич**

ассистент кафедры Филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
mg.graf3@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются христианские мотивы в творчестве современного китайского писателя Бэй Цуня на примере его романа «Стекло». Предпринимается попытка представить поэзию и сам иероглиф 诗 с позиции христианского богословия, проводятся параллели с романом писателя, где два главных героя как раз являются поэтами.

Ключевые слова: христианство, поэзия, Бэй Цунь.

Для цитирования

Дышенов А. В. Поэзия как поиск смысла жизни в романе «Стекло» современного христианского писателя Бэй Цуня // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.); научные редакторы Л. Л. Ветлужская, М. Б.-О. Хайдапова, О. Д. Тугулова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. Вып. 1. С. 194–198.

Первое документально подтверждённое знакомство Китая с христианством относится к времени династии Тан (618–907), когда в 635 г. в Чанъань из Персии прибыла группа несторианских миссионеров во главе с епископом Алобынем. Христианство в Китае переживало разные времена: расцвета, упадка; однако миссионерская работа не останавливается, и уже среди самих китайцев много тех, кто исповедует и тем самым проповедует эту веру.

Один из них — Бэй Цунь (北村) — современный христианский писатель, входит в число «中国小说五十强优秀作家 (1978–2000)¹», 1965 г. р., уроженец провинции Фуцзянь. После окончания факультета китайского языка Сямынского университета в 1985 г. он устраивается на работу редактором журнала «Фуцзянская литература» и сразу начинает успешно публиковаться. Его труды пользуются признанием на литературной арене Китая, также переводятся на другие языки (английский, японский и немецкий), и экранизируются². 1992 год считается поворотным не только для творческой деятельности писателя, но и для его мировоззрения, он становится христианином протестантского течения. Отныне его труды посвящаются исключительно христианским темам, и роман «Стекло», который считается одним из четырех романов его «золотой эпохи» писательской деятельности, как раз повествует о жизни двух поэтов и их «встрече» с христианством.

Поэзия в жизни Поднебесной имеет особенное положение. Умение тонко сказать слово, изящно сложить их в ряд в имперском Китае являлось показателем ума и даровитости настолько, что было частью экзамена на государственную службу. Подобная идея отражается и в иероглифе “诗”, где правый компонент “寺” может трактоваться как «придерживаться», «следовать», и поэт, как и чиновник — это тот, кто умеет следовать за словом “言”, не только держаться слова, но и держать его. Синологии известно и самостоятельное употребление этого компонента, когда “寺” имеет значение «монастырь» или «храм»; и если «монастырь», тогда «поэзия» — возможно, место уединения человека со словом “言”, место отчуждения его от мира, и Бэй Цунь проводит эту идею через героев романа.

Роман разворачивается в новом Китае. Представлены два главных героя, два лучших друга — Ли и Датэ, они оба любят поэзию. Поэзия для них — не только любовь к словам, но больше — любовь к смыслам: смыслу бытия, смыслу любви, дружбы; поэзия для них — поиск истины: *«Ли говорит: Датэ сказал, что он хочет написать самые лучшие стихи, потому что стихи могут спасти челове-*

---

1 «Пятьдесят лучших писателей-романистов Китая (1978–2000)».

2 По его сборнику рассказов «周渔的喊叫» был снят фильм «Поезд Чжоу Юй».

чество» [1, с. 14]. Ещё с университета они вместе, вместе живут, помогают и заботятся друг о друге, и делятся самым сокровенным — своими стихами. Они любят одну и ту же женщину — Цянь. Сильный и мужественный Датэ любит Цянь той любовью, которую древние греки называли «эрос», любовью плотской. И даже взяв в жёны Цянь, Датэ не забывает о других женщинах, потому что, помимо поэзии, прекрасная половина человечества — его второй смысл в жизни: *«Ли говорит: Ты не можешь так поступать. Датэ отвечал: Я люблю Цянь, и люблю тебя. Ли говорит: мне без разницы, но если ты любишь Цянь, то должен по-настоящему лучше относиться к ней, не веди себя так безобразно»* [1, с. 15]. Даже внешне утончённый, худощавый Ли, будучи всё же человеком более высокого нравственного развития, он и любит Цянь по-другому, платонически.

Кульминация в романе наступает, когда разочарованная в Датэ, отвергнувшая чувства Ли, в поисках новой любви Цянь эмигрирует в Америку, где обращается в христианство, отказывается от мыслей о замужестве: *«Цянь говорит: Я больше не хочу замуж»* [1, с. 162], и решает посвятить свою жизнь служению Богу. С этой целью она возвращается в Китай, встречается с Ли, и тогда происходит самое главное в романе — обращение Ли. Он принимает христианскую веру, бросает поэзию, сжигает свои стихи и из тихого, совсем незаметного человека становится горячим проповедником: *«Ли вправду стал особенным»* [1, с. 154]. Датэ не принимает перемен Ли, расценивает его обращение предательством их дружбы, идеалов, и ради возврата Ли даже отказывается от женщин. Всё же несмотря на множество попыток разговора, объяснения причин обращения Ли, в конце концов Датэ понимает, что Ли не вернуть, и убивает его: *«Ли говорил неверно, его жизнь в моей руке, я определил его смерть. Он должен был верить мне»* [1, с. 167], а позже Датэ и сам заканчивает жизнь по приговору суда.

Как мы видим на примере Ли и Цянь, автор, казалось бы, протестантской традиции, показывает такую модель христианской жизни, которая очень напоминает модель католическо-православного монашества: и Ли и Цянь дают своего рода обет безбрачия, и, отказываясь от притязаний на этот бренный мир, пусть не живя в кельях, но воспринимая под служением Богу только аскетическо-проповеднический образ жизни, они всё же как бы оказываются вне этого мира, в невидимых стенах какого-то невидимого монастыря.

Можно ли назвать происходящие трансформации крайностями? Может быть, в этом состоит желание и самого автора, который когда-то и сам покался и пришёл в церковь? В творчестве писателя-авангардиста Бэй Цуня часто проходят мотивы какого-то бунта, перехода из одного крайнего состояния в другое, что также прослеживается на примере персонажей Ли, Датэ, Цянь, их жизни — это сильнейшие сдвиги из одной крайности в другую. Помимо сюжетных линий, которые отражают радикальный характер писателя, в самой форме, в языке его работ отражаются те же черты. Так, в романе, который претендует на звание литературного труда, помимо этого ещё и труда христианского (что автоматически подводит его к обязательству ещё большей нравственной чистоты), автор рисует такие картины, о которых не принято говорить в обществе. Эротизм в романе иногда переходит допустимую черту, проваливаясь то ли в нечто порнографическое, то ли в нечто извращённое (чего стоит описание автором женского туалета). Возможно, таким образом автор пытается показать читателю свою искрен-

ность, пытается открыто говорить о том, что многие естественно знают, но в силу морали не говорят, однако какие бы цели ни ставил автор, после прочтения *такого* видения сути сексуальных отношений или особенностей человеческой анатомии, всё же в сердце читателя может остаться ощущение нечистоты. Может сложиться и так, что подобное произведение не будет восприниматься христианским трудом, христианской литературой. Другие писатели, которые также проповедуют христианские ценности: Достоевский, К. Льюис, Толкиен и т. д., или картины и фрески Микеланджело, украшающие своды итальянских храмов, где тоже есть обнажённые образы мужчин и женщин, — все они поют величественно и красиво.

Подходя в заключение к вопросу о смысле жизни человека, христианина, церковь всегда говорила, что главное — это проповедь дел Христа. В какой форме будет проходить она, обязательно ли она должна называться этим словом, или весть о Спасителе может транслироваться всем существом человека, всякими его трудами и талантами, как и вышеупомянутые труженики искусства воспринимали своё служение Богу. Музыкальные композиции Баха считаются 5-ым Евангелием, и сам он всю свою жизнь полагал на то, чтобы творить музыку, которая говорила бы человеку о вечном. Мы знаем, что и Пушкин воспринимал свой дар как служение, чего стоит его стихотворение «Пророк». Того ли желал Христос, говоря: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин.20:21), чтобы люди покидали этот мир и затворялись в конструктах каменных или мысленных монастырей? Хотя решение Ли оставить стихи, по-своему оставить и мир, нельзя назвать злом (многие из нас тоже с радостью бы нашли свой смысл бытия и посвятили бы ему свою жизнь), но нельзя ли было Ли и дальше стихотворить, слагать такие стихи, которые могли бы отражать те до крайности важные откровения, полученные им? И тогда поэзия 诗 — это не «монастырь», не место уединения отдельного человека со словом, но «храм», где звучит «слово» жизни для всякого входящего.

Китайские иероглифы могли бы открыть нам много того, что скрыто в их причудливых штрихах. Писатель Бэй Цунь по-своему пытается этими мини-картинами донести до других людей весть о Христе, не только через роман «Стекло», но миру известны и другие его работы: «Смотря на тебя», «Гнев», «У меня с Богом есть соглашение» и др.

Подобное служение делают и многие другие христиане, среди которых и писатели, и художники, и учёные-историки, которые даже делают попытку по-новому взглянуть на историю китайской иероглифики, связывая её не с именами мифических Нюйвы и Фуси или Цан Цзе, а с идеей Сотворения, что весть о Спасителе была в Китае задолго до первой задокументированной встречи с епископом Алобынем, даже задолго до правления династии Западная Хань на рубеже эр, но эта весть уже была дана в иероглифах, при их сотворении Богом.

Литература

1. Бэй Цунь. Стекло. Шанхай: Шанхайское издательство «Жэньминь Мэйшу», 2003.

POETRY AND THE MEANING OF LIFE IN THE NOVEL "GLASS"
BY THE MODERN CHRISTIAN WRITER BEI CUN

Alexander V. Dyshenov

Assistant of Department of Far East Countries Philology
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
mr.graf3@gmail.com

Abstract. The article examines Christian motifs in the work of the modern Chinese writer Bei Cun on the example of his novel "Glass". An attempt is made to present poetry to the hieroglyph itself 诗 from the standpoint of Christian theology; parallels are drawn with the novel of the writer, where the two main characters are poets.

Keywords: Christianity, poetry, Bei Cun.

Научное издание

СИНОЛОГИЯ В XXI в.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Улан-Удэ, 12 октября 2021 г.)

Выпуск 1

Ответственный за выпуск
Л. Л. Ветлужская

Текст печатается в авторской редакции

Дизайн обложки
А. Б. Дашиевой

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 27.12.2021. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 13,89. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 100. Заказ 178.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а